

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

24 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Афанасьевич Потебня* (1835–1891), русский и украинский языковед, литературовед, философ.

Александр Афанасьевич родился в 1835 году в дворянской семье штабс-капитана на хуторе Манев, близ села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии (ныне Роменский район).

Он с отличием окончил Радомскую гимназию и поступил на юридический факультет Харьковского университета, но через год перевелся на историко-филологический факультет. Там же Потебня увлекся этнографией, стал изучать «малорусское наречие» и собирать народные песни. По окончании университета Потебня недолго проработал учителем словесности в 1-й Харьковской гимназии, а затем в 1861 году защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» и начал читать лекции в Харьковском университете. В возрасте 26 лет он опубликовал свой труд «Мысль и язык», где сформулировал ряд оригинальных и глубоких теоретических положений. Тогда же он отправился в заграничную командировку — посещал лекции в Берлинском университете, изучал санскрит и побывал в нескольких славянских странах. В 1874 году он защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике», а в 1875 году стал профессором Харьковского университета.

Потебня находился под сильным влиянием идей Вильгельма фон Гумбольдта, однако переосмыслил их в психологическом духе. Он много изучал соотношение мышления и языка, в том числе в историческом аспекте, выявляя прежде всего на русском и славянском материале исторические изменения в мышлении народа. Занимаясь вопросами лексикологии и морфологии, ученый ввел в русскую грамматическую традицию ряд терминов и понятийных противопоставлений. В частности, он предложил различать значение слова: «дальнейшее» (связанное, с одной стороны, с энциклопедическими знаниями, а с другой — с персональными психологическими ассоциациями, и в обоих случаях индивидуальное) и «ближайшее» (общее для всех носителей языка, «народное», или, как чаще говорят теперь в русской лингвистике, «наивное»). В языках с развитой морфологией ближайшее значение делится на вещественное и грамматическое. Ученого глубоко интересовала история образования категорий существительного и прилагательного, противопоставления имени и глагола в славянских языках.

В те времена нередко одни языковые явления рассматривались в отрыве от других и от общего хода языкового развития. И поистине новаторской была мысль Потебни, что в языках и их развитии есть непреложная система и что события в истории языка надо изучать, ориентируясь на его разнообразные связи и отношения.

Александр Афанасьевич известен также своей теорией внутренней формы слова, в которой конкретизировал идеи фон Гумбольдта. Внутренняя форма слова — это его

«ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова «стол» сохраняется образная связь со словом «стать»); благодаря внутренней форме слово может приобретать новые значения через метафору. Именно в трактовке Потебни «внутренняя форма» стала общеупотребительным термином в русской грамматической традиции. Он писал об органическом единстве материи и формы слова, в то же время настаивая на принципиальном разграничении внешней (звуковой) формы слова и внутренней. Лишь многие годы спустя это положение было оформлено в языкознании в виде противопоставления плана выражения и плана содержания.

Одним из первых в России Потебня начал изучать проблемы поэтического языка в связи с мышлением, ставил вопрос об искусстве как особом способе познания мира. Ученый также исследовал украинские говоры (объединявшиеся в то время в лингвистике в «малорусское наречие») и фольклор, стал автором ряда основополагающих работ по этой тематике.

Потебня являлся горячим патриотом своей родины — Малороссии и осуждал правительственные притеснения украинского языка. Украинский язык и словесность он сам называл исходной точкой, которая и побудила его к занятиям языкознанием. Потебня считал необходимым для каждого украинца иметь тесную связь с украинским языком и культурой. Величайшей трагедией Украины Потебня считал то, что украинское дворянство отказалось от родного языка.

Вместе с тем он рассматривал русский язык как единое целое — совокупность великорусских и малорусского наречий, а общерусский литературный язык считал достоянием не только великороссов, но и белорусов и малороссов в равной степени; это отвечало его взглядам на политическое и культурное единство восточных славян.

Потебня создал научную школу, известную как «Харьковская лингвистическая школа». Его идеи оказали большое влияние на многих русских лингвистов второй половины XIX и первой половины XX века.

Александр Потебня являлся членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, а также действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Он был награжден Ломоносовской премией, Уваровскими золотыми медалями и удостоен Константиновской медали Русского географического общества. Кроме того, Потебня состоял председателем Харьковского историко-филологического общества (1878–1890) и членом Чешского научного общества.

Последние свои дни знаменитый деятель науки провел в Харькове, в доме 16 по улице, которая сейчас носит его имя.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аксарин Н. И.

Условия правомерности необходимой обороны в Артикулах воинских 355

Андержанова М. Н.

Проблема определения творческого вклада при охране структуры базы данных: анализ судебной практики и доктрины 357

Антонова А. В.

Использование биометрических технологий для установления личности гражданина при совершении нотариальных действий 359

Апрельков Ю. М.

Двойственная природа товарного знака: между правом и экономикой..... 364

Асеев Н. В.

История развития института страхования жилых помещений в России..... 367

Афанасьев В. А.

Перспективы совершенствования миграционной политики РФ 369

Бабин А. О.

Правовая неопределенность как коррупциогенный фактор в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов..... 371

Боев И. Г.

Прокурорский надзор при продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера: проблема формального судебного контроля 375

Бокова М. Е.

Понятие, виды и особенности правового режима объектов авторских прав в цифровой среде 377

Брютова В. Н.

Научно обоснованные предложения по усовершенствованию законодательства для беременных женщин в трудовом праве.... 380

Будажанов Д. С.

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства 383

Вареница К. А., Каравайцев Н. Д.

Судебные споры о «черной» заработной плате: способы доказывания 385

Васильев М. Д.

Трансформация принудительных мер воздействия Банка России: от формальных критериев к содержательному поведенческому надзору..... 387

Васильев М. Д.

Адаптация международных стандартов операционной устойчивости (DORA) в российском банковском надзоре в условиях санкционных ограничений 391

Ватрасова А. А.

Защита трудовых прав работников при реорганизации юридических лиц: правовые гарантии и проблемы правоприменения 395

Габрусева А. Д.

Преддоговорная ответственность. Вступление в переговоры без намерений заключить договор 397

Громакова А. А.

Цифровые доказательства в системе доказательств по уголовным делам: правовая природа и процессуальное значение..... 399

Дарбинян Д. В.

Проблемы и ошибки в процессе криминалистической идентификации 401

Жарова А. А.

Значение фактического прекращения семейных отношений при разделе имущества супругов 402

Забиран В. А., Ильина Д. Д., Давлиева В. И.

Режим высылки мигрантов как новый институт административно-правового принуждения..... 406

Иванова А. А.

Опыт зарубежных стран в области гарантий и мотивации государственных служащих: сравнительно-правовой анализ 408

Казаченко Я. С.

Валютная оговорка в договоре реализации
туристского продукта: особенности
реализации и принцип свободы договора412

Карамышева У. С.

Мировое соглашение как результат
медиации в гражданском судопроизводстве... 415

Киселева А. Д.

Понятие и элементы правового статуса
нотариуса416

Козлова Ю. В.

Соотношение публичного договора
и договора присоединения.....418

Крюков В. О., Березуцкий К. П.

О некоторых вопросах, связанных
с подведомственностью и подсудностью дел
в сфере интеллектуальной собственности 421

Крюков В. О., Березуцкий К. П.

Влияние практики суда по интеллектуальным
правам на правоприменение 425

Лаптев М. А.

История правового регулирования
перевозок грузов автомобильным
транспортом в России..... 428

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Условия правомерности необходимой обороны в Артикулах воинских

Аксарин Никита Иванович, студент магистратуры

Научный руководитель: Минин Роман Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Тюменский государственный университет

Статья посвящена анализу института необходимой обороны в Артикулах воинских Петра I. На основе исторических источников и доктринальных положений исследуются условия правомерности обороны. Проводится сравнение с современной точки зрения на необходимую оборону. Делается вывод о том, что Артикулы воинские стали значительным этапом развития института необходимой обороны в России, однако содержат существенные ограничения, не позволяющие в полной мере соответствовать современной доктрине.

Ключевые слова: необходимая оборона, Артикулы воинские, Пётр I, условия правомерности, превышение пределов необходимой обороны, Соборное уложение 1649 года, сравнительно-правовой анализ, история уголовного права России.

Институт необходимой обороны в России ведёт своё начало с договоров князя Олега и Византии. Например, Лукки Екатерина Валерьевна в автореферате на соискателя учёной степени говорит: «Институт необходимой обороны в российском законодательстве начал формироваться в X–XVII вв., что подтверждается дошедшими до наших дней памятниками права: договоры Руси с Византией 911 года, 945 года...» [6, с. 12]. Но действительным закреплением необходимой обороны можно считать Соборное уложение 1649 года. Ещё Фельдштейн Г. С. писал: «in expressis verbis об институте этом упоминает впервые Соборное Уложение 1649 г.». [7, с. 9]. Невозможно не согласиться с Григорием Самуиловичем: все существовавшие до этого источники так или иначе опирались на обычай и по своей сути были призваны ограничить право на кровную месть, вводя запрет на кровную месть за незначительные телесные повреждения, заменяя её штрафами и судебными поединками, вводя те или иные требования к необходимой обороне. В данной статье будут рассматриваться условия правомерности необходимой обороны с точки зрения современного права и доктрины в артикулах воинских.

Артикулы воинские Петра Первого и сопутствующие ему документы являются крайне интересными историческими памятниками той эпохи, заложившими основы современного уголовного права и не знающими аналогов в современном праве многих стран, включая право Российской Федерации. Они были призваны развить и модернизировать право той эпохи, привнеся новые правовые институты стран Западной Европы. Как указывает в своей статье Григорьев О. В.: «касаемо Артикулов Воинских 1714 года общепринято то, что для его составления

использовались нормы шведского, датского и австрийского военного законодательства последней трети XVI–XVII вв., зачастую именно нормы шведского «Воинского артикула» редакции 1683 года» [3, с. 3]. Это является естественным процессом — привносить что-то новое в право своей страны, заимствуя и модернизируя чужое право в рамках своих порядков и устоев.

Важно отметить, что данный документ по своей сути был военно-уголовным кодексом, что чётко отражается в Кратком изображении процессов или судебных тяжб: «власть судейская помянутых кригсрехтов не разпространяется далее, яко над офицеры, солдаты и протчими к войску надлежащими людьми, междо которыми офицерские служители, харчевники и прочие кроме жен и младенцев разумеются» [4]. Данное положение дел создавало коллизию между более современным и прогрессивным законом и устаревшим на тот момент Соборным уложением 1649 года. Это положение дел изменил указ Петра Первого от 10 апреля 1716 года — с этого момента данный документ стал основным при решении дел в обычном судопроизводстве [2].

В целом согласно современной теории уголовного права в Российской Федерации условия правомерной необходимой обороны следующие: посягательство должно быть общественно опасным; посягательство налично; посягательство действительно; вред при защите должен причиняться только нападающему; оборона возможна даже при возможности избежать посягательства; оборона не должна причинять излишний вред нападающему.

В Артикуле 156 говорится: «кто прямое оборонительное сопротивление для обороны живота своего учинит...»

[1] — данная статья указывает нам, что оборона возможна только для защиты самого себя, она не содержит указаний на возможность оборонять иных лиц или интересы государства и общества, что характерно для современного института необходимой обороны. Но разъяснения к артикулу 185 содержат уточнения, важные для рассматриваемого вопроса: так, причинить смерть вору можно было при ночной краже, «ибо надлежит разсудить, что вор не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываетца» [1]. Также арт. 156 указывает, что вред при защите должен причиняться только нападающему: «и онаго, кто его к сему принудил, убьет, оный от всякаго наказания свободен» [1]. Данные положения об общественной опасности не соответствуют современным требованиям: перечень возможных для обороны объектов преступления крайне ограничен в сравнении со ст. 37 УК РФ, но положения о причинении вреда только лицу посягающему, в целом соответствуют.

Следующими признаками являются наличность и действительность посягательства. Артикулы воинские содержат разъяснения, говорящие о том, что оборона должна быть против наличного и действительного посягательства: «...когда подлинно в страхе есть и зацеплен будет» [1, арт. 157], то есть лицо должно находиться в реальной опасности и посягательство должно уже начаться, что соответствует признакам действительности и наличности. При этом данные разъяснения содержат запрет на причинение вреда по завершении противоправного посягательства: так, они не допускали догонять обидчика и причинять ему излишний вред, то есть мнимая оборона при условии неправильной оценки окончания посягательства запрещена и должна наказываться на общих основаниях без привилегированных составов.

В современном понимании необходимой обороны главенствует требование о том, что оборона возможна даже при возможности избежать преступного посягательства бегством или иным образом. Однако в XVII–XVIII веках большинство законодательств предусматривали, а правоведы считали, что оборона возможна только при условии, что нет возможности убежать или обратиться к уполномоченным лицам за помощью. Дж. Локк говорил: «...где можно восстановить справедливость в отношении потерпевшего и возместить понесенный им ущерб посредством обращения к закону, там не может быть повода для применения силы...» [5, с. 121]. Данная позиция характерна

для правопонимания того времени. Артикулы воинские не обошлись без такого правила: арт. 157 прямо говорил, что человек должен доказать, что он не мог уступить или убежать от посягающего. При этом содержится важное условие: если человек всячески старается избежать нападения, но больше не может уклоняться, он имеет право применять силу к наступающему, так как ждать действительного посягательства более не представляется возможным и первый удар нападающего может стать последним [1, арт. 157]. Данные положения кажутся довольно важными: они достаточно сильно ограничивают право на необходимую оборону, делая это право относительным, а не абсолютным.

Последним, но не менее важным условием правомерности, согласно современной российской доктрине, является непревышение пределов необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны — это умышленные действия обороняющегося, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Толкования к арт. 157 содержат данное условие: согласно ему, необходимо обороняться таким же образом, каким совершено нападение, но при опасности причинения смерти обороняться можно любым способом. Также обороняться можно любым способом в случаях, когда нападающий гораздо сильнее обороняющегося [1]. В целом данные положения соответствуют современному пониманию о непричинении необоснованного вреда нападающему.

Подводя итог, можно сказать, что данные артикулы явились действительно большим шагом вперед для отечественного права, привнеся наиболее проработанный на момент XVIII века институт необходимой обороны в истории российского права. Оценивая с современной точки зрения институт необходимой обороны Воинских артикулов, можно сделать вывод, что он не в полной мере соответствует нашим современным представлениям и требованиям, но крайне близок к этому. Можно говорить, что круг объектов, которые можно оборонять, крайне узок: возможно оборонять только себя и собственный дом. Также недостаточно продуманным является то, что при возможности убежать человек не имеет права на оборону, что делает право на необходимую оборону относительным. Кроме того, положения Воинского артикула не содержат указания на возможность обороняться при неожиданности посягательства, как например, в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ.

Литература:

1. Артикул воинский. — Текст: электронный // hist.msu.ru: [сайт]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 09.06.2026).
2. Войде, Е. Г. Становление и развитие военно-уголовного законодательства Российской империи XVIII — начало XIX века / Е. Г. Войде, А. А. Графшонкина. — Текст: непосредственный // Advances in law studies. — 2020. — № Том 8 № 2. — С. 11–15.
3. Григорьев, О. В. Артикул воинский и «краткое изображение процессов и судебных тяжёб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в / О. В. Григорьев. — Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — № 1. — С. 28–38.

4. Краткое изображение процессов или судебных тяжёб. — Текст: электронный // hse.ru: [сайт]. — URL: <https://nprav.hse.ru/ba/law/igpr/kip> (дата обращения: 09.06.2026).
5. Локк, Д. Два трактата о правлении. — Книга II / Д. Локк. — Текст: электронный // civisbook.ru: [сайт]. — URL: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=555> (дата обращения: 09.06.2026).
6. Лукки, Е. В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: специальность 12.00.08 «уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лукки Екатерина Валерьевна; Кубан. гос. аграр. ун-т им. И. Т. Трубилина. — Краснодар, 2019. — 30 с. — Текст: непосредственный.
7. Фельдштейн, Г. С. О необходимой обороне и её отношении к так называемому правомерному самоуправству / Г. С. Фельдштейн. — СПб.: Лань, 2013. — 51 с. — Текст: непосредственный.

Проблема определения творческого вклада при охране структуры базы данных: анализ судебной практики и доктрины

Андержанова Маргарита Наилевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена проблеме определения творческого вклада при правовой охране баз данных. Анализируются критерии охраноспособности структуры БД как составного произведения, разграничивая технический труд и креативность. На основе анализа судебной практики (включая дело «Атом.Око») и доктрины доказывается, что авторство требует личного участия в проектировании архитектуры, а не выполнения аналитических или вспомогательных функций. Рассматриваются кейсы с использованием ИИ, подтверждающие: охрана предоставляется только при существенном человеческом вкладе, где нейросеть выступает инструментом.

Ключевые слова: база данных, авторское право, творческий вклад, структура базы данных, доказывание авторства.

В условиях цифровой экономики данные стали ключевым активом, а базы данных (БД) — фундаментом для функционирования бизнеса и государственных сервисов. Однако правовая охрана этих сложных информационных продуктов сталкивается с фундаментальной проблемой: как отграничить результат технического труда от произведения, созданного творческим трудом. Вопрос о признании структуры базы данных объектом авторского права является одной из наиболее дискуссионных тем в российской юридической практике.

Проблема определения творческого вклада при охране структуры базы данных (БД) связана с разграничением правовой охраны по авторскому и смежному праву, а также с трудностями доказывания в судебной практике. В российском законодательстве база данных может охраняться как объект авторского права, если она является результатом творческого труда по подбору и расположению материалов (ст. 1260 ГК РФ), либо как объект смежных прав — при условии существенных затрат на её создание, даже при отсутствии творческого элемента (ст. 1333–1336 ГК РФ).

Согласно статье 1260 Гражданского кодекса РФ, база данных охраняется как составное произведение. Это ключевой момент для понимания пределов защиты. Авторское право не распространяется на сами материалы (факты, сведения), содержащиеся в базе, а также на идеи, концепции и методы. Объектом охраны является исключительно структура — то есть способ подбора, организации и расположения этих материалов.

Законодатель устанавливает жесткое требование: охраноспособным признается лишь тот результат интеллектуальной деятельности, который создан творческим трудом. Если подбор и расположение элементов базы данных осуществлялись без творческих усилий (например, по алфавитному или хронологическому порядку), такая работа не порождает авторских прав.

Определение «творческого вклада» остается оценочной категорией, что порождает сложности в правоприменении. Анализ позиций высших судебных инстанций позволяет выделить несколько ключевых критериев.

Таблица 1. Критерии творческого вклада в доктрине и практике

Критерий	Описание
Наличие свободы выбора	Творческий характер создания предполагает, что у автора была объективная возможность проявить свою индивидуальность. Если структура БД жестко детерминирована внешними нормативами, говорить о творчестве затруднительно

Таблица 1 (продолжение)

Критерий	Описание
Оригинальность решения	Структура должна быть результатом интеллектуального поиска, а не механическим повторением общеизвестных схем. Уникальная архитектура свидетельствует о творческом подходе
Характер выполненных работ	Верховный Суд РФ подчеркивает, что авторами признаются только те лица, которые внесли личный творческий вклад. Оказание технической помощи само по себе не делает лицо со-автором. Аналогично, подготовка ТЗ является лишь подготовительным этапом
Презумпция творчества	Пока не доказано иное, любой результат интеллектуальной деятельности предполагается созданным творческим трудом. Бремя доказывания отсутствия креативности лежит на стороне, оспаривающей авторство

Источник: составлено автором.

Высшие судебные инстанции неоднократно подчёркивали, что в основе правовой охраны базы данных лежат усилия по подбору и систематизации информации, а не её содержание. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 отмечено, что база данных может охраняться даже при отсутствии творческого характера, если доказан факт существенных затрат на её создание. Наиболее ярко проблема иллюстрируется судебными спорами о служебных произведениях, где необходимо разграничить труд аналитика и труд программиста-архитектора.

Кейс 1: Аналитическая работа vs. разработка ПО

Дело: Замоскворецкий районный суд г. Москвы, дело № 02–2899/2025.

Стороны: Бывший сотрудник-аналитик против IT-компании.

Предмет спора: Истец требовал признать его соавтором программы для ЭВМ «Атом.Око», утверждая, что участвовал в разработке архитектуры.

Решение суда: В удовлетворении иска отказано.

Обоснование: Суд установил, что должностные обязанности истца ограничивались системной аналитикой и подготовкой функционально-технических требований (ФТТ). Эта деятельность носила вспомогательный характер. ФТТ являются заданием для разработчиков, но сами по себе не содержат совокупности данных и команд, составляющих программу. Таким образом, истец оказал техническое содействие, но не внес личного творческого вклада в создание охраняемого объекта.

Кейсы 2–4: Использование ИИ как инструмента и ответственность за его действия

Развитие технологий искусственного интеллекта добавило новый пласт к проблеме авторства. Российская и зарубежная практика придерживается позиции, что охране подлежат только те произведения, в которых присутствует творческий вклад человека, а ИИ являлся лишь инструментом.

Кейс 2 (Deerfake): Девятый арбитражный апелляционный суд (дело № А40–200471/23) признал видеоролик, созданный с помощью Deerfake, объектом авторского права. Суд указал, что ИИ выполнил лишь частичное преобразование исходного материала, не исключив творческого вклада авторов оригинала.

Кейс 3 (Генерация изображений): Тринадцатый арбитражный апелляционный суд (дело № А42–3966/2023) подтвердил исключительное право на изображение, созданное нейросетью, поскольку человек предоставил исходник и контролировал процесс генерации через промпты и постобработку.

Кейс 4 (Ответственность ИИ): Дело *Moffatt v. Air Canada* (Канада, 2024) демонстрирует подход к ответственности. Авиакомпанию обязали выплатить компенсацию за ошибку чат-бота, так как он был признан ее представителем. Этот принцип важен и для сферы авторского права: владелец системы несет полную ответственность за результаты ее работы, включая возможное нарушение чужих прав.

Трудности доказывания:

— Одна из проблем — разграничение охраняемой базы данных и простой совокупности информации. Чтобы база была признана объектом права, требуется доказать либо наличие творческого подхода, либо значительность инвестиций.

— Сложно установить факт и объём незаконного копирования в цифровой среде. Особенно трудно определить, произошло полное воспроизведение базы или лишь частичное использование информации, что влияет на объём ответственности.

— Иногда возникает пересечение с режимом коммерческой тайны. Структура базы может охраняться как информация, имеющая коммерческую ценность и защищаемая при условии соблюдения режима секретности (ст. 1465–1471 ГК РФ).

Анализ доктрины и судебной практики показывает, что граница между техническим исполнением и творчеством проходит по линии уникальности архитектурного замысла и непосредственной реализации этого замысла в структуре БД. Простое следование инструкции, сбор стандартных данных или выполнение аналитических функций оставляет базу данных за рамками правовой охраны авторским правом. Ключевым фактором становится доказательство активного, индивидуального участия человека в создании уникальной структуры, будь то проектирование классической реляционной базы или управление сложным процессом генерации контента с помощью нейросетей.

Определение творческого вклада при охране структуры базы данных требует комплексного подхода. Суд учитывает, как творческий характер подбора и расположения материалов, так и существенные затраты на создание базы. Ключевым остаётся доказывание либо оригинальности структуры (для авторского права), либо экономических вложений (для смежных прав). Судебная практика стремится сбалансировать интересы правообладателей и пользователей, учитывая специфику цифровых технологий и необходимость развития инноваций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). — М.: Проспект, 2025.
2. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Проект Федерального закона № 922784–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8> (дата обращения: 07.06.2026).
3. Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с определением критериев творческой деятельности на примере фотографий (утв. протоколом от 23 апреля 2024 г.) // Суд по интеллектуальным правам. — URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/21732> (дата обращения: 07.06.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 80) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 7.
5. Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 15 декабря 2025 г. по делу № 02–2899/2025 // СудАкт.ру. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gv4lrrcIEZW5/> (дата обращения: 07.06.2026).
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2024 г. N 09АП-15674/2024 по делу N А40–200471/23 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.06.2026).
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2024 г. по делу № А42–3966/2023 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.06.2026).
8. *Moffatt v. Air Canada*, 2024 BCCRT 149 // CanLII. — URL: <https://www.canlii.org/en/bc/bccrt/doc/2024/2024bccrt149/2024bccrt149.html> (дата обращения: 07.06.2026).
9. Шевцова, М. А. Творческий труд как критерий охраноспособности объектов авторского права: анализ новых рекомендаций СИП / М. А. Шевцова // Адвокатская газета. — 2024. — 15 мая.
10. Тимофеева, К. В. Искусственный интеллект и авторское право: проблемы правоприменения / К. В. Тимофеева // Закон.ру. — 2024. — 20 марта. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/20/iskusstvennyj_intellekt_i_avtorskoe_pravo_problemy_pравоприменeniya (дата обращения: 07.06.2026).

Использование биометрических технологий для установления личности гражданина при совершении нотариальных действий

Антонова Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует правовые и практические аспекты индивидуализации гражданина в нотариальной деятельности, анализирует эволюцию механизмов установления личности — от дореволюционной свободы усмотрения нотариуса до современных цифровых методов. Особое внимание уделяется внедрению биометрических технологий с 2020 года: рассматривается нормативная база, правовая природа идентификации через Единую биометрическую систему, а также спорные вопросы правоприменения. На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта обосновывается вывод о том, что традиционные способы проверки личности исчерпали свои возможности. Автор приходит к заключению, что биометрия является перспективным инструментом, однако ее эффективное и безопасное применение в нотариате возможно только в комплексе с прозрачными процедурными правилами, надежной технической инфраструктурой и гарантиями для участников гражданского оборота.

Ключевые слова: нотариат, установление личности, индивидуализация гражданина, биометрические персональные данные, Единая биометрическая система (ЕБС), идентификация, цифровые технологии.

Индивидуализация гражданина выступает одной из базовых правовых предпосылок его участия в гражданском обороте и совершении юридически значимых действий.

Индивидуализация гражданина в праве означает выделение конкретного физического лица из числа иных субъектов посредством совокупности признаков, позволяющих установить его тождество и юридическую определенность. Р. И. Бодров предлагает понимать под средствами индивидуализации граждан (физических лиц) словесные, визуальные, электронные, физиологические, социальные и иные не запрещенные гражданским законодательством Российской Федерации обозначения, в том числе комплексные, содержащие совокупность информации о признаках и свойствах физического лица, и (или) создающие образ гражданина, позволяющие персонализировать его как субъекта гражданского права среди других людей [1].

В нотариальной деятельности исследуемая категория приобретает особое значение, поскольку нотариус обязан удостовериться, что нотариальное действие совершается именно тем лицом, которое обладает соответствующей волей и правоспособностью.

Еще в дореволюционных источниках описана важность процедуры удостоверения личности при совершении нотариальных действий. Санкт-Петербургская Судебная Палата в решении от 27.01.1871 № 105 высказала позицию о том, что удостоверение в актах или заведательствованиях о тождестве участвующих в гражданских сделках лиц составляет самую первую основу всего нотариального порядка, так как эти удостоверения установлены именно с той целью, чтобы не было сомнения о тождестве этих лиц; иначе при несоблюдении указанных правил удостоверения они утратили бы для частных лиц и для всего юридического быта всякое серьезное практическое значение и на них нельзя было бы полагаться [2].

При этом в соответствии с Положением о нотариальной части 1866 г. [3] и Временными правилами для руководства нотариусов 1867 г. [4] нотариус не ограничивался в выборе тех или иных доказательств, позволяющих удостовериться личность заявителя. Нотариусу предоставлялась возможность в каждом конкретном случае определять, какие доказательства можно считать достаточными. Таким образом, в вопросе удостоверения личности дореволюционными нотариусам в определенной степени была предоставлена свобода усмотрения.

Конечно, сегодня российское законодательство о нотариате, а именно положения Основ законодательства о нотариате 1992 г. (далее — Основы) [5], предусматривает более усовершенствованный механизм индивидуализации гражданина при его обращении к нотариусу.

Статья 42 Основ регламентирует, что по общему правилу установление личности нотариус должен производить на основании паспорта или других документов, исключающих любые сомнения относительно личности лиц, обратившихся за совершением нотариального действия (часть первая). Указанной статьей нотариусам предоставлена возможность использования государственных информационных ресурсов, доступ к которым предоставляет МВД России в порядке, установленном Правительством РФ [6] (часть третья); специальных технических и программно-технических средств, позволяющих удостовериться в подлинности представленных гражданином документов, (при наличии таких средств в распоряжении нотариуса) (часть четвертая).

Разработанные МВД России требования к таким специальным техническим и программно-техническим средствам [7] подразумевают:

- визуальный контроль подлинности документов в белом проходящем и отраженном свете;
- наличие источника ультрафиолетового света;
- наличие источника инфракрасного излучения.

Отдельно следует отметить, что при возникновении у нотариуса сомнений в подлинности документов, удостоверяющих личность, он может отложить совершение нотариального действия и направить в федеральные органы государственной власти, выдавшие такие документы, составленный по определенной форме [8] запрос в целях проверки их подлинности.

Возможность применения указанных способов вовсе не означает, что нотариус не проверяет паспорт и иные документы, удостоверяющие личность.

Здесь следует привести разъяснение Верховного Суда РФ, приведенное им в пункте 7 Обзора судебной практики 2021 г. [9], о том, что возлагая на нотариуса обязанность удостоверять личность гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия и подлинность предъявленного им документа, удостоверяющего его полномочия, закон не предусматривает исчерпывающим образом методы и способы удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечень применяемых при этом технических средств, оставляя вопрос о полноте и достаточности такой проверки на усмотрение самого нотариуса, который несет профессиональный риск как ненадлежащего совершения нотариальных действий, так и необоснованного отказа в их совершении. При этом обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей возлагается на нотариуса.

В условиях распространения мошеннических схем с поддельными документами недобросовестные лица используют копии документов, содержащие ложные сведения о средствах индивидуализации, что позволяет им обходить традиционные способы нотариальной про-

верки. Исходя из анализа судебной практики, встречаются случаи, когда к нотариусу для удостоверения доверенности обращается лицо, которое предъявляет оригинал чужого паспорта, но с вклеенной в него своей фотографией [10] либо же предъявляет паспорт своего покойного родственника (очевидно, внешне на него похожего) [11]. Наличие подобных доверенностей впоследствии позволяет мошенникам заключать договоры купли-продажи недвижимого имущества якобы от имени реальных собственников.

В подобных ситуациях суды признают наличие вины нотариуса в причинении ущерба второй стороне сделки, указывая, что между действиями нотариуса и убытками истца (покупателя) имеется прямая причинно-следственная связь, поскольку нотариус, не проявив необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность, не установил должным образом личность гражданина, действующего от имени продавца.

Более того, в одном из дел кассационный суд, отменяя акты нижестоящих инстанций, указал, что отсутствие урегулированной на законодательном уровне обязанности нотариуса по обеспечению себя специальными техническими средствами для использования в своей профессиональной деятельности не освобождает последнего от рисков ненадлежащего исполнения своих обязанностей [12]. Иными словами, установление вины нотариуса при совершении нотариальных действий не может быть поставлено в зависимость от применения или неприменения им более квалифицированных способов проверки предъявляемых документов.

Из изложенного становится очевидным, что иногда для индивидуализации гражданина необходимы уникальные данные, которые присущи только одному лицу, а значит исключают повторяемость. В науке такие признаки называют биометрическими данными. Именно эти признаки служат дополнительными средствами, позволяющими наиболее точно идентифицировать физическое лицо как субъект гражданского оборота.

2020 год стал годом запуска новых возможностей для нотариусов в России и, соответственно, годом глобальной работы над подготовкой технической и нормативной базы, необходимой для реализации на практике совершенно новых нотариальных сервисов и форматов.

29 декабря 2020 года вступили в силу основные положения так называемого закона «о цифровом нотариате» [13], направленного на оптимизацию нотариальной деятельности в условиях развития цифрового общества. Именно эти нововведения ознаменовали право нотариуса на сбор биометрических данных (часть пятая статьи 42 Основ).

Теперь нотариус в двух случаях — при отсутствии документа, удостоверяющего личность, либо при наличии сомнений относительно личности заявителя вправе установить его личность посредством единой биометрической системы (ЕБС), при условии, что биометрические персо-

нальные данные такого лица, а также номер его мобильного телефона содержатся в указанной системе. При этом согласие заявителя на обработку биометрических персональных данных для совершения нотариальных действий не требуется (часть седьмая статьи 42 Основ). Порядок установления личности таким способом уже утвержден Минюстом России совместно с Федеральной нотариальной палатой (ФНП) [14].

Внедрение биометрии в деятельность нотариусов вызвало бурные обсуждения в кругах юристов, в частности практикующих нотариусов.

Член комиссии ФНП по методической работе, нотариус города Москвы А. А. Сагин выступает сторонником подобных технологий: «К сожалению, в нынешней паспортной системе существует определенный недостаток. В связи с тем, что паспорта выдаются на достаточно долгий срок, бывает иногда затруднительно идентифицировать человека, которому сейчас под 70 лет, а паспорт он получал, когда ему было 45» [15]. Председатель комиссии ФНП по использованию информационных технологий, нотариус нотариального округа город Калуга О. В. Головотюк также считает, что такая проверка, очевидно, является более надежной, чем просто установление личности по паспорту, так как фотография в паспорте зачастую бывает старой и может значительно отличаться от внешнего вида человека в момент визита к нотариусу [16].

Председатель комиссии ФНП по методической работе, вице-президент Московской городской нотариальной палаты И. В. Радченко, напротив, полагает, что применение биометрии, безусловно, позволяет точно установить личность лица, узнать его регистрационные данные, семейное положение, свести к минимуму риски совершения юридически значимых действий по поддельным или украденным паспортам. Однако этих знаний недостаточно для того, чтобы быть уверенными в законности той же сделки и ее юридической чистоте [17].

Нотариус города Москвы А. В. Бегичев уверен, что пока система полагается на цифровые данные, которые можно скопировать, единственной осязаемой защитой остается нотариус: «Он сверяет человека с фотографией в бумажном паспорте, а не с биометрическим шаблоном из базы. Он видит клиента и слышит его, чтобы убедиться в его адекватности и искренности намерений. Это не доступно алгоритмам» [18].

Если провести параллель с зарубежным опытом, можно прийти к выводу, что биометрия в сфере нотариата не является разработкой отечественного законодателя и успешно применяется в других странах.

Например, нотариусы Киргизии при удостоверении сделок используют Touch ID (отпечаток пальца) и Face ID (биометрия) для верификации граждан [19]. Как ни странно, одним из главных инициаторов повсеместного использования биометрических данных с целью сделать невозможной подделку документов, устанавливающих личность, является нотариат Колумбии. В этой стране

любой посетитель нотариальной конторы не только предъявляет документ, но и прикладывает свой палец к сканеру, после чего мгновенно осуществляется связь с национальной базой данных и личность гражданина подтверждается. Колумбийские нотариусы отмечают, что криминальные истории с поддельными паспортами, заграничными мошенниками и прочими попытками использовать недостоверные данные о личности ушли в прошлое [20].

Отметим, что российский законодатель продолжает внедрять биометрические технологии для повышения безопасности сторон сделок при избрании ими дистанционного способа заключения.

Так, с 01.07.2026 при дистанционной регистрации прав на недвижимость нужно будет пройти идентификацию через ЕБС [21]. Новое требование касается только электронных сделок, при которых документы подаются в Росреестр онлайн. До внесения соответствующих изменений в закон для того, чтобы зарегистрировать право собственности без личного присутствия, нужно было получить усиленную квалифицированную электронную подпись (УКЭП). Теперь подписания с помощью УКЭП недостаточно — необходимо прохождение биометрической идентификации через ЕБС. Таким образом, биометрия становится вторым фактором подтверждения личности — дополнением к электронной подписи, а не ее заменой.

Полагаем, что биометрия служит перспективным направлением, ее использование во всяком случае повышает безопасность, снижает риски мошенничества и подделки документов, поскольку биометрические данные уникальны и неизменны в течение жизни.

Нотариус выступает своеобразным гарантом безопасности совершаемой сделки. Однако как видно из практики, недобросовестные лица могут использовать ухищренные способы для обхода нотариальной проверки. Привычные способы идентификации уже «не справляются» с реалиями современного гражданского оборота. Представляется, что составление и направление нотариальных запросов о действительности предъявленных документов уступает биометрическому способу, поскольку срок получения информации на запрос составляет 10 рабочих дней со дня его получения, в то время как электронно-аналитические устройства и сканеры опознают личность за считанные минуты. Здесь необходимо учитывать, что нотариальные действия требуют своевременности их предоставления и в этом плане биометрическая идентификация, безусловно, более эффективна.

Немаловажным аргументом в пользу применения биометрии в нотариальной практике является тот факт, что нотариус несет полную имущественную ответственность за свои действия, соответственно, более целесообразным при идентификации личности видится полагание нотариуса на «пальчики», сетчатку глаза, образец голоса и другие уникальные данные, а не на бумажные документы, при предъявлении которых иной раз невозможно понять, что с ними обращается вообще не их «обладатель».

Следует учитывать, что биометрия — это инструмент, требующий аккуратного применения. Прирост качества нотариальной защиты возможен лишь в комплексе с прозрачными процедурными правилами, устойчивой технической инфраструктурой и гарантиями участникам оборота.

Литература:

1. Бодров Р. И. Гражданско-правовые средства индивидуализации граждан (физических лиц): вопросы теории и практики: специальность 12.00.03: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бодров Роман Игоревич; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. — М., 2016. — 26 с. — Текст: непосредственный.
2. Антонов В. А. Процедура удостоверения нотариусами личности сторон при совершении сделок с недвижимостью по Положению о нотариальной части 1866 г. // Нотариус. 2025. № 1. С. 58–61.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 42 (1867). Ч. 2. Закон № 45135. О временных правилах для руководства мировых судей, нотариусов и старших нотариусов при применении Положения о нотариальной части. С. 274–275. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=866®im=3 (дата обращения: 10.06.2026).
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 41 (1866). Ч. 1. Закон № 43186. Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части. С. 352. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=843®im=3 (дата обращения: 10.06.2026).
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/.
6. О доступе нотариусов к государственной информационной системе миграционного учета и базовому государственному информационному ресурсу регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации при установлении личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, обратившихся за совершением нотариального действия: Постановление Правительства РФ от 09.12.2017 № 1505 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285273/.

7. Об утверждении Требований к специальным техническим и программно-техническим средствам, позволяющим нотариусу удостовериться в подлинности документов, удостоверяющих личность гражданина, его представителя или представителя юридического лица, обратившихся за совершением нотариального действия: Приказ МВД России от 13.06.2019 № 382 (Зарегистрировано в Минюсте России 30.07.2019 № 55457) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330437/.
8. Об утверждении Порядка направления и формы запроса нотариуса в федеральные органы государственной власти для проверки подлинности документов, удостоверяющих личность гражданина, его представителя или представителя юридического лица: Приказ Минюста России от 29.06.2015 № 158 (ред. от 01.12.2025) (Зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2015 № 37830) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181850/.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 56-КГ23-18-К9 // СПС «Гарант». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408054971/>.
11. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2025 № 88-10898/2025 (УИД 05RS0031-01-2023-008797-85) // Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции в сети «Интернет». — URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10571377&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1.
12. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 № 88-5897/2024 (УИД 25RS0029-01-2022-004304-59) // Официальный сайт Девятого кассационного суда общей юрисдикции в сети «Интернет». — URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12000170&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1.
13. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341788/.
14. Об утверждении Порядка установления личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица посредством единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 228 (вместе с «Порядком установления личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица посредством единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации», утв. решением Правления ФНП от 16.09.2020 № 16/20, приказом Минюста России от 30.09.2020 № 228) (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 № 60216) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364096/.
15. «Москва FM»: биометрия в нотариальной конторе станет реальностью [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата. — URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/moskva-fm-biometriya-v-notarialnoj-kontore-stanet-realnostyu> (дата обращения: 11.06.2026).
16. Нотариусам дали доступ к биометрии россиян [Электронный ресурс] // Российская газета. — URL: https://rg.ru/2020/12/29/notariusam-dali-dostup-k-biometrii-rossii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 11.06.2026).
17. Потенциал нотариата для безопасной цифровизации обсудили в Совете Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата. — URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/potencial-notariata-dlya-bezopasnoj-cifrovizacii-obsudili-v-sovete-federacii> (дата обращения: 11.06.2026).
18. Можно ли доверять биометрии при покупке квартиры [Электронный ресурс] // Лигал Академия. — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/mozhno-li-doveryat-biometrii-pri-pokupke-kvartiry> (дата обращения: 11.06.2026).
19. Роль нотариата в брачно-семейной сфере обсудили на научной конференции в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата. — URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/rol-notariata-v-brachno-semejnoj-sfere-obsudili-na-nauchnoj-konferencii-v-sankt-peterburge-2412> (дата обращения: 11.06.2026).
20. Биометрия в нотариальной конторе, бракосочетание у нотариуса, электронные архивы и другие технологии в интересах граждан [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата. — URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/biometriia-v-notarialnoi-kontore-brakosochetanie-u-notariusa-elektronnnye-arkhivy-i-drugie-tehnologii-v-interesakh-grazhdan> (дата обращения: 11.06.2026).

21. О внесении изменения в статью 36.2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»: Федеральный закон от 07.06.2025 № 133-ФЗ (вступает в силу с 01.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507274/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/.

Двойственная природа товарного знака: между правом и экономикой

Апрельков Юрий Максимович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Введение

В современной правовой и экономической реальности товарный знак уже трудно описывать как сугубо техническое средство индивидуализации, предназначенное лишь для дифференциации товаров одного производителя от товаров другого. Такая характеристика формально верна, но в содержательном отношении она давно перестала быть исчерпывающей. На практике товарный знак существует одновременно во множестве плоскостей — как юридически охраняемое обозначение, как носитель деловой репутации, как механизм рыночной коммуникации и, наконец, как самостоятельный нематериальный актив, способный концентрировать и воспроизводить стоимость. Именно поэтому его анализ не может ограничиваться рамками одной отраслевой оптики. Вопрос о товарном знаке неизбежно лежит на стыке гражданского права, конкурентной политики, теории нематериальных активов и экономического анализа частноправовых институтов.

Проблематика настоящего исследования состоит в необходимости преодолеть инерцию традиционного нормативистского подхода, в рамках которого товарный знак сводится к объекту исключительного права, а все иные его свойства рассматриваются как внешние, факультативные или вторичные. Подобная редукция удобна для догматического описания, но она плохо объясняет, почему именно вокруг знаков концентрируются инвестиции, почему споры о них столь остры и почему правовая судьба обозначения нередко влияет на рыночное положение хозяйствующего субъекта не меньше, чем судьба его материальных активов. Цель работы заключается в выявлении синтетической природы товарного знака и в обосновании тезиса о том, что полноценное исследование данного института возможно лишь при одновременном учете его юридической формы и экономического содержания.

1. Товарный знак как объект гражданского права

В соответствии с действующим регулированием товарный знак признается средством индивидуализации товаров, работ и услуг, которому предоставляется правовая охрана при условии государственной регистрации [1]. Исключительное право на товарный знак тради-

онно описывается через совокупность правомочий использования, распоряжения и пресечения неправомерного использования обозначения третьими лицами. В пределах этой конструкции правообладатель наделяется юридической монополией на использование обозначения в гражданском обороте, а сама регистрация становится тем юридическим фактом, с которым связываются возникновение охраны, пределы ее действия и возможность противопоставления права неопределенному кругу лиц. Для гражданско-правовой догматики такая модель принципиальна, потому что она позволяет встроить товарный знак в систему объектов интеллектуальных прав и обеспечить необходимую определенность правового режима.

Однако даже в рамках собственно юридического анализа видно, что товарный знак не исчерпывается набором формально закрепленных правомочий. Правовая оболочка обозначения выполняет не только квалификационную, но и охранительную функцию. Это значит, что она фиксирует за определенным субъектом результат предшествующих усилий по продвижению товара, созданию узнаваемого образа и накоплению доверия со стороны потребителей. В этом смысле уместно согласиться с Г. А. Гаджиевым, указывающим на недопустимость подмены экономического содержания одной лишь юридической формой [2]. Аналогичным образом А. Г. Карапетов подчеркивает, что правовая конструкция должна оцениваться не в отрыве от ее назначения, а через ту функцию, которую она реально выполняет в обороте [3, с. 43]. Для товарного знака этот тезис особенно важен, так как его юридическая охрана имеет смысл лишь постольку, поскольку обозначение участвует в хозяйственной коммуникации и обладает способностью связывать товар с определенным коммерческим источником.

Следовательно, в правовом измерении товарный знак действительно выступает как объект исключительных прав, но такое определение следует понимать как исходный, а не завершающий тезис. Юридическая квалификация задает форму института, определяет способы защиты, пределы использования и правила оборота права; вместе с тем она не объясняет, почему одни обозначения остаются пустыми регистрационными оболочками, а другие превращаются в экономически значимые активы. Поэтому даже внутри гражданско-правового анализа не-

обходимо удерживать мысль о том, что за абстрактной категорией исключительного права стоит феномен, укорененный в рыночной практике и воспринимаемый участниками оборота прежде всего через его коммерческую функцию.

2. Экономическая природа товарного знака

В экономической плоскости товарный знак представляет собой нематериальный актив, ценность которого определяется не самим фактом регистрации, а способностью обозначения устойчиво работать в качестве сигнала для рынка. Эта ценность формируется постепенно через повторяемость потребительского выбора, через ассоциации с определенным уровнем качества, через маркетинговые вложения, через накопленную деловую репутацию и через доверие, которое потребитель переносит с предыдущего опыта на будущие сделки. Иначе говоря, экономическая значимость товарного знака проистекает не из его графического или словесного облика как такового, а из того массива смыслов и ожиданий, который связывается с ним в хозяйственном обороте. Именно поэтому в экономической литературе знак закономерно рассматривается как материально неосязаемый, но стоимостно выраженный компонент бренд-капитала.

Как отмечают У. Ландес и Р. Познер, товарные знаки снижают информационную асимметрию, позволяя потребителю быстрее соотнести товар с определенным источником происхождения и предполагаемым качеством [4, с. 168]. Значение этого положения выходит далеко за пределы абстрактной экономической теории. На рынках, где потребитель не способен заранее проверить все свойства товара либо несет чрезмерные издержки на такую проверку, знак выполняет роль сокращенного сообщения о происхождении, репутации и предсказуемости результата. Тем самым он уменьшает трансакционные издержки, упрощает выбор и делает повторные сделки вероятнее. Правовая охрана товарного знака в этом контексте оказывается не произвольной привилегией правообладателя, а институциональным условием поддержания надежности рыночных сигналов. Если обозначение может свободно присваиваться посторонними лицами, оно утрачивает информационную функцию и перестает эффективно работать в интересах как производителя, так и потребителя.

Отсюда понятно, почему экономическая стоимость товарного знака нередко превосходит стоимость значительной части материальных активов компании. В условиях развитой конкуренции производственные мощности, логистические решения или даже отдельные технологические преимущества могут быть сравнительно быстро воспроизведены. Гораздо труднее воспроизвести накопленное доверие рынка к обозначению, за которым стоит устойчивая репутация и узнаваемый образ. В ряде секторов именно бренд становится главным носителем

конкурентного преимущества, а товарный знак — его юридически очерченной формой. По этой причине споры о знаках далеко не всегда сводятся к спору о формальном приоритете. Нередко они затрагивают вопрос о контроле над значительным массивом будущих доходов и над возможностью извлекать ренту из уже сложившейся лояльности потребителей.

3. Синтез правовой и экономической природы

Представляется, что наиболее точным является рассмотрение товарного знака как синтетического объекта, в котором правовая и экономическая составляющие не просто сосуществуют, а образуют внутренне связанную конструкцию. Право в данном случае не создает экономическую ценность из ничего, но придает ей институциональную устойчивость, формализует ее принадлежность и снабжает механизмами защиты. Экономика, в свою очередь, наполняет юридическую форму реальным содержанием. Без рыночного признания, потребительской памяти и деловой репутации знак оставался бы лишь зарегистрированным обозначением, лишенным заметной хозяйственной функции. Диалектика здесь очевидна — правовая охрана поддерживает коммерческую ценность, а коммерческая ценность оправдывает необходимость правовой охраны.

Сказанное позволяет иначе взглянуть и на назначение исключительного права на товарный знак. Его охрана не является самоцелью и не может пониматься как автономная юридическая ценность, существующая независимо от оборота. Напротив, смысл правового режима состоит в обеспечении устойчивой связи между обозначением, его коммерческой репутацией и тем хозяйствующим субъектом, который эту репутацию создал либо поддерживает. Отсюда следует и обратный вывод, что чрезмерная формализация анализа, при которой внимание сосредотачивается исключительно на графическом совпадении элементов либо на регистрационных формальностях, способна исказить саму природу института. Там, где право начинает игнорировать реальные рыночные механизмы восприятия знака, оно рискует утратить связь с теми интересами, ради которых соответствующая охрана вообще существует.

Подтверждение этому можно обнаружить и в судебной практике. В актах Суда по интеллектуальным правам неоднократно подчеркивалось, что при разрешении споров о сходстве обозначений, вероятности смешения и допустимости предоставления охраны необходимо учитывать восприятие соответствующего круга потребителей, а не ограничиваться абстрактным сопоставлением отдельных элементов [5]. Судебное усмотрение здесь опирается не только на формально-юридический анализ, но и на факторы экономического порядка: узнаваемость обозначения, характер рынка, тип потребительского поведения, степень информированности адресата. Это показывает, что сама правоприменительная практика, даже оставаясь

в границах действующего законодательства, уже не может обойтись без имплицитного обращения к экономическим категориям. Иными словами, синтетическая природа товарного знака проявляется не только в доктрине, но и в самом способе судебного рассуждения.

4. Коммерциализация товарного знака

Особое значение для понимания природы товарного знака имеет его способность выступать объектом гражданского оборота. Исключительное право на знак может быть отчуждено, предоставлено по лицензионному договору, включено в конструкцию коммерческой концессии, использоваться при структурировании франчайзинговых моделей, учитываться при оценке бизнеса, а также служить одним из значимых элементов инвестиционной сделки. Все эти случаи демонстрируют, что товарный знак не только охраняется правом, но и вовлекается в экономический обмен как самостоятельный ресурс. Более того, в ряде деловых моделей именно возможность легально тиражировать обозначение и связанную с ним деловую репутацию образует центральное коммерческое преимущество соответствующей сети или проекта.

В этом контексте товарный знак приобретает черты автономного актива, способного приносить доход не как приложение к иным ресурсам, а как самостоятельный источник капитализации. Коммерческая ценность такого актива проявляется и в прямых формах — через лицензионные платежи, франчайзинговые вознаграждения, прирост стоимости бизнеса, — и в косвенных, когда сильное обозначение облегчает вывод новых товаров на рынок, снижает расходы на продвижение и повышает устойчивость потребительской базы. Современная тенденция экономизации гражданского права лишь подчеркивает этот процесс. Частноправовые конструкции все чаще осмысляются не только через формальные элементы состава права, но и через их способность опосредовать движение стоимости в обороте. Товарный знак в данном отношении является одним из наиболее показательных примеров такого сближения юридической техники и экономической рациональности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая).
2. Гаджиев Г. А. Экономическая логика и экономический анализ: два условия прецедентного права // eg-online.ru: [сайт]. — URL: <https://www.eg-online.ru/article/251651/> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. — М.: Статут, 2012. — 452 с.
4. Landes W. M., Posner R. A. The Economic Structure of Intellectual Property Law. — Cambridge; London: Harvard University Press, 2003. — 442 с. — На англ. яз.
5. Решение Суда по интеллектуальным правам РФ от 06.03.2025 по делу № СИП-1115/2023 // КАД Арбитр [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1751fabcb9c2-46aa-a5e6-37b2f3c6ac02> (дата обращения 20.04.2026).

5. Проблема баланса интересов

Одним из наиболее сложных вопросов остается установление разумного баланса между интересами правообладателя и необходимостью сохранения конкурентной среды. Недостаточная охрана товарных знаков подрывает стимулы к инвестициям в качество, маркетинг и репутацию, поскольку допускает паразитирование на чужом доверии и размывание тех обозначений, которые уже приобрели различительную способность на рынке. Однако и противоположная крайность не менее опасна. Чрезмерно расширительное толкование объема исключительного права, тенденция к монополизации общепотребительных элементов либо чрезмерно жесткое пресечение любого ассоциативного сходства способны неоправданно сузить пространство экономической свободы и затруднить добросовестную конкуренцию. По существу, речь идет о поиске такой модели охраны, которая одновременно обеспечивала бы защиту инвестиций в репутацию и не превращала институт товарного знака в средство блокирования рынка.

Заключение

Товарный знак представляет собой сложный междисциплинарный феномен, в котором юридическое и экономическое начала находятся в отношениях не внешнего соседства, а внутренней взаимозависимости. Как правовой институт он закрепляет принадлежность обозначения определенному субъекту, устанавливает режим использования и предоставляет средства защиты. Как экономический ресурс он аккумулирует репутацию, снижает информационные издержки на рынке и служит источником самостоятельной стоимости. Именно эта двойственная природа объясняет как практическую значимость товарных знаков в современном обороте, так и теоретические трудности их одностороннего описания. Дальнейшее развитие доктрины, по-видимому, должно быть связано с последовательным преодолением разрыва между юридической догматикой и экономическим анализом, поскольку только такой подход позволяет адекватно понять подлинную функцию товарного знака и выстроить сбалансированный режим его правовой охраны.

История развития института страхования жилых помещений в России

Асеев Никита Владимирович, студент магистратуры
Курский государственный университет

В статье автор исследует появление, развитие, становление и текущее состояние института страхования жилых помещений в России.

Ключевые слова: страхование, жилые помещения, история страхования.

Введение

Страхование жилья в России прошло долгий путь, который был полон различных изменений, вызванных как социальными, так и экономическими факторами. По своей сути, данный путь отражает не просто развитие финансового инструмента страхования жилья, а историю становления отношений граждан, их жилья и государства. Начиная с общинной взаимопомощи при пожарах, заканчивая комплексными цифровыми экосистемами, становление российской модели страхования жилья предстает в качестве уникального явления общественно-политического строя.

Фактически страхование в России берет свое начало задолго до появления страховых контор. Так, в «Русской Правде» Ярослава Мудрого могут быть найдены предписания, указывающие на солидарную ответственность, а именно община брала на себя обязательство помогать погорельцам в случае потери жилья при пожаре, возникшего не по причине стихийного бедствия, а из-за недосмотра [4].

В связи с тем, что большинство построек состояли из дерева, пожары в Древней Руси являлись крайне частым явлением. Ими уничтожались целые посадки, вследствие чего государству было необходимо создание механизма восстановления жилого фонда. Так, до 18-го века основным способом защиты жилья в случае непредвиденных обстоятельств являлись «запасные хлебные магазины», а также выдача ссуд из царской казны. Сначала Иваном Грозным, а затем Алексеем Михайловичем были изданы указы о выдаче «погорелых денег», однако указанные мероприятия являлись разовыми акциями милосердия и не обладали статусом системного явления. В качестве главного страховщика выступала община. При потере дома, крестьяне все вместе восстанавливали утерянное или поврежденное жилье, распределяя издержки на всю общину. Указанное явление можно считать аналогом взаимного страхования.

Первая попытка создания института защиты жилья от пожаров пришлось на время правления Екатерины II. В 1786 году при Государственном заемном банке произошло учреждение Страховой экспедиции, которая обладала государственной монополией, а именно ей было разрешено принимать на страх каменные постройки, фабрики и заводы. В сферу интересов Страховой экспедиции попадали исключительно жилые помещения, сделанные из камня,

что, в свою очередь, автоматически отнимало возможность застраховать свое жилье у 90 % населения. Деятельность Страховой экспедиции окончилась провалом, обусловленным жесткими условиями и недоверием дворян, которые, в конечном итоге, предпочли производить страхование собственного имущества с помощью зарубежных компаний. Монополия Страховой экспедиции прекратила свое существование в 1822 году, подтвердив то, что казенный подход не сможет внедриться в частную сферу жизни общества [2].

Расцвет страхования пришелся на период правления Александра II, а именно в момент принятия Великих реформ последнего. Положение о земских учреждениях 1864 года привели к революции в защите деревянного жилья от пожаров. Земское страхование стало обязательным. Так, каждый крестьянский двор подлежал страхованию в пределах установленных норм. Стоимость не была большой, но все же покрывала минимальные риски потери жилья.

Уникальность земской модели заключалась в ее территориальности. Раскладочными комиссиями определялись страховые тарифы для каждой волости, в зависимости от количества построек, их плотности, близости к источникам воды и от того, насколько часто случаются пожары. К началу 20-го века значительная часть сельских строений были застрахованы земствами. В то же время, свое развитие получали городские общества взаимного страхования. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, указанные общества осуществляли страхование каменных и смешанных строений.

Частный акционерный капитал также старался не отставать от формировавшихся тенденций. Так, компаниями было введено классическое страхование жилья от огня для обеспеченных слоев общества. В указанном случае, в полисы, помимо пожаров, были включены удары молнии, аварии водопровода, взрывы бытового газа. Таким образом, страхование жилья приобрело статус механизма охраны имущественных интересов. К 1913 году российский рынок страхования от огня являлся одним из крупнейших в мире [5].

Затем, с приходом к власти большевиков институт страхования жилых помещений был практически полностью уничтожен. Декретом 1918 года все частные страховые общества были ликвидированы, а их имущество подлежало национализации. Закрепилась следующая идея: «если все принадлежит государству, то и риск несет государство».

Голод, разруха и сильные пожары 1920-х годов все же заставили власть вернуться к институту страхования. Так, в 1921 году был создан Госстрах, который вернул обязательное окладное страхование в селах. Данная система просуществовала весь советский период. Городское жилье оставалось государственным. Жилец квартиры не являлся собственником, в связи с чем его интерес не подлежал страхованию. Обязанность восстановления жилья возлагалась на ЖЭКи и государственный бюджет [5].

В связи со строительством кооперативного жилья в 1960–80-х годах вернулся термин «квартира как собственность». В этот же период в систему Госстраха внедрен добровольный полис «страхование домашнего имущества и квартир». В указанном случае покрывались не только риски потери или повреждения имущества, но и риски краж и затоплений не по вине собственника. К концу 1980-х годов добровольное страхование было выбрано более чем 40 % семей.

1990-е годы явились периодом дикого рынка. Появилось множество страховых компаний, многие из которых являлись финансовыми пирамидами. Страхование жилья зачастую выступало в качестве инструмента обналичивания денег предприятиями. Москва выступила в качестве исключения. Изношенный жилищный фонд и стихийные бедствия, например, ураган 1998 года, способствовали развитию системы муниципальной поддержки страхования жилых помещений.

В 1995–1995 годах в Москве была запущена программа льготного страхования жилья, в соответствии с которой страховая премия включалась в единый платежный документ за коммунальные услуги [3].

Начиная с 2000-х годов, быстрый рост ипотечного кредитования заметно изменил суть страхования жилых помещений. Если раньше страхование жилья было вопросом личной заинтересованности собственника, то на данном этапе оно являлось императивным требованием банка. Нормы Федерального закона «Об ипотеке» обязывали заемщика страховать предмет залога от рисков

утраты и повреждения. В связи с огромным объемом выданных жилищных ссуд, рост рынка страхования жилья составлял 20–30 % ежегодно.

Современный этап развития страхования жилых помещений в России определяется технологическим прогрессом. Широкое распространение получили «умные» страховые продукты, обладающие датчиками протечки воды и дыма. Их задача не в фиксации убытков, а в их предотвращении.

Вместе с тем, по данным ЦБ РФ, в настоящее время коэффициент добровольного страхования жилых помещений, не учитывая ипотеку, остается достаточно низким, а именно 10–15 % жилого фонда. Рынок заиклен на ипотеке. Как только гражданин закрывает кредит, он сразу же выходит из страхового поля.

На сегодняшний день институт страхования жилья представляет собой движение в сторону рационального эгоизма и страхования от катастроф. В попытках минимизации нагрузки на бюджет, регионами принимаются программы страхования жилищного фонда от ЧС.

Главным вызовом для института страхования жилья на современном этапе являются климатические изменения и износ жилищного фонда. Часто возникающие взрывы бытового газа в старых строениях, ураганы в средней полосе, подтопления в южной являются подтверждением уязвимости жилья.

Подводя итог, можно сказать, что парадокс российского страхования жилья заключается в том, что, тернистый путь, оно так и не смогло стать привычкой. История показывает, что массовое страхование жилья в России возникало только тогда, когда оно становилось обязательным или «встроенным». В случае исчезновения элемента принуждения или автоматизма, собственники зачастую принимали выбор не получать страховой полис. В свою очередь, в связи с ухудшением климата и увеличением количества стихийных бедствий законодательство четко дало понять, что не стоит уповать на безусловную помощь казны.

Литература:

1. Андреева Е. В. Тенденции развития страхования рисков/ Е. В. Андреева, О. И. Русакова. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2017;
2. Бакиров А. Ф. Формирование и развитие рынка страховых услуг/ А. Ф. Бакиров, Л. М. Кликич. — М.: Финансы и статистика, 2016;
3. Быканова Н. И. Страховой рынок России: проблемы и направления развития / Н. И. Быканова, А. С. Черкашина // Молодой ученый. 2017
4. Исаев М. А. История Российского государства и права // Учебник. — М.: Статут — 2012;
5. История финансового законодательства России: учеб. Пособие / под ред. И. В. Рукавишниковой. М.: Ростов н/Д, 2003, С. 141;
6. Сумина Е. В. История возникновения договора имущественного страхования // В сборнике: Наука ЮУрГУ материалы 66-й научной конференции (Электронный ресурс). — 2014.

Перспективы совершенствования миграционной политики РФ

Афанасьев Владимир Аркадьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует перспективы совершенствования миграционной политики РФ.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, реформирование миграционной политики, парадигма управления миграционными процессами, цифровизация, секьюритизация, интеграционная политика.

На современном этапе (2024–2025 гг.) государственная миграционная политика Российской Федерации столкнулась с рядом системных вызовов, которые носят противоречивый, а зачастую и взаимоисключающий характер. Эти вызовы формируются на стыке демографических, экономических, социальных и геополитических факторов и требуют от государства не точечных корректировок, а переосмысления самой парадигмы управления миграционными процессами.

Первым и наиболее острым вызовом является демографическо-экономическая дилемма. С одной стороны, Россия находится в фазе обострения дефицита трудовых ресурсов, обусловленного длительными негативными демографическими трендами: сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, старением рабочей силы и оттоком кадров из ряда регионов. Экономика, особенно её трудоёмкие сектора, испытывает объективную потребность в привлечении работников извне. С другой стороны, сложившаяся модель, ориентированная преимущественно на низкоквалифицированную миграцию из стран Центральной Азии, консервирует технологическую отсталость ряда отраслей (строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сельское хозяйство) и сдерживает рост заработных плат, создавая иллюзию дешевизны труда [2]. Работодатели, имея доступ к дешёвой и нетребовательной рабочей силе, утрачивают стимулы к модернизации производства и повышению производительности труда. В результате формируется замкнутый круг: нехватка кадров восполняется низкоквалифицированными мигрантами, что тормозит технологическое развитие, а оно, в свою очередь, консервирует спрос на неквалифицированный труд. Преодоление этой дилеммы требует не просто увеличения или сокращения миграционного притока, а качественного изменения его структуры в пользу специалистов, способных работать в высокотехнологичных секторах.

Второй критический вызов лежит в плоскости национальной безопасности и правопорядка. События 2024 года со всей очевидностью продемонстрировали уязвимость системы контроля за пребыванием иностранных граждан. Рост этнической преступности, риски проникновения приверженцев радикальных религиозных течений и формирование замкнутых этнических анклавов, внутри которых российское законодательство и социальные нормы фактически не действуют, создают прямую угрозу общественной безопасности. В статистических данных фикси-

руется изменение характера преступности: она становится более организованной и латентной, сращиваясь с теневым сектором миграционных услуг. Особенно это заметно в крупных городах, где концентрация иностранных граждан наиболее высока, а социальный контроль ослаблен. В связи с этим возникает задача поиска баланса между открытостью границ для стран участниц ЕАЭС и необходимостью фильтрации въезжающего потока. Однако необходимо учитывать, что свобода передвижения в рамках интеграционного объединения является его фундаментальным принципом, и любые ограничения должны вводиться крайне избирательно и обоснованно, чтобы не подорвать доверие партнёров.

Третий вызов связан с кризисом механизмов социокультурной адаптации. На протяжении долгого времени интеграция мигрантов рассматривалась по большей части как факультативная задача, уступавшая по значимости вопросам контроля и учёта. Следствием такого подхода стало прогрессирующее снижение уровня владения русским языком среди вновь прибывающих, размывание правовой культуры и рост взаимного отчуждения. «Культурная дистанция» между местным населением и мигрантами увеличивается, что провоцирует социальную напряжённость и ксенофобские настроения, создавая питательную среду для межэтнических конфликтов. Существовавшая долгое время система экзаменов по русскому языку, истории и основам законодательства зачастую носила формальный, а в ряде случаев и откровенно коррупционный характер, не обеспечивая реального уровня знаний. Это потребовало её кардинального реформирования и передачи под государственный контроль. Однако проблема не сводится только к языковому барьеру: она включает в себя неготовность части мигрантов принимать сложившиеся в российском обществе нормы поведения, гендерного равенства, отношения к религии и закону. Без системной интеграционной политики, подкреплённой реальными механизмами поощрения и принуждения, адаптационные процессы будут функционировать недостаточно эффективно, углубляя социальные расколы.

Четвёртый вызов — геополитическое давление и трансформация миграционных маршрутов. В условиях санкционного давления страны Запада предпринимают целенаправленные попытки дестабилизировать отношения России с государствами — донорами миграции, используя для этого как экономические рычаги, так и информационные кампании. Ослабление позиций России на тради-

ционных направлениях привлечения трудовых ресурсов вынуждает искать новые источники рабочей силы, что сопряжено с дополнительными внешнеполитическими и логистическими издержками. Кроме того, изменение глобальных миграционных маршрутов, спровоцированное конфликтами и экономическими кризисами в различных регионах мира, создаёт риски непрогнозируемого увеличения потоков вынужденных мигрантов, к приёму которых система может оказаться не готова. Это требует от России не только диверсификации географии миграционных связей, но и создания гибких механизмов, позволяющих оперативно наращивать или, напротив, ограничивать приток в зависимости от меняющейся конъюнктуры.

Наконец, серьёзным вызовом остаётся теневая занятость. Несмотря на введение патентной системы и масштабную цифровизацию миграционного учёта, значительная часть мигрантов после въезда уходит в «серую зону». Этому способствуют как несовершенство правоприменения, так и экономическая заинтересованность части работодателей в использовании дешёвого нелегального труда, не обременённого налогами и социальными отчислениями. Теневая занятость не только наносит ущерб бюджету, но и делает мигранта полностью бесправным, лишённым доступа к медицинской помощи и правовой защите, что усугубляет его маргинализацию и повышает риски вовлечения в противоправную деятельность. Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, сочетающего усиление ответственности работодателей с созданием экономических стимулов для выхода из тени.

Таким образом, ключевой проблемой современной миграционной политики является необходимость одновременного решения взаимоисключающих задач: насыщения рынка труда кадрами и обеспечения жёсткого режима безопасности при сохранении социальной стабильности. Каждый из перечисленных вызовов не существует изолированно: демографическое давление обостряет конкуренцию на рынке труда, что при недостаточной интеграции ведёт к росту напряжённости; геополитическая нестабильность усугубляет риски неконтролируемого притока, а теневая занятость подрывает и экономическую эффективность, и правопорядок. Именно поэтому ответом на данные вызовы должна стать не серия разрозненных мер, а взаимоувязанная стратегия, основные направления реформирования которой рассматриваются в следующем подразделе.

Ответом на обозначенные выше вызовы стала масштабная трансформация нормативного поля, начавшаяся в 2024 году и продолжающаяся в 2025-м. Анализ законодательных инициатив, правоприменительной практики и экспертных дискуссий позволяет выделить три магистральных направления реформирования: цифровизация контроля, внедрение модели организованного набора и систематизация законодательства. Каждое из этих направлений решает свой блок проблем, однако их реализация носит взаимосвязанный характер: успех одного создаёт предпосылки для результативности других.

Первое и наиболее технологичное направление — создание экосистемы тотального цифрового контроля. Если ранее миграционный учёт базировался на эпизодических проверках и бумажном документообороте, то сегодня государство переходит к модели непрерывного автоматизированного мониторинга. С 5 февраля 2025 года в полную силу заработал так называемый «режим высылки», введенный Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ. Этот механизм предусматривает создание «Реестра контролируемых лиц» — базы данных иностранцев, не имеющих законных оснований для пребывания. Попадание в реестр фактически означает «гражданскую смерть» мигранта: ему блокируют банковские счета, запрещают владение автомобилем, регистрацию брака и приобретение недвижимости [1]. Иными словами, нелегальное пребывание на территории страны лишается экономического смысла, поскольку человек исключается из легального гражданского оборота. Параллельно с реестром создаётся инфраструктура информирования: работодатели, банки, государственные и муниципальные органы обязаны проверять наличие иностранца в реестре перед оказанием ему услуг, что создаёт дополнительные барьеры для тех, кто пытается обойти закон.

Цифровизация, однако, не сводится к одним лишь запретительным мерам. Параллельно с репрессивными механизмами разворачивается инфраструктура «цифрового профиля» мигранта. Эксперимент по сбору биометрических данных в аэропортах Москвы, запущенный в конце 2024 года, в 2025 году масштабируется на все пункты пропуска. Введение обязательной геномной регистрации и использование мобильных приложений для отслеживания геолокации трудовых мигрантов свидетельствует о переходе к модели, которую эксперты называют «алгоритмическим управлением миграцией». Это открывает государству возможность видения траектории перемещения иностранца в режиме реального времени, минимизируя возможности для ухода из поля зрения. Цифровой профиль обрабатывает и фиксирует данные о въезде и выезде, постановке на учёт, уплате налогов, прохождении медицинских освидетельствований и экзаменов, что создаёт всеобъемлющее видение правового статуса конкретного лица. Для законопослушных мигрантов такая система означает упрощение административных процедур и снижение числа контактов с чиновниками, а для нарушителей — неотвратимость обнаружения и применения санкций.

Другое стратегическое направление — переход к организованному набору. Правительство Российской Федерации взяло курс на целевой завоз рабочей силы под нужды конкретных предприятий. Предполагается, что мигрант должен проходить проверки на знание языка и отсутствие судимости, а также получать медицинские справки еще в стране, из которой он прибывает.

Третье направление — доктринальная систематизация. В экспертном сообществе и Совете Федерации все чаще звучат призывы к принятию единого Миграционного ко-

декса РФ. Действующая нормативная база, состоящая из сотен разрозненных актов, перегружена поправками и сложна для правоприменения. Кодификация позволила бы устранить противоречия и создать понятные правила игры, одинаково доступные как для правоприменителей, так и для самих мигрантов. Сегодня нормы, регулирующие один и тот же миграционный процесс, могут сохраняться в нескольких законах и десятках подзаконных актов, что порождает коллизии, дублирование и пробелы. Единый кодифицированный акт решил бы эту проблему, выстроив стройную систему принципов, правовых режимов, процедур и мер ответственности. Кроме того, кодификация позволила бы закрепить на законодательном уровне баланс между интересами личности, общества и государства, который сейчас нередко деформируется в пользу сиюминутных потребностей безопасности или, наоборот, экономической целесообразности без учёта социальных последствий.

Таким образом, реформирование миграционной политики в 2024–2025 годах характеризуется явным креном в сторону «секьюритизации» (обеспечения безопасности)

и цифровизации. Наряду с кодификацией важным элементом систематизации становится гармонизация российского миграционного законодательства с нормами ЕАЭС. Углубление интеграционных процессов требует синхронизации правовых подходов, устранения скрытых барьеров и формирования единых стандартов в области учёта, контроля и социального обеспечения трудящихся-мигрантов. Реформирование миграционной политики в 2024–2025 годах характеризуется явным креном в сторону «секьюритизации» (обеспечения безопасности) и цифровизации. Однако, как показывает международный опыт, технические меры сами по себе не способны решить глубинные проблемы — они должны быть встроены в комплексную стратегию, включающую экономические стимулы, интеграционные программы и понятную правовую базу. Именно сопряжение трёх направлений — цифрового контроля, организованного набора и законодательной систематизации — способно обеспечить переход к качественно новому этапу миграционной политики, при котором миграция станет действительно управляемым и продуктивным ресурсом развития страны.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024. № 176.
2. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. — 2019. — № 2. — С. 6–15. DOI: 10.34022/2658–3712–2019–35–2–6–15; END: YAEDKL

Правовая неопределенность как коррупциогенный фактор в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов

Бабин Андрей Олегович, студент магистратуры
Тульский государственный университет

В статье рассматривается правовая неопределенность как один из наиболее распространенных дефектов нормативного регулирования, имеющих коррупционное значение. Показано, что оценочные понятия и усмотрение должностного лица не должны автоматически признаваться коррупциогенными: риск возникает в тех случаях, когда неопределенная формулировка не подкреплена критериями применения, процедурными гарантиями и обязанностью мотивировать принятое решение. Предложены формы правовой неопределенности, значимые для антикоррупционной экспертизы, а также практические критерии, позволяющие отличать дефект юридической техники от реального коррупционного риска.

Ключевые слова: правовая неопределенность, коррупциогенные факторы, антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт, дискреционные полномочия, юридическая техника, правовая определенность.

Введение

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов занимает особое место среди мер предупреждения коррупции. Ее задача состоит не в установлении факта уже совершенного правонарушения, а в обнаружении таких конструкций норматив-

ного текста, которые заранее создают удобную почву для произвольного применения закона, неравного отношения к заявителям и неформального влияния на административное решение.

Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ связывает проведение антикоррупционной экспертизы с выявлением коррупциогенных факторов и их последующим

устранением [3]. В развитие этого подхода Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 утверждена Методика, где прямо названы, в частности, широта дискреционных полномочий, возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также неопределенные, трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям [4].

Правовая неопределенность в такой системе имеет прикладное значение. Норма может быть внешне нейтральной и даже выглядеть как средство гибкого регулирования, но при отсутствии понятных критериев она фактически переносит центр принятия решения с закона на должностное лицо. Для адресата это означает невозможность заранее оценить последствия своего поведения, а для правоприменителя — возможность выбирать между несколькими вариантами без достаточной проверки извне.

Цель настоящей статьи — определить, при каких условиях правовая неопределенность должна рассматриваться именно как коррупциогенный фактор, а не просто как недостаток стиля или юридической техники. Для этого необходимо разграничить допустимые оценочные категории и недопустимую неопределенность, выделить основные формы ее проявления и предложить критерии, применимые при проведении антикоррупционной экспертизы.

1. Правовая неопределенность в системе антикоррупционной экспертизы

В широком смысле правовая неопределенность означает такое состояние нормативного предписания, при котором гражданин, организация или сам правоприменитель не могут с разумной степенью предсказуемости установить содержание прав, обязанностей, запретов, процедурных возможностей либо последствий поведения. Однако для антикоррупционной экспертизы важна не любая неясность, а только та, которая способна повлиять на властное решение.

Законодательство о противодействии коррупции построено на профилактической логике. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ относит предупреждение коррупции к числу базовых направлений противодействия коррупции [2]. Антикоррупционная экспертиза конкретизирует эту идею применительно к нормотворчеству: она должна устранять не последствия злоупотреблений, а предпосылки, которые могут облегчить их совершение.

Методика, утвержденная Постановлением Правительства РФ № 96, фактически указывает на два взаимосвязанных источника риска: чрезмерное усмотрение правоприменителя и неопределенные требования к адресатам регулирования [4]. Правовая неопределенность часто соединяет оба элемента. С одной стороны, адресат не понимает, что именно от него требуется. С другой стороны, должностное лицо получает возможность расширять или сужать требования в зависимости от конкретной ситуации.

При этом механическое отнесение любой нечеткой формулировки к коррупциогенным факторам было бы

ошибочным. Право не может полностью отказаться от оценочных категорий. Понятия «разумный срок», «существенное нарушение», «уважительные причины», «добросовестность» позволяют учитывать многообразие жизненных обстоятельств. Проблема начинается не с самого оценочного слова, а с того, что акт не объясняет, как оно должно применяться и кто проверяет правильность такого применения.

2. Правовая определенность и допустимое усмотрение

Принцип правовой определенности связан с требованиями ясности, доступности, согласованности и предсказуемости правового регулирования. В российской правовой системе он выводится из конституционных начал правового государства, равенства перед законом и обязанности публичной власти действовать на основании закона [1]. Для административных процедур это означает, что заявитель должен понимать, какие условия он обязан выполнить, какие документы представить, в какой срок будет принято решение и по каким основаниям возможен отказ.

Дискреционные полномочия сами по себе не противостоят праву. Публичное управление не может быть сведено к полностью автоматическому алгоритму, поскольку органы власти сталкиваются с разными фактическими обстоятельствами. Но дискреция становится коррупционно опасной, когда норма не устанавливает цель полномочия, критерии выбора решения, порядок его принятия и обязанность мотивировать результат.

Поэтому разграничение допустимого усмотрения и коррупциогенной неопределенности целесообразно проводить не по наличию отдельного слова, а по функции нормы. Если оценочная категория сопровождается правовыми ориентирами, процедурой, возможностью контроля и обязанностью мотивировки, она может быть оправданной. Если же акт фактически позволяет принять любое решение без проверяемых оснований, неопределенность приобретает коррупциогенный характер.

Показателен условный пример: «орган вправе отказать в выдаче разрешения при наличии иных обстоятельств, препятствующих его выдаче». Такая формулировка опасна не потому, что в ней использовано слово «иных», а потому, что перечень оснований открыт, критерии не раскрыты, а заявитель не может заранее понять, какое обстоятельство будет признано препятствующим. Более корректная конструкция должна содержать закрытый перечень оснований отказа, сроки проверки, порядок уведомления и обязанность органа указать мотивы решения.

3. Формы правовой неопределенности, значимые для выявления коррупционных рисков

Для целей антикоррупционной экспертизы правовую неопределенность полезно рассматривать не только как языковую проблему. На практике коррупционный риск

может возникать из текста, процедуры, компетенции органа или отсылки к неопубликованным правилам. Поэтому эксперт должен анализировать не отдельное слово, а всю модель будущего правоприменения.

Первая форма — лексическая неопределенность. Она выражается в употреблении оценочных и расплывчатых выражений без раскрытия критериев: «существенный», «значительный», «необходимый», «достаточный», «в исключительных случаях», «при наличии оснований», «иные документы», «иные обстоятельства». Эти слова не всегда являются дефектом. Но если акт не указывает признаки, по которым они устанавливаются, норма начинает работать как источник произвольного толкования.

Вторая форма — процедурная неопределенность. Она возникает, когда нормативный акт не определяет порядок реализации права или обязанности: отсутствуют сроки, последовательность действий, порядок регистрации заявления, способ уведомления, процедура исправления недостатков, правила рассмотрения жалобы. Именно такие пробелы нередко превращаются в административный барьер: заявление можно «держат» без движения, возвращать по формальным основаниям или требовать дополнительные сведения, прямо не предусмотренные актом.

Третья форма — компетенционная неопределенность. Она связана с неясностью полномочий органа или должностного лица. Риск особенно заметен там, где органу предоставлено право совершить юридически значимое действие, но не указано, когда он обязан это сделать, а когда вправе отказать. В результате стирается граница между правом и обязанностью публичного субъекта, что опасно для разрешительных, контрольных, надзорных и распределительных процедур.

Четвертая форма — отсылочная неопределенность. Она проявляется в ссылках на внутренние, неопубликованные или неопределенные документы: «в порядке, установленном уполномоченным органом», «с учетом методических рекомендаций», «по правилам, определяемым администрацией». Если такие правила не имеют ясного статуса, не опубликованы либо могут изменяться вне надлежащей процедуры, адресат нормы фактически зависит не от публичного акта, а от закрытого административного усмотрения.

Пятая форма — неопределенность исключений. Она появляется, когда общее правило сопровождается оговоркой о возможности исключения без указания оснований. Формула «за исключением случаев, определяемых уполномоченным органом» разрушает предсказуемость регулирования: именно исключение может стать инструментом избирательного предоставления преимуществ или, наоборот, избирательного ограничения прав.

4. Критерии признания неопределенной нормы коррупционной

В экспертной работе важно избежать двух крайностей. Первая — считать коррупционной любое оценочное

понятие. Вторая — ограничиваться общей фразой о «гибкости регулирования» и не замечать реального пространства для произвола. Для более точной оценки можно использовать совокупность трех признаков.

Первый признак — наличие административного или иного властного усмотрения. Неопределенность становится практически значимой тогда, когда должностное лицо или орган выбирают между несколькими вариантами решения. Если такой выбор отсутствует, неясная формулировка может оставаться недостатком юридической техники, но не всегда создает самостоятельный коррупционный риск.

Второй признак — отсутствие нормативных критериев реализации усмотрения. Речь идет не только о критериях в узком смысле, но и о сроках, процедуре, перечне документов, порядке оценки обстоятельств, правилах уведомления и возможности проверки решения. Чем меньше в норме проверяемых ориентиров, тем выше вероятность селективного правоприменения.

Третий признак — возможность юридически значимого последствия для адресата регулирования. Если от неопределенной нормы зависит выдача разрешения, предоставление субсидии, получение льготы, допуск к закупке, согласование, лицензирование, привлечение к ответственности или освобождение от обязанности, такая неопределенность уже не является только редакционным недостатком.

Отдельное значение имеет обязанность мотивировать решение. Мотивировка выполняет антикоррупционную функцию, потому что переводит внутреннее усмотрение должностного лица в проверяемую юридическую форму. Без мотивировки заявитель фактически лишается возможности эффективно обжаловать решение, а контрольный орган — оценить его законность и обоснованность.

Следовательно, эксперт должен отвечать не только на вопрос о том, насколько удачно сформулирована норма. Более важен другой вопрос: кто, в какой процедуре и с какими последствиями сможет воспользоваться этой неопределенностью. Именно такой подход позволяет увидеть реальный правоприменительный эффект текста.

5. Типичные коррупционно опасные конструкции и способы их корректировки

Наиболее распространенный источник риска — открытые перечни оснований для отказа, предоставления преимущества или применения исключения. Формула «иные основания» допустима лишь тогда, когда такие основания прямо вытекают из закона либо ограничены понятным публичным критерием. В противном случае она превращается в универсальную оговорку, позволяющую отказать практически в любой ситуации.

Коррупционно опасной является и конструкция «заявитель представляет документы, необходимые для принятия решения». В ней не определен перечень документов,

а значит, должностное лицо может расширять требования индивидуально. Корректная редакция должна содержать закрытый перечень документов и прямой запрет требовать документы, не предусмотренные нормативным актом.

Еще один пример — указание на «разумный срок» принятия административного решения. В гражданско-правовом или судебном контексте такая категория может быть оправданной, но в массовой административной процедуре она часто создает неопределенность. Для управленческого решения, как правило, следует устанавливать конкретный календарный срок либо предельный срок совершения отдельных действий.

Опасность создают и положения о продлении срока «при необходимости». Такая необходимость должна быть описана в самом акте: основание продления, предельный срок, форма уведомления заявителя, обязанность указать причины. Иначе продление срока может использоваться как способ давления или как инструмент создания искусственной зависимости заявителя от органа.

Наконец, существенный риск несут нормы, допускающие исключение из общего правила «по решению руководителя» без указания оснований. Исправление здесь должно быть не стилистическим, а содержательным: требуется исчерпывающий перечень исключений, письменная мотивировка и возможность последующего контроля. Если исключение оправдывается публичным интересом, акт должен раскрывать, в чем именно этот интерес состоит и как он подтверждается.

6. Недостатки действующей методики применительно к правовой неопределенности

Действующая Методика проведения антикоррупционной экспертизы имеет очевидное практическое значение: она закрепляет общий перечень коррупционных факторов и задает единый ориентир для органов власти и независимых экспертов [4]. Вместе с тем применительно к правовой неопределенности ее потенциал используется не полностью.

Во-первых, Методика недостаточно четко разграничивает неопределенность как дефект юридической техники и неопределенность как коррупционный фактор. Из-за этого на практике возможен формальный подход: эксперт фиксирует отдельное оценочное слово, но не анализирует, создает ли оно пространство для произвольного решения.

Во-вторых, в Методике не раскрыта внутренняя классификация неопределенности. Между тем лексическая, процедурная, компетенционная и отсылочная неопределенность устраняются разными способами. Уточнение термина не решит проблему отсутствия процедуры, а детальная процедура не всегда устраним неопубликованную отсылку.

Во-третьих, недостаточно выражена связь между выявлением коррупционного фактора и предложением конкретной редакционной правки. Заключение эксперта должно быть не только критическим, но и конструктивным. Указание на то, что формулировка «неопреде-

ленная», имеет ограниченную ценность, если не предложен юридически пригодный вариант ее замены.

В-четвертых, проблемной остается прослеживаемость судьбы экспертных замечаний. Если разработчик проекта нормативного акта отклоняет вывод о коррупциогенности, такое решение должно быть мотивировано. Иначе экспертиза рискует превратиться в формальную стадию согласования, не влияющую на качество нормативного материала.

7. Предложения по совершенствованию экспертной оценки

Представляется необходимым дополнить методические подходы к антикоррупционной экспертизе специальным блоком, посвященным правовой неопределенности. Такой блок должен быть построен не как перечень «подозрительных слов», а как алгоритм проверки нормативной конструкции.

Во-первых, следует закрепить критерий совокупности трех элементов: наличие властного усмотрения, отсутствие нормативных критериев и возможность юридически значимого последствия для адресата. Это позволит не признавать коррупционными все оценочные понятия подряд и одновременно точнее выявлять действительно опасные нормы.

Во-вторых, разработчик проекта нормативного акта должен сопровождать оценочные понятия критериями их применения. Если используется категория «существенное нарушение», «уважительная причина» или «исключительный случай», необходимо указать, какие обстоятельства подтверждают наличие соответствующего признака и каким образом они проверяются.

Во-третьих, в разрешительных и ограничительных процедурах должна действовать презумпция закрытости перечней. Открытые перечни могут сохраняться только тогда, когда их применение прямо ограничено федеральным законом или объективным публичным критерием. В остальных случаях формулы «иные основания», «иные документы», «иные случаи» должны рассматриваться как повышенный риск.

Во-четвертых, требуется усилить процедурную определенность. В проекте акта, регулирующем предоставление права, услуги, разрешения, согласования или меры поддержки, должны быть ясно определены заявитель, компетентный орган, перечень документов, срок, основания отказа, порядок уведомления, требование мотивировки и способ обжалования.

В-пятых, необходимо фиксировать результат рассмотрения экспертных замечаний. При отклонении вывода о правовой неопределенности разработчик должен представить письменное обоснование. Такая фиксация важна и для общественного контроля, и для последующего мониторинга правоприменения [5].

В-шестых, можно использовать цифровые инструменты для первичного поиска риск-маркеров: «иные»,

«при необходимости», «по решению», «вправе», «исключительные случаи», «другие документы». Но автоматизированный анализ должен оставаться вспомогательным. Программа способна найти слово-маркер, тогда как вывод о коррупционности требует юридической оценки всей нормы и будущей процедуры ее применения.

Заключение

Правовая неопределенность относится к числу наиболее сложных коррупциогенных факторов. Ее сложность состоит в том, что внешне она часто выглядит не как дефект, а как гибкость регулирования, возможность индивидуального подхода или обычная особенность юридического языка. Однако при отсутствии критериев применения, процедурных гарантий и обязанности мотивировки такая гибкость превращается в пространство произвольного усмотрения.

Основной вывод состоит в том, что правовая неопределенность не должна признаваться коррупциогенной автоматически. Для такого вывода необходимо установить совокупность условий: наличие властного усмотрения, отсутствие нормативных критериев и возможность юридически значимого последствия для гражданина или организации. Именно эта совокупность отличает реальный коррупционный риск от обычной редакционной неточности.

Повышение эффективности антикоррупционной экспертизы требует более точного анализа неопределенности: разграничения ее форм, проверки правоприменительного эффекта нормы, подготовки конкретных редакционных предложений и мотивированного рассмотрения экспертных замечаний. В этом случае экспертиза будет выполнять не только контрольную, но и конструктивную функцию — улучшать качество нормативного регулирования и снижать вероятность произвольного правоприменения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.
5. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003; ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
7. Venice Commission. Rule of Law Checklist. CDL-AD(2016)007. Strasbourg, 2016.
8. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1981.
9. Власенко Н. А. Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997.
10. Тихомиров Ю. А. Юридическая техника: учеб.-практ. пособие. М.: Эксмо, 2009.
11. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
12. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974.
13. Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции: новые вызовы. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ, 2016.
14. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам правовой определенности // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru>.
15. Минюст России. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: информационные материалы // URL: <https://minjust.gov.ru>.

Прокурорский надзор при продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера: проблема формального судебного контроля

Боев Илья Геннадьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются отдельные вопросы прокурорского надзора при продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера. Особое внимание уделяется риску формального судебного контроля, связанному с несвоевременным комиссионным освидетельствованием лица, неполнотой медицинских материалов и ненад-

лежащим оформлением документов, направляемых в суд. Автор обосновывает, что прокурор не подменяет медицинскую комиссию и суд, однако должен проверять законность процедуры, соблюдение сроков, полноту заключения комиссии врачей-психиатров и обеспечение процессуальных гарантий лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера.

Ключевые слова: прокурорский надзор, принудительные меры медицинского характера, судебный контроль, комиссия врачей-психиатров, продление меры, изменение меры, прекращение меры.

Принудительные меры медицинского характера занимают особое место в системе мер уголовно-правового характера. Они назначаются судом в связи с совершением лицом общественно опасного деяния или преступления, однако не являются уголовным наказанием. Их цели связаны с излечением лица, улучшением его психического состояния и предупреждением совершения новых общественно опасных деяний. Поэтому при исполнении таких мер основное значение имеет не истечение определенного срока, а наличие либо отсутствие оснований для дальнейшего применения принудительного лечения.

Согласно ст. 102 УК РФ, продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера осуществляются судом по представлению администрации медицинской организации либо уголовно-исполнительной инспекции на основании заключения комиссии врачей-психиатров. Лицо, которому назначена такая мера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в шесть месяцев [1]. Следовательно, исполнение судебного решения не завершается помещением лица в медицинскую организацию. После этого возникает самостоятельный этап, на котором должны соблюдаться сроки освидетельствования, порядок подготовки заключения комиссии и процедура направления материалов в суд.

Именно на этой стадии возникает риск формального судебного контроля. Внешне мера продолжает исполняться на основании судебного решения, однако актуальная проверка оснований для дальнейшего лечения может проводиться неполно либо несвоевременно. Для прокурорского надзора это означает необходимость проверять не только наличие первоначального судебного акта, но и последующее движение материалов: когда лицо проходило комиссионное освидетельствование, каким документом оформлены выводы врачей-психиатров, своевременно ли материалы направлены в суд и не продолжается ли лечение без актуального судебного контроля.

Как отмечают А. В. Васеловская, Н. В. Ольховик и А. В. Шеслер, в правовом регулировании изменения, прекращения и продления применения принудительных мер медицинского характера сохраняются проблемы, связанные с согласованием уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм [2]. Одним из проявлений такой проблемы является различие формулировок ст. 102 УК РФ и ст. 445 УПК РФ. В ст. 102 УК РФ используется категория представления администрации медицинской организации, тогда как в ст. 445 УПК РФ говорится о ходатайстве администрации медицинской организации [1; 3]. На практике это

имеет значение для прокурора, поскольку ненадлежащее оформление процессуального основания может привести к затягиванию судебного рассмотрения и снижению эффективности контроля за дальнейшим применением меры.

В связи с этим прокурор при проверке должен обращать внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, соблюден ли шестимесячный срок комиссионного освидетельствования. Во-вторых, направлено ли в суд именно заключение комиссии врачей-психиатров, а не справка, выписка или иной внутренний документ медицинской организации. В-третьих, содержит ли заключение данные, позволяющие суду оценить необходимость продления, изменения или прекращения меры. В-четвертых, обеспечено ли участие прокурора, защитника, законного представителя и самого лица, если его психическое состояние позволяет участвовать в судебном заседании.

Особое значение для рассматриваемого вопроса имеет постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2023 № 54-П. Конституционный Суд РФ указал, что продолжение применения принудительных мер медицинского характера возможно только по судебному решению при периодическом освидетельствовании лица комиссией врачей-психиатров. Одновременно суд подчеркнул, что такие меры не прекращаются только по основанию длительности их применения [4]. Из этого следует, что длительное нахождение лица на принудительном лечении само по себе не является основанием для прекращения меры, но и не может оправдывать ее автоматическое продление. Для дальнейшего применения меры должны сохраняться предусмотренные законом основания, подтвержденные медицинскими материалами и проверенные судом.

Данная позиция имеет прямое значение для прокурорского надзора. Прокурор не должен оценивать диагноз или медицинскую целесообразность лечения вместо комиссии врачей-психиатров. Однако он обязан проверить, соблюдена ли процедура, имеются ли необходимые документы, не нарушены ли сроки освидетельствования, обеспечены ли процессуальные гарантии лица и не продолжается ли ограничение его прав без достаточного правового основания. Иначе говоря, прокурорская проверка должна быть направлена не на медицинскую оценку состояния лица, а на законность всей процедуры, от которой зависит дальнейшее применение принудительной меры медицинского характера.

Если администрация медицинской организации ограничивается формальной подготовкой материалов, а дальнейшее рассмотрение вопроса сопровождается процессуальными нарушениями, судебный контроль теряет

необходимую полноту. Такая ситуация возможна, например, когда участники извещены ненадлежащим образом, лицо фактически не участвует в рассмотрении вопроса, а защитник и прокурор не имеют возможности заранее ознакомиться с медицинскими материалами. В результате повышается риск как необоснованного продления, так и необоснованного прекращения принудительного лечения.

В качестве возможного организационного решения представляется обоснованным использовать учет контрольных сроков по каждому лицу, находящемуся на принудительном лечении. Такой учет может включать дату последнего комиссионного освидетельствования, дату подготовки заключения комиссии врачей-психиатров, дату направления материалов в суд, дату судебного решения и сведения об изменении вида меры. Указанная модель не расширяет полномочия прокурора и не заменяет

медицинскую документацию. Ее значение состоит в том, чтобы заранее выявлять риск пропуска установленной процедуры и своевременно реагировать на нарушения порядка продления, изменения или прекращения принудительной меры медицинского характера.

Таким образом, прокурорский надзор при продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера должен быть сосредоточен на законности процедуры, а не на медицинской оценке состояния лица. Основное значение имеют своевременность комиссионного освидетельствования, полнота заключения комиссии врачей-психиатров, надлежащее оформление материалов, их своевременное направление в суд и обеспечение процессуальных гарантий лица. Именно эти элементы позволяют снизить риск формального судебного контроля и обеспечить законность дальнейшего применения принудительной меры медицинского характера.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 09.04.2026 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Васеловская, А. В. Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера на современном этапе (систематический обзор) / А. В. Васеловская, Н. В. Ольховик, А. В. Шеслер // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. — 2025. — № 3 (128). — С. 95–104.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 09.04.2026 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.11.2023 № 54-П «По делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311290001>.

Понятие, виды и особенности правового режима объектов авторских прав в цифровой среде

Бокова Мария Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу трансформации института авторского права под влиянием цифровизации. Автор исследует изменение сущностных свойств объектов авторских прав при их переходе в цифровую форму, а также проблемы квалификации новых составных объектов, таких как веб-сайты. Особое внимание уделяется выявлению дисбаланса между существующими правовыми механизмами и новыми технологическими вызовами. В работе систематизированы традиционные и инновационные способы фиксации и защиты авторских прав, включая облачные технологии, системы искусственного интеллекта (Content ID, «Окулус») и технологию блокчейн. Обосновывается вывод о необходимости перехода от репрессивной модели защиты к технологически нейтральному и гибкому правовому режиму, легитимирующему сложившиеся в цифровой среде социальные практики.

Ключевые слова: авторское право, цифровая среда, объекты авторских прав, правовой режим, составные объекты.

Современная цивилистическая доктрина, развиваясь в условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни, сталкивается с необходимостью

переосмысления классических правовых конструкций, сформированных в доктринальную эпоху. Указанное в полной мере относится к институту авторского права,

фундаментальные начала которого, закрепленные в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), подвергаются значительному давлению со стороны новых технологий и моделей распространения информации [1]. Свободный и ускоренный обмен информацией, отсутствие границ, возможность оставаться анонимным, портативность использования персонального компьютера (далее — ПК), оцифровка данных с бумажных носителей приводят к необходимости правового регулирования указанной среды.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, объекты интеллектуальной собственности, в частности авторские права, стали наиболее подвержены различным нарушениям со стороны пользователей цифрового пространства. Во-вторых, развитие технологического прогресса привело к дисбалансу между механизмами защиты авторских прав и новыми способами фиксации и размножения копий произведений. В-третьих, развитие технологий приводит к появлению новых, не урегулированных нормативно-правовыми актами объектов интеллектуальной собственности (например, голографические изображения, интернет-сайты, доменные имена). В-четвертых, в государстве и обществе возрастает объем использования цифровой среды, что оказывает непосредственное влияние на все сферы общественной жизни.

Понятие, виды и, что особенно важно, правовой режим объектов авторских прав претерпевают существенную трансформацию в цифровой среде, что порождает как теоретические дискуссии, так и серьезные практические коллизии. Целью данной статьи является анализ специфики объектов авторских прав в сети Интернет, поскольку именно специфика объекта предопределяет границы и способы осуществления субъективных прав, а также характер потенциальных нарушений и мер противодействия им.

Понятие объекта авторского права в российском законодательстве, закрепленное в ст. 1259 ГК РФ, традиционно строится на концепции объективной формы выражения результата творческой деятельности. Ключевыми критериями остаются творческий характер и наличие выражения в какой-либо объективной форме, перечень которых является открытым. Цифровая среда, по сути, предоставила принципиально новую универсальную объективную форму — цифровую, которая может аккумулировать в себе все традиционные формы (текстовую, изобразительную, звуковую, аудиовизуальную).

Как справедливо отмечает В. О. Калятин, «развитие цифровых технологий привело к тому, что практически любой результат интеллектуальной деятельности может быть представлен в виде цифрового файла, то есть информации, особым образом организованной и зафиксированной на машинном носителе» [2, с. 245]. Это технологическое единство порождает иллюзию правового единообразия, однако на самом деле оно лишь усугубляет сложности квалификации и разграничения режимов. Ци-

фровая форма сама по себе не создает нового типа объектов, но радикально меняет их свойства: неограниченную и не теряющую качество воспроизводимость, легкую трансформируемость, глобальную и мгновенную распространяемость, а также возникновение принципиально новых свойств, таких как интерактивность и сетевая связанность.

Виды объектов авторских прав, перечисленные в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, полностью сохраняют свою актуальность и в цифровой среде. Литературные, музыкальные, аудиовизуальные произведения, фотографии и другие традиционные объекты активно создаются и используются онлайн. Однако цифровая среда породила и специфические объекты, правовая природа которых продолжает быть предметом оживленных научных дискуссий. Речь идет прежде всего о веб-сайтах, компьютерных программах (хотя они выделены в отдельный институт, их творческая составляющая охраняется авторским правом), базах данных, а также о таких комплексных феноменах, как пользовательский интерфейс (UI) и пользовательский опыт (UX). Вопрос о правовой охране сайта как единого объекта долгое время был дискуссионным. Преобладающей в настоящее время является позиция, согласно которой веб-сайт представляет собой сложный составной объект, включающий различные охраняемые элементы: текстовое наполнение, графические изображения, дизайн, программный код, а также подбор и расположение материалов, которые могут охраняться как база данных.

По мнению автора, наиболее подверженными различным нарушениям в сети Интернет со стороны её пользователей являются следующие объекты: 1) литературные произведения; 2) музыкальные произведения; 3) аудиовизуальные произведения; 4) фотографические произведения; 5) программы для ЭВМ; 6) результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта (например, компьютерные игры).

Процесс цифровизации привносит в повседневную жизнь государства и общества новый механизм воздействия — цифровой императив [3, с. 17]. Его суть заключается в создании новых векторов развития (цифровая экономика, цифровые права) и правил взаимодействия между участниками цифровых правоотношений. Из этого следует, что авторское право должно подстраиваться под новые вызовы времени и технологий. Переходя из материального носителя в цифровой формат, охраняемые авторским правом результаты интеллектуальной деятельности получают дополнительные ценностные свойства при реализации на рынке, заключающиеся в удобстве использования и мгновенном приобретении из любой точки доступа.

Распространенными механизмами защиты авторских прав остаются: указание даты и имени автора на каждом экземпляре согласно ст. 1257 ГК РФ, депонирование произведения, заверение у нотариуса, отправка экземпляра самому себе по почте, хранение исходных материалов, а также заключение договора о создании произведения. Однако некоторые механизмы являются известными

лишь уверенным пользователям ПК, в то время как другие относительно новы.

К числу новейших технологических способов защиты относятся:

1. Размещение оцифрованного произведения в облачном хранилище информации (Яндекс.Диск, Google Диск). Загрузив файл, владелец аккаунта при возникновении спора сможет подтвердить время, дату его размещения и своё авторство.

2. Применение обученных нейросетей для поиска нелегального контента. В 2022 году Роскомнадзор планировал запустить систему «Окулус» для русскоязычного сегмента сети, которая в автоматическом режиме отслеживает нелегальные материалы [4]. Успешной практикой является система «Content ID» видеохостинга «YouTube». Она присваивает контенту «цифровые отпечатки», и при совпадении правообладатель может заблокировать произведение, монетизировать его или отслеживать статистику просмотров. Важным условием является обладание исключительным правом и заключение с платформой специального соглашения [5].

3. Запрет на использование анонимайзеров и VPN-технологий на территории РФ. Деанонимизация пользователей — важный шаг к пресечению противоправных действий. Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ наделяет Роскомнадзор правом запрещать доступ к сайтам, содержащим информацию о способах обхода ограничений, а поисковым системам — выдавать ссылки на сайты из «черного списка» [6].

4. Специальные средства самозащиты, включая системы контроля доступа на коммерческих сайтах и внедрение в файлы программного кода, нарушающего целостность произведения при незаконном использовании [7, с. 92].

5. Способы защиты, разработанные компанией «Adobe Systems»: «Civil search» (проверка компании на основании судебного акта) и «Audits License Compliance» (добровольные совместные проверки лицензионной чистоты ПО).

Технология блокчейн как революционный инструмент защиты и оборота прав

Наибольшей революционной новизной из рассмотренных способов защиты выделяется технология блокчейн — децентрализованная база данных, где информация выстроена в виде последовательной цепочки блоков. Основным достоинством технологии является теоретическая невозможность внесения изменений в реестр задним числом, так как информация хранится на

множестве носителей в режиме онлайн. Любая попытка фальсификации приведет к присвоению блоку иной цифровой подписи и моментальному обнаружению пользователя, совершившего попытку взлома [8, с. 87].

Воспользовавшись технологией блокчейн, автор сможет отслеживать использование своего произведения в цифровой среде, а при обнаружении нарушений — моментально собирать доказательства и прекращать нелегитимные действия. Данную технологию можно использовать для создания на территории РФ единой базы данных авторских прав. Блокчейн как система реестров объектов интеллектуальных прав может обеспечить хранение и передачу информации об этих объектах и правообладателях, заменив существующие сегодня базы данных [9, с. 91].

Кроме того, технология блокчейн применима при заключении «умных» контрактов (smart contracts), которые могут быть полезны для обеспечения оборота интеллектуальной собственности. Исполнение смарт-контрактов происходит в автоматическом режиме после ввода кода условий соглашения, а в случае их нарушения немедленно наступают установленные санкции [10, с. 375].

Подводя итог, следует отметить, что цифровая революция порождает новую «цифровую парадигму», с которой в будущем будут связаны все жизненно важные процессы общественной жизни. Цифровая среда не создает принципиально новых видов объектов авторских прав, но радикально трансформирует их сущностные свойства и, как следствие, правовой режим. Ключевым системообразующим фактором становится не форма или содержание объекта, а его цифровая природа, определяющая такие качества, как копируемость, изменяемость, сетевая связанность и глобальная доступность.

Это требует не столько расширения перечня объектов в ст. 1259 ГК РФ, сколько глубокого пересмотра системы правомочий (ст. 1270 ГК РФ) и ограничений исключительного права (ст. 1273–1279 ГК РФ). Действующее законодательство фокусируется в основном на репрессивных мерах защиты, но недостаточно внимания уделяет легитимации обычных технических и социальных практик, сложившихся в цифровой среде. Правовой режим должен стать более технологически нейтральным и гибким, допуская расширительное толкование свободного использования и в то же время предоставляя эффективные механизмы защиты от коммерческого пиратства. Без сбалансированного подхода, учитывающего интересы правообладателей и публичные интересы развития цифрового пространства, любая система защиты будет носить половинчатый и недостаточно эффективный характер.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 14. — Ст. 2545.
2. Калятин В. О. Право в сфере Интернета. — М.: Норма, Инфра-М, 2014. — С. 245.
3. Карцхия А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 8. — С. 17.

4. Роскомнадзор развернёт в России систему тотального контроля, от которой отказалась Apple. — URL: <https://www.iguides.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Инструменты защиты авторских прав. — URL: <https://support.google.com/youtube> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 10. — Ст. 533.
7. Коляса В. С. К вопросу о способах защиты авторских прав в сети Интернет // Студенческий вестник: научный журнал. — 2019. — № 18(68). — С. 92.
8. Коляса В. С. К вопросу применения технологии блокчейн в правовой жизни общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 9. — С. 87.
9. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — № 4(38). — С. 91.
10. Зарецкий А. М. Введение в юридическую профессию. — М.: Издательство Эдитус, 2020. — С. 375.

Научно обоснованные предложения по усовершенствованию законодательства для беременных женщин в трудовом праве

Брютова Валентина Николаевна, студент магистратуры
Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

Демографическое развитие Российской Федерации напрямую зависит от создания условий, позволяющих женщинам совмещать профессиональную деятельность с материнством. Согласно данным Росстата, около 40 % работающих женщин сообщают о столкновении с различными формами дискриминации в трудовых отношениях в период беременности. Это свидетельствует о недостаточной эффективности существующих правовых механизмов, призванных защищать трудовые права беременных.

Главной актуальностью при выборе данной темы статьи стала необходимость устранения противоречий между декларируемой государственной поддержкой материнства и практической реализацией этих гарантий в условиях трудовой деятельности. Теоретическую базу составили анализ трудов ведущих российских специалистов в области трудового права, нормативные акты, материалы судебной практики.

При написании данной статьи была поставлена конкретная цель — разработка конкретных предложений по совершенствованию российского трудового законодательства в сфере защиты трудовых прав беременных женщин.

Действующее российское трудовое законодательство содержит достаточно развернутую систему гарантий для беременных женщин, основанную преимущественно на положениях Трудового кодекса РФ.

Рассмотрим основные ключевые гарантии:

- статья 254 ТК РФ — перевод на легкий труд;
- статья 261 ТК РФ — запрет увольнения;
- статья 93 ТК РФ — особый режим работы;
- статья 259 ТК РФ — запрет ночной работы, сверхурочных, командировок;

– часть 3, статьи 254 ТК РФ — оплачиваемое время для прохождения диспансеризации.

Исходя из данного перечня, можно сделать вывод, что нормативная база в данной области достаточно развита, однако ее практическая реализация сталкивается с системными проблемами, снижающими эффективность правовой защиты.

Проведя анализ правоприменительной практики, можно выявить ряд ключевых проблем действующего правового регулирования:

1. Несовершенство механизма перевода на легкий труд. Согласно статье 254 ТК РФ, перевод беременной женщины на другую работу требует медицинского заключения и ее личного заявления. Однако в законодательстве не установлен четкий перечень медицинских показаний, обязывающих работодателя осуществить такой перевод, не определен порядок оспаривания отказов в выдаче медицинских заключений. Это создает условия бюрократических барьеров и злоупотреблений правом как со стороны медицинских организаций, так и работодателей;

2. Ограниченность сферы действия трудовых отношений. Действующие гарантии в основном распространяются на женщин, работающих по стандартным трудовым договорам. Для нетипичных форм занятости (временная работа, срочные договоры, работа по совместительству) уровень защиты намного ниже. Например, хотя статья 261 ТК РФ предусматривает продление срочного договора до окончания беременности, это правило действует не для всех категорий таких работников;

3. Неэффективные механизмы принуждения. Несмотря на формальный запрет увольнения беременных женщин (кроме случаев ликвидации организации), ра-

ботодатели часто прибегают к различным косвенным методам принуждения к увольнению «по собственному желанию» или за фиктивные дисциплинарные проступки. Действующая система ответственности не создает адекватных стимулов для соблюдения законодательства работодателями;

4. Неразрешенное противоречие между гарантиями и финансовой нагрузкой. Сохранение среднего заработка беременной женщине при переводе на легкий труд полностью ложится на работодателя, что в условиях малого и среднего бизнеса создает экономические дисинcentивы к найму женщин репродуктивного возраста. Эта практика опосредованно укрепляет дискриминацию на рынке труда.

Таким образом, существует очевидная потребность в совершенствовании действующего законодательства для устранения выявленных недостатков и создания действенного механизма реализации декларируемых гарантий.

По моему мнению, научно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства могли бы быть следующими:

1. Совершенствование процедуры перевода на легкий труд: механизм перевода, который регулируется статьей 254 ТК РФ, нуждается в концептуальном улучшении. На основе проведенного анализа правоприменительной практики предлагаю следующие конкретные изменения:

- установление исчерпывающего перечня медицинских показаний для перевода на легкий труд. Данный перечень должен быть разработан Минздравом России и утвержден на законодательном уровне. Он должен включать конкретные параметры условий труда (максимально допустимые веса поднимаемых тяжестей, допустимые уровни шума, электромагнитного излучения и так далее), исключающие работу беременных женщин независимо от их индивидуальных особенностей здоровья. Такой подход позволит исключить субъективизм при принятии решений медицинскими работниками;

- введение обязательной оценки рисков рабочих мест для беременных. Работодателей следует обязать проводить специальную оценку условий труда специально для рабочих мест, занимаемых женщинами репродуктивного возраста. По результатам этой оценки должны разрабатываться индивидуальные профилактические мероприятия, включая возможность временного перевода на другие должности на период беременности;

- создание механизма распределения финансовой нагрузки между работодателем и Фондом социального страхования. Для снижения экономической нагрузки на работодателей предлагается установить, что при переводе беременной женщины на легкий труд с сохранением среднего заработка разница между ее фактическим заработком и средним прежним заработком компенсируется из средств ФСС. Эта мера позволит снизить дискриминационные установки на рынке труда по отношению к женщинам репродуктивного возраста.

2. Расширение сферы действия правовых гарантий: динамичное развитие трудовых отношений требует расширения сферы действия правовой защиты беременных женщин на нетипичные формы занятости:

- распространение гарантий на все категории срочных трудовых договоров. Действующее законодательство содержит исключения, позволяющие увольнение беременных в отдельных случаях срочных договоров (на время исполнения обязанностей отсутствующего работника). Эта норма противоречит принципу максимальной защиты материнства и должна быть отменена. Всем беременным женщинам независимо от вида договора должна гарантироваться сохранность рабочего места.

- регулирование дистанционной работы для беременных. Необходимо внести в ТК РФ специальную статью, регулирующую порядок перевода беременных женщин на дистанционную работу. Эта мера особенно актуальна в условиях цифровизации экономики и опыта, который был получен во время пандемии ковид-19. В законе следует установить обязанность работодателя по предоставлению технических средств, необходимых для дистанционной работы;

- защита от косвенной дискриминации. В законодательство следует включить специальную норму, запрещающую скрытую дискриминацию беременных женщин при назначении премий, распределении бонусов, предоставлении обучения и возможностей карьерного роста. Бремя доказывания отсутствия дискриминации должно быть возложено на работодателя.

3. Усиление механизмов правоприменения: для повышения эффективности реализации правовых норм, защищающих трудовые права беременных женщин, предлагается внести следующие меры:

- увеличение размеров финансовых санкций за нарушения трудовых прав беременных. В настоящее время административные штрафы по статье 5.27 КоАП РФ несопоставимы социальной значимости охраняемых ценностей. Предлагается ввести отдельную норму, устанавливающую повышенные штрафы за дискриминацию беременных в сфере труда;

- введение персональной ответственности руководителей за принуждение беременных к увольнению. КоАП РФ следует дополнить нормой, устанавливающей административную ответственность за создание условий, вынуждающих беременную работницу уволиться по собственному желанию;

- упрощение процедуры восстановления нарушенных прав. Целесообразно ввести специальный упрощенный порядок рассмотрения трудовых споров, связанных с защитой прав беременных, с сокращенными сроками обращения в суд и рассмотрения дел.

4. Развитие превентивных механизмов: важным направлением совершенствования законодательства является развитие превентивных механизмов:

- введение обязательного информирования беременных об их правах. ТК РФ следует дополнить нормой,

обязывающей работодателя уведомлять в письменной форме каждую беременную работницу о ее правах и гарантиях при предоставлении справки о беременности. Форма уведомления должна быть утверждена на федеральном уровне;

- установление обязанности разработки и внедрения программ поддержки беременных работниц в организациях с численностью более 100 человек. Эти программы должны включать меры по улучшению условий труда, созданию комнат психологической и физической нагрузки, организации специальных графиков работы;

- развитие корпоративной системы правил в сфере трудовых прав беременных. Целесообразно законодательно закрепить обязанность работодателей по разработке и внедрению внутренних регламентов работы с беременными работницами, включающих алгоритмы взаимодействия со трудницами, кадровой службы и руководителя;

5. Гармонизация с международными стандартами: Российское законодательство нуждается в большей гармонизации с международными трудовыми стандартами в области охраны материнства:

- имплементация положений Конвенции МОТ № 183 (2000) об охране материнства. Несмотря на то, что многие российские стандарты соответствуют международным требованиям, ряд положений данной конвенции не имплементирован, в частности, касательно продолжительности оплачиваемого отпуска по беременности и родам, и размерам пособия;

- введение «отцовского отпуска». Для обеспечения равного распределения семейных обязанностей предлагается установить в ТК РФ двухнедельный оплачиваемый отпуск для отцов. Эта мера будет способствовать снижению стереотипов об исключительной ответственности женщин за воспитание детей;

- запрет обязательного прекращения трудовых отношений по достижении определенного срока беременности. Некоторые международные стандарты устанавливают абсолютный запрет на увольнение беременных, без каких-либо исключений. Российское законодательство должно двигаться в сторону усиления данной защиты.

Говорить о механизме реализации предложенных законодательных совершенствований я не стану, так как реализация требует системного подхода и поэтапного внедрения, начиная с подготовки проектов, проведения широкого общественного и экспертного обсуждения законопроектов, заканчивая принятием законов, разработкой подзаконных актов, обязательно не исключая порядок компенсации расходов работодателей из ФСС, перечень медицинских показаний перевода на легкий труд, формы уведомления беременных работниц об их правах, при этом не забывая о мониторинге применения

новых норм, анализа правоприменительной практики, а также внесении корректировок при возникшей необходимости.

Также отмечу, что финансово-экономическое обоснование предлагаемых мер должно включать расчеты нагрузки на бюджет ФСС при компенсации части расходов на сохранение среднего заработка, а также оценку экономического эффекта от снижения дискриминации, повышения рождаемости, сохранения трудового потенциала женщин.

Думаю, что для оценки результативности предлагаемых мер следует установить следующие индикаторы результативности:

- снижение количества жалоб беременных женщин на нарушения трудовых прав;

- увеличение числа женщин, вернувшихся на работу после отпуска по уходу за ребенком к тому же работодателю;

- снижение числа случаев скрытой дискриминации при приеме на работу женщин репродуктивного возраста;

- повышение уровня рождаемости среди работающих женщин.

В заключение хочу сказать следующее: предложенная система мер по совершенствованию трудового законодательства в области защиты прав беременных женщин носит комплексный характер и направлена на устранение наиболее актуальных проблем правового регулирования. Научная новизна данной статьи заключается в разработке конкретных механизмов реализации гарантий с учетом зарубежного опыта и современных социально-экономических реалий.

Хочу отметить, что внедрение данных предложений позволит:

- создать эффективные правовые механизмы защиты трудовых прав беременных женщин;

- снизить уровень дискриминации на рынке труда;

- улучшить демографическую ситуацию в стране;

- обеспечить гармонизацию российского законодательства с международными стандартами.

Социальная значимость предлагаемых изменений состоит в создании условий для гармоничного сочетания женщинами профессиональных и семейных обязанностей, что соответствует целям государственной политики поддержки семьи и детства, декларируемым на высшем уровне.

Дальнейшее исследование в данной области могут быть связаны с разработкой механизмов защиты трудовых прав беременных в специфических сферах деятельности (например, в творческих профессиях, гиг-экономике), а также сравнительно-правовым анализом законодательства стран ЕАЭС в данной области.

Литература:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025);
2. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1;

3. Приказ Роструда от 11.11.2022 N 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства»;
4. Белицкая И. Я. Дискриминация в сфере труда: теория и практика противодействия: Монография. — М.: ИЗИСП, 2022. — 284 с.;
5. Гусов К. Н., Курилин М. Н. Трудовое право России: Учебник. — М.: Проспект, 2023. — 768 с.;
6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: Учебник в 2 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — Т.1: 736 с., Т.2: 752 с.;
7. Скачкова Г. С. Регулирование труда отдельных категорий работников: Учебное пособие. — М.: РИОР, 2023. — 189 с.;
8. Хохлов Е. Б., Сафонов В. А. Трудовое право Российской Федерации: Учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 583 с.;
9. Трудовые права беременных женщин <https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-05-25-08-2022/trudovye-prava-beremennykh-zhenshchin/>;
10. Срочный договор и беременность: права женщин // Amulex. 2023. URL: <https://amulex.ru/daily/trudovoe-pravo/srochnyj-dogovor-i-beremennost-prava-zhenshchin-ne21fb0v/>

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства

Будажапов Дмитрий Содномович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена исследованию полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются теоретические и практические аспекты прокурорского надзора, особенности реализации полномочий прокурора при возбуждении уголовного дела, производстве дознания и предварительного следствия. Особое внимание уделяется проблемам разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа, а также перспективам совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, уголовное преследование, досудебное производство, предварительное расследование, следователь, дознаватель, законность.

Введение

Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, что предопределяет особую роль прокурора в уголовном судопроизводстве [1].

В современных условиях развития уголовного судопроизводства особое значение приобретает обеспечение законности на досудебной стадии процесса. Именно на данном этапе принимаются решения, способные оказать существенное влияние на дальнейшую судьбу уголовного дела, а также на реализацию конституционных прав и свобод личности. В связи с этим важнейшая роль принадлежит прокурору как субъекту прокурорского надзора и участнику уголовного преследования.

Актуальность исследования обусловлена продолжающимся реформированием уголовно-процессуального законодательства, необходимостью повышения эффективности прокурорского надзора и обеспечением баланса между публичными интересами государства и правами личности.

Согласно статье 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным от имени государства осуществлять уголовное преследование и надзор за про-

цессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [2]. Особенность правового статуса прокурора заключается в сочетании надзорной функции и функции уголовного преследования [4, с. 83].

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства можно разделить на несколько основных групп: полномочия по надзору за рассмотрением сообщений о преступлениях, полномочия в сфере дознания, полномочия по надзору за предварительным следствием, полномочия по рассмотрению жалоб участников процесса и полномочия, реализуемые при направлении уголовного дела в суд [5, с. 114].

Первоначальным этапом реализации прокурорских полномочий является надзор за законностью приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. На практике именно на этой стадии наиболее часто выявляются нарушения закона, связанные с необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела, нарушением сроков проверки сообщений о преступлениях и сокрытием преступлений от учета [7, с. 52].

Прокурор вправе истребовать материалы проверок, проверять законность принимаемых решений и принимать меры реагирования. Значение данных полномочий обусловлено тем, что своевременное выявление нару-

шений способствует обеспечению права граждан на доступ к правосудию.

По мнению А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, эффективность прокурорского надзора во многом определяется возможностью своевременного выявления и устранения нарушений закона на ранних этапах уголовного процесса [6, с. 219].

Особое место в системе полномочий прокурора занимает надзор за деятельностью органов дознания. Закон предоставляет прокурору право давать дознавателю письменные указания, отменять незаконные постановления, требовать устранения нарушений закона и возвращать уголовные дела для дополнительного расследования [2].

Прокурор также осуществляет проверку законности и обоснованности итоговых процессуальных решений. Утверждение обвинительного акта представляет собой важнейший элемент контроля качества расследования. До направления дела в суд прокурор обязан убедиться в достаточности доказательственной базы, правильности квалификации деяния и соблюдении прав участников уголовного процесса.

В сфере предварительного следствия полномочия прокурора имеют определенную специфику. После реформы 2007 года часть полномочий была передана руководителям следственных органов. В результате прокурор утратил возможность непосредственного руководства расследованием, однако сохранил значительный объем надзорных полномочий. Указанные изменения вызвали широкую научную дискуссию относительно эффективности прокурорского надзора [4, с. 127].

Современная научная литература содержит различные оценки данной реформы. Одни авторы указывают на снижение эффективности прокурорского надзора вследствие сокращения процессуальных возможностей прокурора [5, с. 146]. Другие исследователи считают, что усиление процессуальной самостоятельности следователя способствует объективности расследования и укреплению принципа разделения процессуальных функций [6, с. 237].

Представляется, что обе позиции содержат рациональные аргументы. С одной стороны, чрезмерное вмешательство прокурора в деятельность следователя способно негативно повлиять на самостоятельность расследования. С другой стороны, недостаточность надзорных полномочий может привести к снижению эффективности контроля за соблюдением закона.

Важным направлением деятельности прокурора является рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства. В соответствии со статьей 124 УПК РФ прокурор рассматривает жалобы на действия и решения дознавателя, следователя и иных должностных лиц. Данная функция имеет существенное правозащитное значение, поскольку позволяет оперативно восстанавливать нарушенные права граждан без обращения в суд [3].

Особого внимания заслуживает участие прокурора в механизме судебного контроля. На досудебной стадии многие решения, связанные с ограничением конституци-

онных прав личности, принимаются только на основании судебного решения. Прокурор участвует в рассмотрении соответствующих ходатайств и обеспечивает соблюдение требований законности.

Завершающим этапом прокурорской деятельности на досудебной стадии является проверка уголовного дела перед направлением его в суд. На данной стадии прокурор оценивает полноту расследования, допустимость доказательств, соблюдение прав участников процесса и правильность юридической квалификации деяния, проверяет законность и обоснованность обвинительного заключения, оценивает достаточность доказательств и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства [4, с. 211].

Несмотря на значительный объем полномочий, практика прокурорского надзора сталкивается с рядом проблем. К ним относятся высокая нагрузка на работников прокуратуры, сложность процессуального взаимодействия между различными правоохранительными органами, а также необходимость оперативного реагирования на нарушения закона.

Отдельной проблемой является цифровизация уголовного судопроизводства. Развитие электронного документооборота требует модернизации механизмов прокурорского надзора и внедрения современных технологий контроля за процессуальной деятельностью органов расследования.

Перспективным направлением развития представляется совершенствование механизмов взаимодействия между прокуратурой, следственными органами и судами. Целесообразным является расширение возможностей электронного контроля за соблюдением процессуальных сроков и повышение эффективности рассмотрения обращений граждан.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос о дальнейшем совершенствовании процессуального статуса прокурора в целях обеспечения оптимального соотношения между независимостью следователя и эффективностью прокурорского надзора.

Заключение

Таким образом, прокурор является одним из ключевых участников досудебной стадии уголовного судопроизводства. Реализация его полномочий направлена на обеспечение законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также повышение эффективности уголовного преследования, что обеспечивает баланс публичных интересов государства и прав личности [7, с. 184].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что прокурорский надзор остается важнейшей гарантией законности в уголовном процессе. Вместе с тем дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение эффективности реализации прокурорских полномочий и адаптацию надзорной деятельности к современным условиям развития правовой системы Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (последняя редакция).
4. Безлепкина, Б. Т. Уголовный процесс России / Б. Т. Безлепкина. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2010. — 484 с.
5. Рыжаков, А. П. Уголовный процесс учебник / А. П. Рыжаков. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: Экзамен, 2007. — 717 с.
6. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — 8-е изд., перераб. — М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. — 783 с.
7. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров; под общей редакцией А. Ю. Винокурова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 400 с.

Судебные споры о «черной» заработной плате: способы доказывания

Вареница Кирилл Алексеевич, студент;

Каравайцев Никита Денисович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В соответствии с ч. 1 ст. 129 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) заработная плата — это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты [1]. По способу выплаты заработную плату условно делят на «белую», «серую» и «черную». «Белая» зарплата — официально оформленный трудовым договором доход, с которого удержан НДФЛ и уплачены страховые взносы. Понятия «серой» и «черной» зарплаты в законодательстве отсутствуют, однако в письме УФНС РФ по г. Москве от 17.05.2006 № 15–11/290 «теневая» («серая») заработная плата определена как неофициальная заработная плата, выдаваемая «в конвертах» [3]. «Серая» зарплата состоит из официальной части, с которой удерживается НДФЛ, и неофициальной, выдаваемой наличными. «Черная» зарплата предполагает, что работник вообще не оформлен у работодателя и получает деньги только на руки, без социальных гарантий и трудового стажа.

Основной недостаток таких выплат проявляется при судебном споре о взыскании невыплаченной заработной платы. По официальной зарплате бремя доказывания отсутствия задолженности в силу ст. 136 ТК РФ лежит на работодателе. Однако закон придает юридическое значение только официальной заработной плате, поэтому при взыскании неофициальной части бремя доказывания фактически смещается на работника (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее — ГПК РФ): он сам должен доказать договоренность о «серой» зарплате и задолженность по ней [2]. Судебная

практика позволяет выделить следующие способы доказывания.

Первый способ — электронная переписка с работодателем. Апелляционным определением Липецкого областного суда от 05.12.2018 по делу № 33–4303/2018 подтверждена правомерность принятия судом в качестве доказательства скриншотов переписки в социальной сети «ВКонтакте» [12]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 (далее — ППВС № 15) прямо допускает использование переписки сторон по электронной почте в качестве средства доказывания [4]; для надежной фиксации скриншоты можно удостоверить у нотариуса. Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции (определение от 13.07.2021 № 88–10854/2021) на основании переписки работника с работодателем по электронной почте и сведений о перечислениях неофициальной части зарплаты на банковскую карту установил фактический заработок и взыскал задолженность по «серой» зарплате в размере 223 829,55 руб. [7].

Второй способ — копии документов в совокупности со свидетельскими показаниями. По общему правилу суд принимает документы в подлиннике или в надлежаще заверенной копии (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ), а свидетельские показания — лишь в дополнение к другим доказательствам. Тем не менее Свердловский областной суд (апелляционное определение от 16.09.2020 по делу № 33–12432/2020) принял представленные истцом копии платежных ведомостей, табелей учета рабочего времени и уведомлений о выплате неофициальной части зарплаты, подкрепленные показаниями свидетеля о такой же схеме выплат другим сотрудникам: работник — экономически слабая

сторона спора (ч. 7 ст. 67 ГПК РФ), а работодатель не представил документов иного содержания и не опроверг достоверность копий [9].

Третий способ — банковские выписки. Ставропольский краевой суд (апелляционное определение от 22.06.2021 по делу № 33–3-4713/2021) установил по детализации операций, что в период работы истцу ежемесячно в определенные даты перечислялись денежные средства с карты работодателя. Поскольку ответчик в нарушение ст. 56 ГПК РФ не доказал иное назначение платежей (займы, компенсация расходов), суд признал перечисленные суммы «серой» зарплатой и взыскал задолженность [10].

Доказывание «черной» зарплаты строится иначе: ее выплаты нигде не фиксируются, работник для налоговых органов и социальных фондов не существует. Поэтому работнику необходимо доказывать не размер задолженности, а прежде всего наличие трудовых отношений. Как указал Верховный суд Республики Карелия (апелляционное определение от 15.04.2022 № 33–1142/2022), только после установления трудовых отношений и их оформления у истца возникает право требовать взыскания задолженности по заработной плате [11].

Правовую основу составляют разъяснения высшей судебной инстанции. Согласно абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2, если трудовой договор не был оформлен, но работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя, договор считается заключенным [5]. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.04.2023 № 16-КГ23–4-К4 подчеркнуто: если работник приступил к работе и выполняет ее с ведома работодателя, в его интересах, под его контролем и управлением, наличие трудового правоотношения презюмируется, а доказательства отсутствия трудовых отношений должен представить работодатель [6]. Этим же определением отменены акты нижестоящих судов, отказавших работнице, представившей табели учета рабочего времени, листок нетрудоспособности с указанием работодателя и иные косвенные доказательства: суды не определили юридически значимые обстоятельства и не защитили работника как слабую сторону.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 01.01.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 02.01.2026).
3. Письмо УФНС РФ по г. Москве от 17.05.2006 № 15–11/290 «О работе налоговых органов г. Москвы по обеспечению полноты уплаты налогов и взносов с сумм оплаты труда» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 01.01.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 03.01.2026).

Перечень допустимых доказательств приведен в п. 18 ППВС № 15: пропуск на территорию работодателя, журналы регистрации прихода-ухода, графики работы и отпусков, расчетные листы и ведомости выдачи денежных средств, сведения о перечислениях на банковскую карту, товарные накладные и путевые листы, переписка сторон, в том числе по электронной почте, документы по охране труда, а также свидетельские показания, аудио- и видеозаписи [4]. Таким образом, для признания отношений трудовыми применимы те же способы доказывания, что и по спорам о «серой» зарплате.

Это подтверждает практика. Второй кассационный суд общей юрисдикции (определение от 29.08.2024 № 88–21123/2024) признал доказательствами копии журналов прохода и здоровья работников, переписку в мессенджере WhatsApp, свидетельские показания и медицинские документы о производственной травме [8]. Ульяновский областной суд (апелляционное определение от 02.03.2021 по делу № 2–3755/2021) принял скриншоты электронной почты, копии счетов и платежных поручений в совокупности со штатным расписанием [13]. Промышленный районный суд г. Самары (решение от 27.02.2024 по делу № 2–1946/2024) учел графики работы, переписку с ответчиком, переводы зарплаты на карту, аудиозаписи и материалы прокурорской проверки [14], а Трусковский районный суд г. Астрахани (решение от 29.01.2024 по делу № 2–3718/2023) — ведомости выплаты зарплаты и объяснения других работников [15].

Таким образом, спора о взыскании «черной» зарплаты в чистом виде не существует: пока отношения не признаны трудовыми, у работника нет законных оснований для взыскания. При «серой» зарплате работник доказывает лишь неофициальную часть выплат — электронной перепиской, копиями документов работодателя, банковскими выписками, свидетельскими показаниями. При «черной» зарплате теми же средствами сначала доказывается сам факт трудовых отношений, и лишь после их признания возникает право взыскать невыплаченную заработную плату. На практике оба требования заявляются в одном иске, а суды последовательно исходят из защиты работника как экономически слабой стороны.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 03.01.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2023 № 16-КГ23-4-К4 по делу № 2-597/2020.
7. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2021 № 88-10854/2021 по делу № 2-3786/2020.
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу № 88-21123/2024.
9. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 16.09.2020 по делу № 33-12432/2020.
10. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 22.06.2021 по делу № 33-3-4713/2021.
11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 15.04.2022 № 33-1142/2022 по делу № 2-1728/2021.
12. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 05.12.2018 по делу № 33-4303/2018.
13. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 02.03.2021 по делу № 2-3755/2021.
14. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 27.02.2024 по делу № 2-1946/2024.
15. Решение Трусовского районного суда г. Астрахани от 29.01.2024 по делу № 2-3718/2023.

Трансформация принудительных мер воздействия Банка России: от формальных критериев к содержательному поведенческому надзору

Васильев Максим Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается эволюция правоприменительной практики Банка России в части применения принудительных мер воздействия к кредитным организациям.

Ключевые слова: банковский надзор, Банк России, принудительные меры воздействия, риск-ориентированный надзор, поведенческий надзор, отзыв лицензии, сомнительные операции.

Банковский надзор в России за последние несколько лет серьёзно изменился. Ещё недавно казалось, что основная задача Банка России — как можно быстрее очистить сектор от слабых и недобросовестных игроков. Цифры говорили сами за себя: в пиковые 2015–2017 годы лицензий лишались десятки банков ежегодно, и это воспринималось как норма. Сегодня ситуация иная: по итогам 2025 года принудительно отозваны лицензии лишь у четырёх кредитных организаций, а эксперты в один голос утверждают, что эпоха массовых расчисток завершена.

Снижение числа отзывов, однако, не означает, что надзор ослаб. Скорее, меняется сама его философия. Наиболее ярким свидетельством этого сдвига стало событие, которое, на мой взгляд, пока недостаточно осмыслено в научной литературе, — отмена Банком России в ноябре 2025 года письма № 172-Т и информационного письма № ИН-01-12/23 [2]. Эти документы долгие годы служили своего рода «линейкой», по которой регулятор измерял вовлечённость банков в сомнительные операции. Если объём подозрительных операций превышал установленные по-

роги, следовали жёсткие и, как правило, ускоренные меры воздействия. Теперь этих порогов нет. Регулятор прямо заявил: на смену формальным количественным критериям пришли рискориентированный надзор, платформа «Знай своего клиента» и возможность анализа транзакционной активности в реальном времени.

Это решение, с одной стороны, выглядит логичным и давно назревшим — формальные критерии действительно можно обходить, а добросовестные банки порой попадали под санкции из-за технических нарушений. С другой стороны, возникает закономерный вопрос: насколько готова сама надзорная система к работе без таких «костылей», и не создаёт ли отказ от количественных ориентиров риски субъективизма и снижения прозрачности надзорного процесса.

Динамика применения крайней меры надзорного воздействия — отзыва банковской лицензии — наглядно иллюстрирует трансформацию надзорной философии Банка России. Пик отзывов пришёлся на 2016 год, когда разрешений на осуществление банковской деятельности ли-

шились 97 кредитных организаций. Следующий всплеск наблюдался в 2018 году — 60 банков. По состоянию на 24 ноября 2015 года регулятор с начала года отозвал лицензии у 87 кредитных организаций, что составило 10,4 % от числа действующих банков. В 2018 году Председатель Банка России Эльвира Набиуллина объявила, что основная работа по оздоровлению банковского сектора завершена. [3]

Дальнейшая динамика подтверждает этот тезис: в 2023 году не было ни одного случая принудительного отзыва лицензии, в 2024 году — шесть, по итогам 2025 года Банк России принудительно отозвал лицензии у четырёх кредитных организаций. В начале 2026 года лицензии лишился «Новый Московский Банк» — кредитная организация, которая, по данным регулятора, фактически не выполняла своей основной функции по кредитованию реального сектора экономики, а её кредитный портфель, составлявший лишь около 10 % активов, был крайне низкого качества. [4]

Столь резкое сокращение числа отзывов не является свидетельством ослабления надзора. Скорее, оно отражает принципиальное изменение качества банковской системы. Массовая «расчистка» сектора, охватившая сотни кредитных организаций, выполнила свою задачу: организации с критическими «дырами» в балансе либо вовлечённые в жёсткие противоправные схемы были удалены с рынка. Сегодняшние отзывы носят точечный, адресный характер и направлены против банков, чья бизнес-модель носит заведомо нежизнеспособный или противоправный характер.

Анализ оснований для отзыва лицензий в 2024–2026 годах позволяет выделить три доминирующие группы причин:

- во-первых, систематические нарушения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ);
- во-вторых, высокорискованная бизнес-модель и систематическая недооценка кредитного риска;
- в-третьих, финансовая несостоятельность и утрата собственных средств. Эти причины объединяет одно обстоятельство: во всех случаях надзорный орган констатировал неспособность (или нежелание) руководства и собственников банка предпринять действенные шаги по исправлению ситуации даже после неоднократного применения мер надзорного реагирования, включая ограничения на проведение операций.

Ключевым событием, ознаменовавшим переход к содержательной модели надзора, стала отмена Банком России двух нормативных актов, долгие годы определявших подход к оценке вовлечённости кредитных организаций в проведение сомнительных операций. 25 ноября 2025 года регулятор опубликовал информационное письмо, которым признал утратившими силу письмо от 4 сентября 2013 года № 172-Т «О приоритетных мерах при осуществлении банковского надзора» и информационное письмо от 13 апреля 2021 года № ИН-01–12/23 «О критериях определения признаков высокой вовлечённости кре-

дитной организации в проведение сомнительных безналичных и (или) наличных операций». [2]

Значение этих документов для надзорной практики трудно переоценить. Письмо № 172-Т содержало жёсткие количественные критерии и регламент ускоренных мер реагирования при выявлении признаков сомнительных операций, фактически предписывая надзорным подразделениям определённый алгоритм действий. Письмо № ИН-01–12/23 устанавливало конкретные пороги «вовлечённости» — сомнительные операции более 2 % от дебетовых оборотов либо превышение 0,5 млрд рублей за квартал. Превышение этих порогов автоматически запускало механизм применения принудительных мер. Иными словами, надзорный орган в значительной степени действовал по формализованному шаблону.

Отказ от этих инструментов регулятор объяснил комплексом причин. Во-первых, последовательное снижение объёмов подозрительных операций в банковском секторе сделало избыточным жёсткий формализованный контроль — по итогам первого полугодия 2025 года объём подозрительных операций сократился на 12 % в годовом выражении, до 32 млрд рублей. Во-вторых, и это принципиально важно, на смену формальным критериям пришли качественно новые инструменты, позволяющие осуществлять содержательный анализ: платформа «Знай своего клиента» [7], обеспечивающая оперативное информирование кредитных организаций о рискованных клиентах, и рискориентированный надзор, нацеленный на оценку не суммы операций, а их экономического смысла и поведенческих паттернов.

Регулятор прямо указал, что акцент теперь смещается «на повышение качества внутренних контрольных процедур банков по ПОД/ФТ и на оценку эффективности их деятельности по предотвращению подозрительных операций». Это не просто смена формулировок, а принципиально иная надзорная парадигма: банк рассматривается не как потенциальный нарушитель, которого нужно «поймать» при помощи формальных критериев, а как субъект, от которого ожидают выстраивания собственной эффективной системы управления рисками. Надзорный орган, в свою очередь, оценивает качество этой системы, а не просто фиксирует отклонение от установленных лимитов.

Переход к содержательной модели надзора сопровождается внедрением новых инструментов воздействия на участников рынка, которые можно условно разделить на публичные и технологические.

Публичные рэнкинги как инструмент воздействия. Банк России начал публиковать рэнкинги кредитных организаций по количеству обоснованных жалоб потребителей финансовых услуг. Первый такой рэнкинг был обнародован в апреле 2025 года по итогам анализа жалоб за 2024 год. В сентябре 2025 года регулятор принял решение публиковать рэнкинг раз в полугодие, а не раз в год, как планировалось ранее. Методология составления рэнкинга заслуживает особого внимания. В него включаются банки с розничным кредитным портфелем, в отно-

шении которых поступило больше одной обоснованной жалобы на кредитование. Позиция в списке зависит от относительного количества жалоб, рассчитанных на каждые 100 тысяч кредитных договоров, а банки сравниваются между собой как по статусу (системно значимые и иные), так и по размеру розничной клиентской базы (более 5 млн кредитных договоров и остальные).

Сам факт публичного раскрытия таких данных стал мощным инструментом воздействия на участников рынка, стимулирующим их к добровольному устранению нарушений без применения формальных санкций. В отличие от штрафа или предписания, которые носят индивидуальный характер, и информация о которых не всегда становится достоянием широкой общественности, попадание в публичный антирэнкинг создаёт существенные репутационные риски, напрямую влияющие на рыночные позиции банка. По итогам первого полугодия 2025 года в топ-10 лидеров по количеству жалоб вошли как отдельные крупные игроки, так и средние банки.

Важнейшим технологическим инструментом, обеспечившим возможность отказа от формальных критериев оценки сомнительных операций, стала платформа «Знай своего клиента» (ЗСК), запущенная Банком России в полном объёме с 1 июля 2022 года. Платформа представляет собой сервис, с помощью которого кредитные организации получают от Банка России информацию об уровне риска их клиентов — юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В рамках платформы всем российским компаниям и индивидуальным предпринимателям присваивается один из трёх уровней риска: низкий, средний или высокий. По данным регулятора, из более чем 8 миллионов российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, проанализированных платформой, 97,2 % отнесены к низкому уровню риска, 1,9 % — к среднему и 0,9 % — к высокому. Такая трёхуровневая система позволяет кредитным организациям дифференцированно подходить к обслуживанию клиентов, а надзорному органу — отслеживать транзакционную активность в режиме реального времени и выявлять нетипичные поведенческие паттерны.

В феврале 2026 года Банк России открыл публичный доступ к данным платформы для бизнеса, что создало дополнительный канал общественного контроля и стимулирует компании к поддержанию высокого уровня деловой репутации.

Логическим продолжением курса на отказ от формальных критериев стал пересмотр подходов к планированию инспекционной деятельности. В октябре 2025 года Банк России утвердил изменения в инструкцию о порядке проведения проверок поднадзорных лиц, которые вступили в силу 31 октября 2025 года. Ключевое изменение — отмена с 2026 года обязательной трёхлетней периодичности проверок. [6]

Ранее действовавшая модель предполагала, что каждая кредитная организация должна проверяться не

реже одного раза в три года, независимо от её реального профиля рисков. Это создавало избыточную административную нагрузку на добросовестные и транспарентные для надзора организации, одновременно отвлекая ресурсы надзорного органа от тех участников рынка, деятельность которых действительно требовала углублённого контроля.

Новая модель предполагает, что проверки будут назначаться исключительно на основе оценки рисков и особенностей деятельности каждого участника финансового рынка. Как подчеркнул регулятор, такой подход позволит снизить административную нагрузку на добросовестных участников рынка и одновременно сконцентрировать надзорные ресурсы на зонах повышенного риска.

Ключевыми триггерами для назначения проверки становятся такие факторы, как достаточность капитала, концентрация кредитных и рыночных рисков, качество управления ликвидностью, комплаенс-культура, инциденты в сфере кибербезопасности и жалобы потребителей. Иными словами, решение о проведении проверки принимается не по календарному принципу, а по совокупности сигналов, указывающих на потенциальные проблемы в деятельности конкретной организации.

Важным элементом трансформации принудительных мер стало изменение подходов к расчёту штрафных санкций. В декабре 2025 года был принят Федеральный закон № 543-ФЗ, внёсший изменения в статью 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и существенно ужесточивший ответственность кредитных организаций за нарушения прав потребителей финансовых услуг. [1]

До принятия поправок максимальный размер штрафа ограничивался фиксированной суммой, что, по оценкам экспертов, делало недобросовестные практики экономически выгодными для ряда участников рынка: выгода от нарушений исчислялась сотнями миллионов рублей, а штрафы были несоизмеримо малы. Новый механизм привязывает размер штрафа к величине собственных средств (капитала) кредитной организации: до 0,1 % за отдельное нарушение и до 1 % — за неисполнение предписаний регулятора.

Принципиально важен трёхступенчатый механизм применения санкций, заложенный в новом регулировании. При первичном нарушении регулятор направляет рекомендацию, предлагая кредитной организации добровольно устранить недостатки. При повторном нарушении выносится предписание и налагается штраф в размере до 0,1 % от капитала. И лишь при игнорировании предписания штраф может быть повышен до 1 % от капитала. Такой подход отражает общую логику содержательного надзора: регулятор не стремится наказать любой ценой, а создаёт стимулы к добровольному исправлению нарушений, оставляя жёсткие санкции для злостных нарушителей.

Как подчеркнул руководитель Службы по защите прав потребителей Банка России Михаил Мамута, «неко-

торым участникам рынка было проще заплатить прежние штрафы, поскольку на недобросовестной практике они выигрывали значительно больше — суммы выгоды исчислялись сотнями миллионов рублей» [8]. Цель нового регулирования — не сбор штрафов, а полное искоренение нарушений прав граждан.

Признавая прогрессивный характер описанных изменений, было бы неверно обходить вниманием те вызовы и риски, которые несёт в себе переход к содержательной модели надзора. Один из ключевых вопросов, возникающих в связи с отказом от формальных критериев и расширением сферы профессионального суждения, — это вопрос о прозрачности и предсказуемости надзорного процесса.

Когда в основе надзорного решения лежит не превышение чётко установленного количественного порога, а мотивированное суждение надзорного органа о качестве бизнес-модели банка или эффективности его системы управления рисками, неизбежно возрастает элемент дискреции. Это, в свою очередь, может создавать риски как субъективизма в оценках, так и неравномерности применения надзорных требований к различным участникам рынка. Проблема усугубляется закрытостью значительной части надзорной информации: внутренние решения Комитета банковского надзора и профессиональные суждения не публикуются, что затрудняет как внешний контроль за надзорным органом, так и формирование единообразной правоприменительной практики.

Другой вызов связан с дифференциацией регуляторной нагрузки. Переход к риск-ориентированной модели планирования проверок, безусловно, снижает адми-

нистративное давление на добросовестные банки, однако критерии отнесения к категории «добросовестных» или «транспарентных для надзора» остаются недостаточно формализованными. Это создаёт почву для правовой неопределённости, особенно для малых и средних банков, не обладающих значительными ресурсами для взаимодействия с регулятором.

Наконец, нельзя не отметить проблему кадрового обеспечения самого надзорного блока. Содержательный надзор требует от сотрудников Банка России принципиально иного набора компетенций, нежели формальная проверка соблюдения нормативов. Речь идёт о способности к комплексному анализу бизнес-моделей, понимании специфики различных сегментов банковского рынка, навыках оценки качества корпоративного управления и риск-менеджмента. Формирование таких компетенций — длительный и ресурсоёмкий процесс, от успеха которого во многом зависит эффективность новой надзорной модели.

Представляется, что дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение того, как профессиональное суждение надзорного органа соотносится с принципом правовой определённости, каковы реальные эффекты внедрения риск-ориентированного планирования проверок для банков разного масштаба и каким образом можно минимизировать риски субъективизма, не возвращаясь при этом к жёстким формальным шаблонам. Пока же можно констатировать, что российский банковский надзор находится в активной фазе смены парадигмы, и именно сейчас, в апреле 2026 года, представляется особенно важным фиксировать и анализировать этот переход по мере его разворачивания.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 28. — Ст. 2790.
2. Информационное письмо Банка России от 25.11.2025 N ИН-01-43/108 «Об отмене письма Банка России от 04.09.2013 N 172-Т и Информационного письма Банка России от 13.04.2021 N ИН-01-12/23». — Текст: электронный // Consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519676/ (дата обращения: 08.05.2026).
3. Состояние банковского сектора Российской Федерации на 1 сентября 2020 года. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=638996898820857038BANK_SECTOR.htm (дата обращения: 08.05.2026).
4. Отозвана лицензия на осуществление банковских операций у КБ «НМБ» ООО. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=639047528700267796BANK_SECTOR.htm (дата обращения: 08.05.2026).
5. Отзыв (аннулирование) лицензий на осуществление банковских операций. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/banking_sector/likvidbase/PartSelectorState1/ (дата обращения: 10.05.2026).
6. Банк России отменит трехлетнюю периодичность проверок с 2026 года. — Текст: электронный // expert.ru: [сайт]. — URL: <https://expert.ru/news/bankrossii-otmenit-trehletnyuyu-periodichnost-proverok-s-2026-goda/> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Платформа «Знай своего клиента». — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/couninteraction_m_ter/inform_interaction/кycp/ (дата обращения: 11.05.2026).
8. Банкам повысят штрафы за нарушение прав потребителей. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=28191> (дата обращения: 11.05.2026).

Адаптация международных стандартов операционной устойчивости (DORA) в российском банковском надзоре в условиях санкционных ограничений

Васильев Максим Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается сопоставление европейского Регламента о цифровой операционной устойчивости финансового сектора (DORA) и российских требований к операционной надежности банков, в первую очередь Положения Банка России № 850-П.

Ключевые слова: операционная устойчивость, DORA, банковский надзор, Банк России, Положение № 850-П, санкционные ограничения, технологический суверенитет.

Обеспечение операционной устойчивости финансовых организаций в последние годы превратилось из узкотехнической задачи в один из центральных приоритетов банковского надзора во всем мире. Участвовавшие кибератаки, растущая зависимость банков от внешних поставщиков ИКТ услуг и общая цифровизация финансового сектора заставляют регуляторов искать новые подходы к управлению этими рисками. На этом фоне особый интерес вызывает Регламент Европейского союза о цифровой операционной устойчивости финансового сектора (Digital Operational Resilience Act, DORA) [1], вступивший в полную силу с января 2025 года. Это первый в мировой практике комплексный наднациональный документ, который единообразно регулирует все ключевые аспекты операционной надежности: от классификации ИКТ инцидентов до надзора за критическими поставщиками облачных сервисов.

Параллельно развивается и российская нормативная база. В апреле 2025 года вступило в силу Положение Банка России № 850-П [2], устанавливающее новые требования к операционной надежности кредитных организаций. Формально оба документа решают схожие задачи, однако разрабатывались они в принципиально разных условиях. Российский регулятор вынужден учитывать жесткие санкционные ограничения, курс на технологический суверенитет и необходимость импортозамещения в сфере ИКТ. Прямое заимствование европейских норм в таких обстоятельствах вряд ли возможно и, скорее всего, нецелесообразно. Однако это не отменяет того факта, что отдельные элементы DORA могут быть полезны для дальнейшего совершенствования российского надзора — разумеется, при условии их критического осмысления и адаптации к национальной специфике.

Регламент (ЕС) 2022/2554 о цифровой операционной устойчивости финансового сектора, известный как Digital Operational Resilience Act (DORA), вступил в силу 16 января 2023 года и применяется в полном объеме с 17 января 2025 года. Его появление стало ответом на растущую зависимость финансовых организаций от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, как следствие, на возрастающую уязвимость сектора перед кибератаками, техническими сбоями и рисками, исходящими от сторонних поставщиков ИКТ-услуг.

До принятия DORA управление операционными рисками в финансовых учреждениях ЕС регулировалось фрагментарно: разные юрисдикции предъявляли разные требования, а основным инструментом покрытия операционных рисков считалось выделение капитала под потенциальные убытки. Такой подход не охватывал всех аспектов операционной устойчивости, особенно связанных с ИКТ-рисками. Как отмечается в обзоре 10Guards, «Регламент признаёт, что инциденты, связанные с ИКТ, и отсутствие операционной устойчивости могут угрожать стабильности всей финансовой системы, даже если по традиционным категориям рисков выделен «адекватный капитал». DORA устранил этот пробел, заменив фрагментированные национальные подходы единым наднациональным режимом.

Структурно DORA опирается на пять ключевых компонентов, или «опор» (pillars):

- Управление ИКТ-рисками (ICT risk management). Финансовые организации обязаны создать всеобъемлющую систему управления ИКТ-рисками, включающую стратегию цифровой операционной устойчивости, политики, процедуры, протоколы и инструменты, необходимые для надлежащей защиты всех информационных активов и ИКТ-активов. Стратегия должна устанавливать допустимый уровень риска (risk tolerance) и регулярно пересматриваться.

- Управление инцидентами, классификация и отчетность (ICT-related incident management, classification and reporting). DORA вводит унифицированную систему отчетности об инцидентах, которая больше не ограничивается только киберинцидентами, а охватывает любые серьезные нарушения работы информационно-коммуникационных систем. Финансовые организации обязаны классифицировать инциденты по установленным критериям, регистрировать их и в установленные сроки уведомлять надзорные органы.

- Тестирование цифровой операционной устойчивости (Digital operational resilience testing). Регламент требует от финансовых организаций регулярного проведения тестирования ИКТ-систем, включая тестирование на проникновение (penetration testing) и, для определенных категорий организаций, продвинутое тестирование на основе моделирования угроз (Threat-Led Penetration Testing).

TLPT). TLPT представляет собой контролируемую попытку взлома систем с использованием реальных тактик, техник и процедур злоумышленников, что позволяет оценить способность организации противостоять сложным целевым атакам.

– Управление рисками третьих сторон (Managing of ICT third-party risk). Один из наиболее значимых элементов DORA. Финансовые организации обязаны оценивать, мониторить и контролировать риски, связанные с поставщиками ИКТ-услуг. DORA требует от банков пересматривать контракты с третьими сторонами, включать в них чёткие условия по уровню обслуживания и аудиту, а также обеспечивать непрерывность бизнеса в случае сбоев у поставщика.

– Обмен информацией (Information sharing). DORA поощряет обмен информацией о киберугрозах и уязвимостях между финансовыми организациями на добровольной основе при условии соблюдения требований о защите данных и конфиденциальности. [3]

Принципиально важно, что требования DORA применяются пропорционально размеру и профилю риска организации, т. е. малые финансовые учреждения не обязаны соблюдать те же стандарты, что и крупные банки, что отличает DORA от многих других регламентов ЕС.

В Российской Федерации регулирование операционной надёжности финансовых организаций развивалось параллельно с европейским, хотя и с опорой на национальную специфику. Ключевым документом в этой сфере на сегодняшний день является Положение Банка России от 13.01.2025 № 850-П «Об обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требованиях к операционной надёжности при осуществлении банковской деятельности в целях обеспечения непрерывности оказания банковских услуг». Положение вступило в силу с 22 апреля 2025 года и заменило ранее действовавшее Положение № 787-П от 12.01.2022.

Структурно Положение № 850-П содержит ряд элементов, которые по своему функциональному назначению сопоставимы с требованиями DORA. Среди ключевых положений документа:

– Банки обязаны соблюдать предельно допустимые значения времени простоя и деградации технологических процессов. В документе закреплены понятия «сигнальных» и «контрольных» значений допустимой доли деградации технологических процессов, а превышение порогового уровня допустимого времени простоя (в том числе более пяти минут) подлежит обязательной фиксации.

– Организации должны вести учёт критических элементов информационной инфраструктуры и регулярно тестировать устойчивость к сбоям и кибератакам.

– Установлены требования к взаимодействию с внешними поставщиками ИТ-услуг, включая меры по нейтрализации угроз от них.

– Особое внимание уделяется внутренним угрозам: банки обязаны разработать меры по предотвращению несанкционированного доступа и действий со стороны сотрудников и подрядчиков.

– Предусмотрены процедуры регистрации и анализа инцидентов, восстановления технологических процессов, а также обмена информацией об актуальных угрозах с другими участниками рынка.

Помимо Положения № 850-П, регулирование операционной устойчивости в российской юрисдикции обеспечивается также Положением Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» [4] и Положением от 15.11.2021 № 779-П для некредитных финансовых организаций.

Следует отметить, что Банк России при разработке требований по информационной безопасности и операционной надёжности учитывает практику международных организаций (ITU, ISO) и иностранных регуляторов, в том числе международные стандарты и рекомендации, что создаёт определённую методологическую основу для сопоставления с DORA.

Сравнительный анализ DORA и российского регулирования операционной устойчивости позволяет выделить как области существенного совпадения подходов, так и принципиальные расхождения, обусловленные разным контекстом.

Совпадающие подходы в обеих юрисдикциях регулирование охватывает следующие функциональные блоки:

– Управление ИКТ-рисками: и DORA, и Положение № 850-П требуют от банков создания всеобъемлющей системы управления ИКТ-рисками с определением допустимого уровня риска и регулярным пересмотром.

– Отчётность об инцидентах: оба режима предусматривают обязательную фиксацию инцидентов и уведомление надзорного органа. Российское регулирование, как и DORA, оперирует понятиями пороговых значений, превышение которых запускает процедуру эскалации.

– Тестирование устойчивости: в обеих системах предусмотрено регулярное тестирование ИКТ-систем на предмет способности противостоять сбоям и кибератакам.

– Управление рисками третьих сторон: и DORA, и Положение № 850-П содержат требования к контролю за поставщиками ИТ-услуг, хотя степень детализации и механизмы реализации этих требований различаются.

– Обмен информацией об угрозах: оба режима признают важность обмена данными о киберугрозах между участниками рынка.

Как отмечает Игорь Бушминский из Unicon Consulting, «схожие подходы к операционной надёжности действуют и в российской юрисдикции» [5]. Это сходство не является случайным: и европейский, и российский регуляторы опираются на общие международные стандарты в области управления ИКТ-рисками (в частности, стандарты ISO серии 27000 и рекомендации ITU), что создаёт объективную основу для последующей гармонизации.

Вместе с тем, между DORA и российским регулированием существуют и фундаментальные различия, обусловленные несколькими факторами.

Первое различие: масштаб и уровень детализации. DORA представляет собой комплексный законодательный акт, охватывающий все аспекты цифровой операционной устойчивости на уровне первичного права ЕС, дополненный регуляторными техническими стандартами (RTS) второго уровня. Российское регулирование сосредоточено по нескольким нормативным актам разного уровня, что затрудняет его целостное восприятие и применение.

Второе различие: надзор за критическими поставщиками. DORA создал наднациональный надзорный механизм для критических поставщиков ИКТ услуг, охватывающий крупнейшие глобальные компании (Microsoft, Amazon Web Services, Google Cloud и др.). В России аналогичный механизм находится в стадии формирования, причём его развитие осложняется тем, что значительная часть глобальных поставщиков ИКТ-услуг ушла с российского рынка в силу санкционных ограничений.

Третье различие: стандартизация отчётности. DORA вводит единые для всего ЕС шаблоны отчётности об инцидентах и единые критерии их классификации. В России, несмотря на наличие требований к регистрации инцидентов, степень стандартизации отчётности пока ниже.

Четвёртое различие: пропорциональность. DORA прямо закрепляет принцип пропорциональности, позволяя малым финансовым организациям применять упрощённый режим соответствия. В российском регулировании этот принцип также присутствует (для банков с базовой лицензией требования смягчены), однако он менее формализован.

Тем не менее, наиболее перспективными для адаптации в российской практике представляются следующие элементы DORA:

- Унификация требований к тестированию цифровой устойчивости. Концепция TLPT (Threat-Led Penetration Testing), применяемая в DORA для крупных банков, могла бы быть адаптирована для системно значимых российских банков. Это позволило бы перейти от формального тестирования на соответствие стандартам к реальной проверке способности банков противостоять сложным целевым атакам, моделируемым на основе актуальных тактик злоумышленников.

- Формирование реестра критических поставщиков ИКТ-услуг. Хотя глобальные поставщики ушли с российского рынка, зависимость российских банков от отечественных ИТ-компаний также растёт. Создание реестра критических поставщиков и установление надзорных требований к ним позволило бы Банку России более системно управлять рисками концентрации в цепочках поставок, что особенно актуально в условиях тренда на импортозамещение и развитие собственных технологических компетенций.

- Стандартизация классификации и отчётности об инцидентах. Внедрение единых для всего финансового сектора критериев классификации инцидентов (по аналогии с DORA) позволило бы Банку России формировать более полную картину угроз и уязвимостей, а также оперативно выявлять системные тенденции.

- Интеграция разрозненных требований в единый нормативный акт. Как показывает опыт DORA, консолидация требований к операционной устойчивости в одном документе повышает прозрачность регулирования и снижает комплаенс-издержки для банков.

Возможности адаптации DORA в российской надзорной практике ограничены рядом объективных факторов, которые необходимо учитывать при формировании любых рекомендаций.

Санкционные ограничения привели к уходу с российского рынка иностранных поставщиков программного обеспечения, систем управления базами данных, инструментов аналитики и оборудования, включая телекоммуникационные и программно-аппаратные комплексы, системы хранения данных и системы резервного копирования. В этих условиях российский банковский сектор совершает стратегический разворот от ИТ- и ИБ-аутсорсинга к развитию собственных технологических компетенций. Как отмечают эксперты, главными драйверами этого тренда стали «санкции, новые требования Банка России к критичным ИТ-сервисам и осознание рисков в цепочках поставок». По данным исследования «Информзащита», в крупных банках после роста доли аутсорса с 25–35 % в 2022 году до 32–42 % в 2024 году, в 2025 году произошёл резкий откат к показателям трёхлетней давности.

Это означает, что прямое заимствование европейской модели надзора за поставщиками ИКТ-услуг, ориентированной на глобальных провайдеров, в российских условиях вряд ли возможно и, на взгляд автора, нецелесообразно. Вместо этого требуется разработка национальной модели управления рисками цепочек поставок, учитывающей специфику отечественного ИТ-рынка и приоритет технологического суверенитета.

Российская банковская система характеризуется доминированием банков с государственным участием и высокой концентрацией активов на крупнейших игроках. Список системно значимых кредитных организаций на 2025 год включает всего 13 позиций, однако на них приходится почти 79 % всех активов банковской системы. Это накладывает отпечаток на приоритеты надзора: основное внимание регулятора сосредоточено на системно значимых банках, в то время как для малых и средних банков требования могут быть избыточными. В этом контексте адаптация принципа пропорциональности DORA могла бы способствовать более точной настройке регуляторной нагрузки.

В отличие от европейских банков, которые могут полагаться на широкий спектр глобальных ИКТ-поставщиков, российские банки вынуждены переходить на оте-

чественное программное обеспечение и оборудование, что само по себе создаёт дополнительные операционные риски, связанные с миграцией и совместимостью систем. В этой ситуации требования к операционной устойчивости должны учитывать переходный характер текущего этапа и не создавать избыточных барьеров для импортозамещения.

Несмотря на указанные ограничения, автор полагает, что определённое сближение российского и европейского регулирования операционной устойчивости в среднесрочной перспективе возможно, но оно будет носить не формальный (через прямое заимствование норм), а содержательный характер — через внедрение схожих принципов и механизмов, адаптированных к национальным условиям. Банк России уже движется в этом направлении: в частности, реализуется дорожная карта по развитию технологий SupTech и RegTech, предусматривающая внедрение единых форматов отчётности, автоматизацию сбора данных и развитие экосистемы личных

кабинетов поднадзорных организаций. Эти меры, в сочетании с новыми требованиями Положения № 850-П, создают основу для постепенной гармонизации российской практики надзора за операционной устойчивостью с лучшими мировыми стандартами, включая те, что заложены в DORA.

Разумеется, любая адаптация зарубежного опыта должна проводиться с оглядкой на национальные приоритеты и объективные ограничения. Автор далёк от мысли, что предложенные рекомендации носят исчерпывающий характер, — ограниченность доступных данных, особенно в части санкционной проблематики, не позволяет претендовать на полноту анализа. Однако даже в этих рамках сопоставление двух моделей регулирования операционной устойчивости представляется полезным: оно не только проясняет логику развития российского надзора, но и указывает на те направления, где избирательное заимствование лучших практик способно принести практическую пользу без ущерба для национальной безопасности.

Литература:

1. Regulation (EU) 2022/2554 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on digital operational resilience for the financial sector (Digital Operational Resilience Act, DORA) // Official Journal of the European Union. — 2022.
2. Положение Банка России от 13.01.2025 N 850-П «Об обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требованиях к операционной надёжности при осуществлении банковской деятельности в целях обеспечения непрерывности оказания банковских услуг» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.04.2025 N 81853). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503720/eeb5679e3c5c5cae487c71b3bcf35b0463a558df9/ (дата обращения: 11.05.2026).
3. Directive (EU) 2022/2556 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 amending Directives 2009/65/EC, 2009/138/EC, 2011/61/EU, 2013/36/EU, 2014/59/EU, 2014/65/EU, (EU) 2015/2366 and (EU) 2016/2341 as regards digital operational resilience for the financial sector // Official Journal of the European Union. — 2022.
4. Положение Банка России от 08.04.2020 N 716-П (ред. от 22.10.2024) «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.06.2020 N 58577). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355380/ (дата обращения: 12.05.2026).
5. Цифровая устойчивость банковского сектора: комментарий Игоря Бушминского. — Текст: электронный // unicon-consulting.ru: [сайт]. — URL: <https://www.unicon-consulting.ru/press-center/publishing/tsifrovaya-ustoychivost-bankovskogo-sektora-kommentariy-igorya-bushminskogo/> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов (разработаны Банком России). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494030/ (дата обращения: 12.05.2026).
7. Влияние санкционной политики на трансформацию банковских стратегий в России / Кривошапова С. В., Рязанова В. А. // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2025. — № 2. — С. 94–101.
8. Российские банки резко сократили ИТ и ИВ аутсорс. — Текст: электронный // ru-bezh.ru: [сайт]. — URL: <https://ru-bezh.ru/kompanii-i-ryinki/news/26/01/29/rossiyskie-banki-rezko-sokratili-it-i-ib-autsors> (дата обращения: 11.05.2026).

Защита трудовых прав работников при реорганизации юридических лиц: правовые гарантии и проблемы правоприменения

Ватрасова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье исследуются проблемы соблюдения трудовых прав работников в ходе реорганизации юридических лиц в форме слияния или присоединения. Анализируются законодательные гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации, позиции научного сообщества по вопросу обязанности работодателя уведомлять работников о предстоящей реорганизации, а также особенности правоприменительной практики.

Ключевые слова: реорганизация юридического лица, трудовые права работников, реорганизация, судебная защита, трудовые споры.

Реорганизация юридических лиц является одним из ключевых инструментов ведения предпринимательской деятельности, позволяющим оптимизировать хозяйственную деятельность, повысить эффективность управления и достичь лучших экономических результатов. В рамках предпринимательской деятельности, ориентированной на максимизацию прибыли, субъекты гражданских правоотношений стремятся к наиболее рациональному объединению материальных, интеллектуальных и трудовых ресурсов. При этом реорганизация, в частности в формах слияния и присоединения, неизбежно затрагивает интересы не только учредителей и руководства, но и работников компании.

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена устойчивым характером нарушений прав и законных интересов работников в процессе реорганизации компаний, несмотря на наличие в законодательстве гарантий защиты трудовых прав. На практике работодатели нередко допускают нарушения, связанные с ненадлежащим информированием работников, необоснованным прекращением трудовых отношений либо игнорированием требований закона о сохранении трудовых отношений при смене работодателя в результате правопреемства.

В доктрине трудового права прочно утвердилась позиция, согласно которой работник признаётся слабой стороной трудовых отношений. Это обусловлено рядом факторов, в числе которых материально-имущественная зависимость работника от работодателя, а также потенциальная правовая некомпетентность и ограниченность возможностей по сбору доказательств в случае возникновения спора. Как отмечает Е. П. Волос, помимо материально-имущественной зависимости, для слабой стороны в данном случае также характерны некоторые дополнительные признаки, такие как неопытность, непрофессионализм, правовая некомпетентность, необразованность [1, с. 94–101].

В предыдущем высказывании был затронут важный аспект взаимоотношений работника и работодателя — имущественная зависимость первого от второго, из чего следует, что фактически работник является починенной стороной с точки зрения экономического интереса. Кандидат юридических наук В. М. Коншаков приводит в каче-

стве обоснования тот факт, что работодатель обладает так называемой хозяйской властью, которая основана на объективно сложившейся возможности работодателя оказывать решающее влияние на всю систему управления факторами и ресурсами производства. Как проявляется эта власть? Работодатель заключает с работником трудовой договор, совместно с ним определяет условия труда и на их основании приобретает право давать работнику обязательные для исполнения указания, которые и позволяют реализовать все нормы и положения трудового договора [2, с. 10].

Согласно ст. 75 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), реорганизация юридического лица не даёт работодателю права на одностороннее расторжение трудовых договоров с работниками. Это положение служит важнейшей гарантией сохранения трудовых отношений при переходе прав и обязанностей к правопреемнику [3]. Федеральная служба по труду и занятости разъясняет, что трудовые отношения в таких случаях должны быть продлены автоматически: увольнение работника из реорганизованной компании и последующий приём на работу в новую организацию не требуется.

Вместе с тем действующее законодательство не устанавливает прямой обязанности работодателя уведомлять работников о предстоящей реорганизации либо запрашивать их согласие на продолжение работы у правопреемника. Это порождает дискуссии в научном сообществе.

Так, Н. П. Шайхутдинова полагает, что работодатель обязан письменно уведомлять работников о предстоящей реорганизации. По её мнению, такое уведомление необходимо для обеспечения прозрачности процесса и защиты прав работников [4, с. 61–63]. В противовес данной позиции В. В. Сошников говорит о том, что в таком извещении нет необходимости, так как ни гражданское, ни трудовое законодательство не содержит указаний об обязанности работодателя в какой-либо форме уведомлять работников о принятом решении в отношении реорганизации, следовательно, если возложить на работодателя обязанность получать письменное согласие работников, то это может вызвать дополнительные затруднения [5, с. 21–26].

Согласно ст. 53 ТК РФ, право на получение информации о реорганизации предоставлено исключительно предста-

вительным органам работников, однако это не отменяет необходимости учитывать право работника на отказ от продолжения трудовых отношений с новым работодателем. В связи с этим представляется обоснованным рассматривать уведомление работников о реорганизации как фактически обязательную процедуру, обеспечивающую реализацию их прав и возможность осознанного выбора дальнейшего развития трудовых отношений.

В процессе реорганизации нередко возникает необходимость оптимизации штатной численности или сокращения персонала. Это может быть связано с трансформацией производственных потребностей, изменением организационной структуры вновь создаваемых юридических лиц либо устранением дублирующих функций. В таких случаях прекращение трудовых отношений допускается на основании п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников). Применение данного основания требует строгого соблюдения гарантий, предусмотренных ст. 75 ТК РФ: в частности, если сокращение проводится в период реорганизации, работодатель обязан обеспечить соблюдение прав работников, включая предложение имеющихся вакансий и организацию их надлежащего уведомления. Нарушение этих требований влечёт признание увольнения незаконным и восстановление работника на работе с выплатой среднего заработка за время вынужденного прогула, а также компенсацию морального вреда.

Показательным примером проблем правоприменения является вынесенное Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 03.10.2022 № 46КГПР2234К6. Истец, ранее занимавший должность руководителя по сопровождению операций в ПАО АКБ «СвязьБанк», была уволена по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с сокращением штата. Впоследствии

выяснилось, что увольнение произошло в период реорганизации банка путём присоединения к ПАО «Промсвязьбанк». При этом работники не были уведомлены о предстоящей реорганизации, а информация о ней стала известна лишь в ходе судебного разбирательства по аналогичному делу.

Суд первой инстанции частично удовлетворил исковые требования, взыскав компенсацию морального вреда в размере 5000 рублей, но отказал в восстановлении на работе и взыскании среднего заработка из-за пропуска срока обращения в суд. Апелляционная и кассационная инстанции оставили решение без изменения. Однако Верховный суд РФ пришёл к выводу, что нижестоящие суды не учли ряд существенных обстоятельств, среди которых:

- добросовестное заблуждение истца относительно законности увольнения, обусловленное отсутствием информации о реорганизации;
- статус истицы как одинокой матери, воспитывающей несовершеннолетнего ребёнка;
- длительное отсутствие постоянного заработка;
- действие ограничительных мер, связанных с противодействием коронавирусной инфекции в регионе проживания истца.

Верховный суд указал, что работник, будучи экономически и юридически слабой стороной, не мог своевременно инициировать разрешение индивидуального трудового спора из-за отсутствия сведений о нарушении своих прав. В результате судебные постановления нижестоящих инстанций были признаны незаконными и отменены, а дело направлено на новое рассмотрение.

Данный пример наглядно демонстрирует, что формальное соблюдение процедуры сокращения штата без учёта гарантий, предусмотренных при реорганизации, влечёт существенные правовые риски для работодателя.

Литература:

1. Волос, Е. П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях / Е. П. Волос. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 9 (142). — С. 94–101.
2. Коншаков, В. М. Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. М. Коншаков. — СПб., 2014. — 209 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 3. — URL: <http://szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002002001000&page=1&sort=position&limit=50&nd=99&volid=1002002001000>
4. Шайхутдинова, Н. П. Прекращение трудового договора при реорганизации предприятия путем присоединения / Н. П. Шайхутдинова // Трудовое право. — 2007. — № 2. — С. 61–63.
5. Сошников, В. В. Проблемы сохранения и прекращения трудовых отношений с работниками при реорганизации работодателя — юридического лица / В. В. Сошников. — Текст: непосредственный // Законодательство и экономика. — 2006. — № 11. — С. 21–26.

Преддоговорная ответственность. Вступление в переговоры без намерений заключить договор

Габрусева Алеся Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В российском гражданском праве закреплён принцип свободы договора. Стороны вправе действовать по своему усмотрению, за свой счёт, проводить переговоры и заключать любые договоры и соглашения, не противоречащие действующему законодательству.

При этом с 2015 года введена специальная статья 434.1 Гражданского кодекса России, закрепляющая основы проведения переговоров о заключении договора и устанавливающая обязанность возмещения убытков стороной, которая ведёт себя в рамках переговоров недобросовестно.

Недобросовестность с позиции законодательства может выражаться в непредоставлении другой стороне необходимой для ведения переговоров информации или необоснованном (неоправданном и внезапном) выходе из переговоров в ситуации, когда такого выхода не могла ожидать добросовестная сторона.

В настоящей статье предлагается рассмотреть риски и способы обезопасить себя, свой бизнес и репутацию для добросовестных участников гражданско-правовых отношений при подготовке к заключению договора в условиях, когда одна из сторон вступает в переговоры без намерения заключить договор и скрывает свои реальные цели.

Переговоры перед заключением договоров могут обходиться в настоящее время достаточно дорого.

Это и перелёты, проведение переговоров в рамках бизнес-завтраков, выставок, прочих мероприятий и встреч, предполагающих затраты на их организацию, привлечение внешних консультантов (аудиторы, юристы, налоговые консультанты и пр.), организация посещения производственных площадок и предприятий, оплата труда работников участвующих в подготовке демонстраций, показов, презентаций и материалов.

К основным рискам недобросовестности со стороны участника преддоговорных процессов можно отнести следующие:

— затягивание переговоров с целью нанесения ущерба и/или получения чувствительной конфиденциальной информации (финансовой, юридической, налоговой, технической, производственной, информации о подлежащих правовой охране результатах интеллектуальной деятельности и т. д.) о добросовестном участнике гражданско-правовых отношений и ее дальнейшего использования недобросовестным лицом для собственной выгоды или нанесения ущерба добросовестным лицам;

— вступление в переговоры исключительно с целью недопущения заключения подобного договора между другими добросовестными участниками гражданско-пра-

вовых отношений и нанесения добросовестным лицам материально, репутационного и иного ущерба;

— намеренное предоставление добросовестному контрагенту неполной или недостоверной информации с целью введения в заблуждение и нанесения ему ущерба или собственного неосновательного обогащения, а также получения иной выгоды, связанной, например с невозможностью дальнейшего участия добросовестного лица в конкурсе или аукционе («устранение конкурента»);

— риски возникновения прямых убытков/ущерба у добросовестного лица, если для целей вступления и проведения переговоров таким лицом было привлечено внешнее заемное финансирование и/или совершено обращение в государственные органы за получением мер государственной поддержки и подписаны документы, налагающие соответствующие обязанности перед государственными органами и/или финансирующей организацией;

— недобросовестные действия отдельных работников добросовестного контрагента, направленные на получение этими работниками выгоды для себя лично.

Такие действия могут нанести ущерб всем добросовестным участникам преддоговорного процесса. Также подобные действия могут производиться работниками одной стороны в стоворе с переговорщиками другой стороны и нанести ущерб обеим сторонам переговоров.

Способы защиты добросовестного участника преддоговорного процесса предлагается разделить на две основные группы:

1. Самозащита гражданских прав и минимизация рисков без обращения в государственные органы и суды:

— заключение обязывающих предварительных соглашений и установление сроков и стадий различных переговорных процессов. Например, заключить соглашение о порядке ведения переговоров, в котором в силу закона может быть предусмотрена неустойка за нарушение условий такого соглашения (пункт 5 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации);

— создание внутреннего комплекса процедур и подразделений, а также подразделений внутреннего аудита и экономической безопасности для целей выявления недобросовестности возможного будущего контрагента. Например, поиск и проверка информации о возможном будущем контрагенте на ресурсах государственных органов и судов:

1) запрос выписки из единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на сайте Федеральной налоговой службы. Такая выписка, в частности, содержит информацию об истории

внесения изменений в указанный реестр и позволит понять, вносились ли контрагентом в процессе проведения преддоговорных процедур изменения, о которых он не сообщил в рамках переговоров, и которые могут повлиять на дальнейшее исполнение им своих обязанностей по договору;

2) проверка контрагентов на предмет наличия на официальных ресурсах, содержащих информацию о проведении процедур банкротства в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, информации о них;

3) проверка потенциальных контрагентов на предмет наличия информации о них и/или их руководителях в реестре недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и реестре недобросовестных подрядных организаций.

4) поиск информации с официальных судебных ресурсов об актуальных судебных разбирательствах с участием возможного будущего контрагента и истории дел, по которым уже вынесены окончательные решения и постановления судов.

5) проверка информации о руководителях и представителях возможного будущего контрагента на предмет открытия в их отношении исполнительных производств на ресурсах Федеральной службы судебных приставов;

6) наличие информации о контрагенте в реестре проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который ведется Генеральной прокуратурой России;

7) проверка информации по отдельным видам юридических лиц и специфике их деятельности на ресурсах Банка России и Агентства по страхованию вкладов;

8) проверка отчетности и уставов некоммерческих организаций, размещаемых ими в силу законодательства о некоммерческих организациях на сайте Минюста России;

9) проверка машиночитаемых доверенностей, выданных представителям потенциального контрагента, на ресурсах Федеральной налоговой службы на предмет сроков их действия, состава полномочий поверенного и полномочий лица, подписавшего соответствующую доверенность;

10) запрос информации из реестра контролируемых лиц, содержащего сведения об иностранных гражданах, не имеющих законных оснований для пребывания на территории России;

11) проверка информации из реестра дисквалифицированных лиц, на предмет включения в этот реестр руководителей или представителей потенциального контрагента и наличия у них оснований занимать соответствующие должности или заниматься определенной деятельностью;

12) рассмотреть возможность использования информационных баз данных, например, СПАРК-Интерфакс и подобных.

— предварительная проработка способов выхода из переговоров на ранней стадии с наименьшими финансовыми и репутационными потерями при наличии оснований полагать недобросовестность другой стороны;

— проверять полномочия лиц, участвующих в переговорах со стороны контрагента (доверенности, учредительные документы, локальные акты).

2. Обращение за судебной защитой нарушенных недобросовестным контрагентом гражданских прав.

Такое обращение является длительной процедурой, требующей определенных временных и финансовых затрат, а также сбора доказательств, которые позволят возместить понесенный в результате недобросовестных действий контрагента ущерб.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» содержит позицию о необходимости возмещения убытков, понесенных добросовестно действовавшей стороной переговоров в случае недобросовестного поведения другой стороны договора.

При этом необходимо доказать, что сторона, причинившая убытки, не имела цели заключить договор, когда вступала в переговоры или необоснованно и неожиданно для добросовестной стороны вышла из переговоров (отказалась заключать договор или необоснованно уклоняется от его заключения), нарушив принцип разумности, закрепленный в подпункте 2 пункта 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Также необходимо доказать размер убытков, причиненных недобросовестными действиями другой стороны и осуществление добросовестным лицом действий по минимизации своих рисков посредством заблаговременного информирования другой стороны и предоставления другой стороне разумных сроков для ответных действий, которых не последовало.

Кроме того, важно помнить, что в случае выигрыша в судебном разбирательстве, можно обратиться с заявлением о возмещении судебных расходов.

В заключении отметим, что в статье выражено мнение об основных рисках и способах защиты действий недобросовестного участника переговоров.

Каждый участник гражданско-правовых отношений вправе самостоятельно принимать решение, какими мерами защиты от возможных убытков из-за действий недобросовестной стороны переговоров имеет смысл пользоваться в зависимости от финансовых возможностей, направленности и специфики своей деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от актуальной даты) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1412.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. — 2019. — № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от актуальной даты) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. — 2016. — № 69.
5. Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ЕГРЮЛ/ЕГРИП) / Федеральная налоговая служба.
6. Картотека арбитражных дел.
7. Банк данных исполнительных производств / Федеральная служба судебных приставов.
8. Реестр недобросовестных поставщиков / Федеральная антимонопольная служба.
9. Реестр дисквалифицированных лиц / Федеральная налоговая служба.
10. Реестр проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей / Генеральная прокуратура РФ.
11. СПАРК: информационноаналитическая система.
12. Контур.Фокус: сервис проверки контрагентов.
13. Белов, В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / В. А. Белов. — Москва: Юрайт, 2023. — Т. 2: Общая часть. — 456 с.
14. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2е изд., стереотип. — Москва: Статут, 2022. — Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 958 с.
15. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2021. — 847 с.

Цифровые доказательства в системе доказательств по уголовным делам: правовая природа и процессуальное значение

Громакова Алиса Андреевна, студент

Научный руководитель: Симагина Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

Данная статья посвящена изучению цифровых доказательств в уголовном процессе. В ней рассматриваются их особенности, сложности с правовым регулированием и различные виды. Для соответствия законодательства современным реалиям необходимо официально ввести термин «цифровые доказательства» в УПК РФ. Подчеркивается, что такие доказательства важны при расследовании киберпреступлений, мошенничества и дел, связанных с наркотиками. В заключение делается вывод о необходимости всестороннего подхода, включающего улучшение законов, технологий и обучения специалистов.

Ключевые слова: цифровые доказательства, уголовный процесс, правовая природа, электронные носители, цифровая криминалистика.

В современном мире все большее значение приобретает цифровая среда, ставшая с недавних пор неотъемлемой частью общественной жизни. Цифровые доказательства в системе доказательств по уголовным делам представляют собой информацию, зафиксированную в электронном формате, предназначенную для установления фактических обстоятельств дела. Их значи-

мость в современном уголовном процессе возрастает, что обусловлено повсеместной цифровизацией и увеличением числа киберпреступлений. Специфика данных доказательств определяет их правовую природу и процессуальное значение, требуя выработки особых методик для их сбора, верификации и оценки. В. А. Новицкий и Л. Ю. Новицкая предлагают произвести «ревизию» всех

источников права и «выделить в самостоятельные статьи уголовно-процессуального законодательства нормы об электронных (цифровых) доказательствах» [1]. Цифровые доказательства обладают рядом уникальных характеристик, отличающих их от традиционных форм улик. Ключевые различия включают их нематериальную природу, легкость копирования, зависимость от технологий для доступа и анализа, а также высокую изменчивость, требующую оперативного сбора и фиксации.

Несмотря на частое упоминание «электронных носителей информации» в УПК РФ (например, в статьях 81, 166), кодекс не содержит ясного и однозначного определения этого понятия. Такая терминологическая неопределенность порождает сложности в правоприменительной практике. В то же время, статья 164.1 УПК РФ специально посвящена регулированию процессуальных действий с электронными носителями в ходе предварительного расследования. Она четко устанавливает обстоятельства, при которых их изъятие допускается, включая ситуации, требующие экспертного исследования, наличие судебного решения или отсутствие у владельца прав на информацию. Отсутствие четких правил в Уголовно-процессуальном кодексе РФ создает проблемы с цифровой информацией: не определены правила работы с сетевыми хранилищами данных; существуют пробелы в законодательстве, касающиеся сбора, фиксации и оценки цифровой информации на этапе досудебного расследования; возникают трудности в установлении момента получения доказательства, его происхождения и правильного оформления. Для разрешения этих проблем нужно ввести в статью 5 УПК РФ понятие цифровых доказательств. Эти изменения помогут адаптировать законодательство к современным технологиям [2].

Цифровые доказательства можно классифицировать на: электронные документы (текстовые документы); цифровые медиа файлы (видеозаписи, изображения в различных цифровых форматах); электронная коммуникация (все формы цифровой переписки); метаданные (IP-адрес отправителя). Для предотвращения подделки и обеспечения достоверности доказательств, применяются такие меры, как нотариальное заверение, проведение компьютерно-технической экспертизы с привлечением квалифицированных специалистов, а также использование цифровых подписей и других технологий, гарантирующих неизменность и подлинность данных [3].

В современном уголовном процессе цифровые доказательства стали незаменимы, особенно в борьбе с кибер-

преступностью. Они помогают: выявлять скрытые улики; устанавливать обстоятельства уголовного дела; ускорять процесс расследования благодаря быстрому доступу к информации и ее передаче.

Согласно статье 73 УПК РФ, в ходе уголовного судопроизводства цифровые доказательства являются средством для выяснения всех элементов предмета доказывания. Их практическая польза проявляется в следующем: в судебных разбирательствах, касающихся мошеннических действий, электронные данные, такие как транзакции, через системы интернет-банка и коммуникации в приложениях для обмена сообщениями, регулярно выступают в качестве ключевых улик, подтверждающих вину; в контексте расследований, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, данные геолокации, полученные из приложений для доставки, способствуют определению точных мест размещения тайников [5].

Согласно ст.73 УПК РФ, цифровые доказательства являются эффективным инструментом для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, что свидетельствует об их первостепенной процессуальной значимости. Это подтверждается обширной судебной практикой, особенно в делах, связанных с мошенничеством, незаконным оборотом наркотиков и другими преступлениями, совершаемыми в киберпространстве.

Применение цифровых доказательств в суде сталкивается с серьезными препятствиями, главным из которых является их допустимость. Несмотря на технические средства защиты, процедуры работы с такими доказательствами (изъятие, осмотр, приобщение) часто не гарантируют их неизменность и подлинность. Особые трудности возникают с облачными и иностранными данными, требуя международного правового взаимодействия.

В связи с технологическим прогрессом и изменением способов взаимодействия людей, цифровые доказательства стали динамично развивающимся элементом уголовного процесса. Их полноценное включение в систему доказательств требует не только обновления законодательства, но и развития новых навыков у всех участников процесса. Дальнейшее совершенствование правовой базы должно быть направлено на создание механизма, который одновременно обеспечит эффективность расследования и надежную защиту прав человека в цифровой среде. Только комплексное осмысление правовой сущности, процессуального положения и методов работы с цифровыми доказательствами позволит использовать их в интересах правосудия максимально полно и справедливо.

Литература:

1. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–221
2. Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100
3. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. — 44 с.

4. Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63–68
5. Тульская О. В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестн. Акад. Ген. Прокуратуры РФ. — 2009. — № 6(14). — С. 74–79.

Проблемы и ошибки в процессе криминалистической идентификации

Дарбинян Диана Ваеновна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Криминалистическая идентификация играет важную роль в современном расследовании преступлений, обеспечивая установление личности подозреваемых, потерпевших, свидетелей, а также установление тождества различных объектов, что является важнейшей составляющей эффективности правоохранительной деятельности. Однако, несмотря на значительный прогресс в разработке методов и технологий, данный процесс сталкивается с рядом сложностей, которые могут негативно сказаться на его достоверности и результативности.

В период с 1960-х по 1980-е годы развитие теоретических и практических аспектов криминалистической идентификации достигло значительного прогресса. Это стало возможным благодаря активному развитию научных исследований. За последние два десятилетия в области криминалистической идентификации в России наблюдается упадок. Отсутствие новых монографий и исследований, посвящённых актуальным и всё более многочисленным проблемам, указывает на застой в этой важной научной и практической сфере.

Развитие теории криминалистической идентификации сопровождалось рядом сложностей. Одним из спорных моментов стало понятие «групповой идентификации», вызвавшее разногласия среди ученых. Дискуссия развернулась вокруг вопроса, возможен ли процесс классификации объекта в соответствующую группу на основе общих характеристик, или же она применима исключительно к уникальным, индивидуальным характеристикам объекта, то есть имеет место индивидуальная идентификация.

Г. М. Миньковский и Н. П. Яблоков разделяли точку зрения, согласно которой идентифицируемый объект обладает уникальностью, то есть может быть тождественен лишь самому себе. Процесс идентификации, по их мнению, заключается в отнесении объекта к определенной группе на основании общих признаков. Они предлагали использовать термин «групповая принадлежность (сходство)» вместо «групповой идентификации» [3], считали, что такое употребление термина будет более правильным. Таким образом, в рамках идентификационного анализа определяется один уникальный объект, который тождественен только самому себе, а не группе объектов.

Если говорить про идентификацию человека по признакам внешности, можно отметить, что и в этой области возникают определенные сложности. Обычно для идентификации человека используют внешние характеристики, полученные на основании свидетельских показаний очевидцев, родственников или знакомых.

Одной из главных проблем при описании внешности является склонность людей использовать расплывчатые, бытовые термины, которые допускают множество интерпретаций и не обеспечивают достаточной точности. К тому же, на восприятие внешности влияют внешние факторы, такие как плохое освещение и недолгое время наблюдения, что приводит к неполным и искаженным образам. Не стоит забывать и о субъективности наблюдателя, который может упустить важные детали, необходимые для идентификации. Например, воспринимающее лицо может не указать на татуировку на видном месте, а ведь это является особой приметой и играет большую роль при расследовании уголовного дела.

Эффективность розыска по приметам зависит от умения быстро выявлять и использовать уникальные, но временные особенности внешности и одежды, такие как недавно отросшая борода, царапины, бинтовая повязка и подобные признаки. Так как эти признаки быстро исчезают, необходимо незамедлительно инициировать активные поисковые мероприятия.

Также проблемы криминалистической идентификации существуют при расследовании преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия с нарезным стволом, которое подразумевает решение комплекса взаимосвязанных задач, включая применение экспертных методов. Одной из них является идентификация оружия по следам на гильзах и пулях, которая проводится через анализ информационных систем и проведение судебно-экспертных исследований. На сегодняшний день существующие методы и подходы в области экспертных технологий требуют дальнейшего углубленного изучения и повышения эффективности. Это обусловлено рядом факторов. В частности, при условии интенсивного огня особенно отчетливо проявляются эффекты термopластического износа стенок стволового канала. Такой износ происходит в зоне пластических деформаций материала, что вызывает изменения полей нарезов и при-

водит к вытеснению металла внутрь них, то есть в нарезы. В результате наблюдается расширение диаметра по полям и его сужение по нарезам, что напрямую влияет на точность и надежность экспертизы.

Как верно утверждает В. Р. Аветисян: «Следует обратить внимание экспертов на то, что при низком давлении пороховых газов и соответствующем снижении скорости форсирования на пулях, выстреленных из сильно изношенного ствола, нередко остаются отпечатки боевых граней, а на пулях, выстрелянных из ствола среднего износа, — отпечатки холостых граней. Это свидетельствует о том, что наличие отпечатка таких граней в следах полей не всегда характеризует степень износа» [1].

Еще одной не менее важной проблемой является то, что в Российской Федерации отсутствует механизм учёта лиц, чья внешность была существенно изменена. В то же время, ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо указывает, какая информация о гражданах является врачебной тайной: «Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну, а также

содержит запрет на её разглашение: «Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей...» [2].

Следовательно, человек, например, получивший необратимое уродство лица в результате дорожно-транспортного происшествия, а затем устранив его посредством пластической операции, может иметь лишь минимальное сходство с изображениями из прошлого или вовсе не иметь его. В результате органы следствия могут остаться не в курсе такого существенного и кардинального изменения внешности. Безусловно, этот фактор является значительной проблемой для криминалистической идентификации, затрудняя эффективное расследование и раскрытие преступлений.

Таким образом, процесс криминалистической идентификации должен эволюционировать вместе с технологиями, предъявлять все более высокие требования к профессионализму экспертов. Постоянное повышение квалификации экспертов в этой области критически важно для успешного раскрытия преступлений и защиты общества от современных угроз.

Литература:

1. Аветисян В. Р. Идентификация огнестрельного оружия с нарезным стволом по следам на выстреленной пуле (обобщение из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2007.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.
3. Миньковский Г. М. Яблоков Н. П. Рецензии на учебник «Криминалистика» для юридических высших учебных заведений. М., 1950. Т. 1 // Социалистическая законность. 1951. № 7.

Значение фактического прекращения семейных отношений при разделе имущества супругов

Жарова Анастасия Александровна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена значению фактического прекращения семейных отношений при разделе совместно нажитого имущества супругов. Анализируются ключевые признаки распада семьи: раздельное проживание, отсутствие общего быта и бюджета. Рассматриваются правовые последствия, в первую очередь — влияние момента фактического разрыва на состав совместно нажитого имущества. Выявляются основные проблемы доказывания в суде и предлагаются практические рекомендации по защите имущественных прав супругов.

Ключевые слова: супруги, брачные отношения, фактическое прекращение семейных отношений, имущественные отношения супругов, ведение общего хозяйства, факт раздельного проживания, совместно нажитое имущество, совместная собственность.

Институт фактического прекращения семейных отношений занимает особое место в механизме правового регулирования имущественных отношений супругов. Си-

туации, при которых брак *de jure* сохраняется, однако семейные отношения *de facto* отсутствуют, порождают комплекс теоретических и практических проблем, связанных

с определением правовой судьбы имущества, нажитого в период раздельного ведения домашнего хозяйства. Как подчёркивает в научной литературе Е. А. Усачева, отечественный законодатель долгое время не уделял должного внимания специфике имущественных отношений супругов, именно фактически прекративших брачные отношения. [4]

О масштабе проблемы свидетельствует статистика: «В 2025 году в суды поступило 331,8 тыс. гражданских дел о расторжении брака супругов, имеющих детей, рассмотрено с вынесением решения — 299,5 тыс.». — сообщили ТАСС в пресс-службе Верховного суда России, отвечая на запрос агентства». [7] Несмотря на то, что это самый низкий показатель за ближайшие 20 лет, нельзя забывать о трагичности бракоразводного события как для взрослых, так и для детей. Поэтому актуальность вопроса остается острой.

Единственным законодательным предписанием, напрямую затрагивающим имущественные последствия фактического разрыва супружеских связей, выступает пункт 4 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации. [1] Данная норма предусматривает возможность судебного признания имущества, приобретенного каждым из супругов во время раздельного жительства при прекращении семейной жизни, индивидуальной собственностью каждого. Так, её цель — учесть фактическое состояние семейных отношений и предотвратить несправедливое распределение имущества, приобретённого уже после распада семьи, но формально в период зарегистрированного брака.

В соответствии с абзацем 2 пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства. [2]

Данная норма представляет собой исключение из общего принципа, установленного статьёй 34 Семейного Кодекса РФ, согласно которой имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). [1] Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи,

ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Важно, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные, общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака, приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, исключает такое имущество из режима общей совместной собственности. Следует уточнить, что в силу п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью. [1]

Таким образом, момент прекращения супругами семейных отношений и ведения совместного хозяйства является юридически значимым обстоятельством.

Суд, при применении пункта 4 статьи 38 СК РФ, должен учесть определенные юридические условия. [1] Так, необходимо наличие двух взаимосвязанных юридических фактов:

— Факт раздельного проживания супругов — физическое прекращение совместного быта, разъезд по разным местам жительства. Раздельное проживание должно быть не временным (например, в связи с командировкой, лечением, учёбой, армейской службой), а непосредственно связанным с распадом семьи и отсутствием намерения его восстановить.

— Факт прекращения семейных отношений — утрата супружеской общности интересов, взаимной поддержки и общих интересов, прекращение ведения общего хозяйства, взаимного материального содержания и иных проявлений совместной семейной жизни.

Оба факта подлежат доказыванию в судебном процессе в рамках уже существующего спора (отдельно в рамках самостоятельного иска не устанавливается).

К числу допустимых доказательств при определении фактического прекращения брачных отношений могут быть отнесены:

— документы, подтверждающие проживание супругов по разным адресам (выписка из домовой книги о зарегистрированных лицах в жилом помещении (если бывший супруг «прописался» по другому адресу после фактического прекращения брачных отношений); квитанции об оплате жилья и коммунальных услуг раздельно; справки из управляющих компаний, ТСЖ, ЖСК; договоры аренды;

— доказательства наличия у одного из супругов фактических брачных отношений с другим лицом (в т.ч. рождение ребёнка от нового партнёра);

— показания свидетелей (родственников, соседей, коллег);

— (если имеются дети) материалы исполнительного производства по взысканию алиментов на детей, в том числе постановление о возбуждении исполнительного производства, в соответствии с которым с супруга удержаны алименты (речь идет о ситуациях, когда алименты взыскиваются до официального расторжения брака);

— материалы гражданского дела о расторжении брака, в том числе исковое заявление, поданное мировому судье (если в данном документе указана дата прекращения семейных отношений с бывшим супругом);

— материалы гражданских дел об определении места жительства детей или об определении порядка общения с детьми, в том числе акт обследования семейно-бытовых условий жизни детей (если в данных документах указано, что дети не разлучались с матерью и проживают отдельно от отца с определенной даты);

— материалы гражданского дела о признании утратившим права пользования жилым помещением и выселении бывшего супруга (если в данных документах указано, что бывший супруг более не является членом семьи с определенной даты);

— договор найма жилого помещения (если один из супругов съехал с места совместного проживания в другое арендованное помещение);

— договор перевозки, подтверждающий перемещение мебели, личных вещей, одежды бывшего супруга из места совместного проживания в другую квартиру или жилой дом;

— переписки бывших супругов в социальных сетях и мессенджерах, удостоверенные в нотариальном порядке (если они содержат сведения о дате фактического прекращения брачных отношений);

— совместные фотографии, на которых бывшие супруги изображены вместе (например, с отдыха или с праздников);

— банковская справка о движении денежных средств за спорный период (если бывшие супруги ежемесячно переводили друг другу денежные средства — это может свидетельствовать о наличии у сторон общего бюджета);

— различные заявления, поданные в правоохранительные органы (если один из супругов указывал в документах, что его «бывшая жена выживает его с жилплощади»).

— и т. д.

Так, один из наиболее острых практических вызовов связан с отсутствием в Семейном кодексе РФ легальной дефиниции понятия «фактическое прекращение брачных отношений», что неизбежно порождает правовую неопределенность. Из-за этого судебные инстанции вынуждены в каждом конкретном деле самостоятельно формулировать критерии оценки, ориентируясь на такие индикаторы, как длительное раздельное проживание и утрата единого бюджета и хозяйства.

Сравнительный анализ судебной практики выявляет противоречивые подходы: в одних делах имущество, приобретенное через несколько месяцев после разъезда, при-

знаётся личным, в других — даже длительное раздельное проживание не признаётся достаточным основанием для отступления от режима совместной собственности. Такая неоднородность правоприменения нарушает принципы правовой определённости и предсказуемости судебной защиты, создаёт риски злоупотреблений со стороны недобросовестных супругов, намеренно затягивающих развод.

Несмотря на то, что семейным законодательством установлена презумпция возникновения режима совместной собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено, обязанность доказать обратное и подтвердить факт приобретения имущества в период брака за счет личных денежных средств возложена на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью.

Согласно аналитическим данным, полученным экспертами Финансового университета при Правительстве РФ, почти в половине случаев (43 процента) заявители оказываются не в состоянии преодолеть возложенное на них бремя доказывания факта прекращения семейной жизни. [6] Например, часто супруги продолжают формально жить под одной крышей, даже если фактически отношения прекращены. Они могут сохранять финансовую зависимость (например, один продолжает перечислять деньги на содержание ребёнка или оплачивать общие счета), что создаёт видимость совместного ведения хозяйства. Да и все признаки, обозначенные в постановлении Пленума Верховным судом РФ, носят оценочный характер, а их наличие или отсутствие в каждом конкретном случае суд оценивает субъективно.

Таким образом, основная причина низкой успешности заявителей — сочетание пробелов в законодательстве, сложности доказывания бытовых изменений и субъективизма судебной оценки. Для повышения шансов на успех критически важна квалифицированная юридическая помощь на всех этапах.

У определения фактического прекращения брачных отношений есть достаточно значимые последствия.

Во-первых, определение состава совместного имущества привязывается к дате фактического распада отношений (а не к моменту официального расторжения брака). Так, приобретённый после указанной даты телевизор может быть признан личной собственностью того супруга, который его оплатил. То же касается заработной платы одного из супругов, поступающей на счёт, открытый в браке, но уже после фактического прекращения отношений. При разводе такое имущество не включается в состав совместно нажитого и разделу не подлежит.

Во-вторых, стоимость имущества может определяться на дату фактического прекращения отношений (а не на момент судебного разбирательства), однако это зависит от обстоятельств конкретного дела. Например, если после разрыва один из супругов повредил общий автомобиль, суд вправе установить его рыночную цену именно на момент фактического прекращения отношений (то есть до аварии). Важно, что данное последствие носит дискреци-

онный характер — судья не обязан, но может выбрать указанную дату для оценки.

В-третьих, извлечение одним из супругов выгоды из общего имущества после фактического прекращения отношений даёт другому супругу право требовать компенсации. К примеру, если супруг после разрыва продал кухонный гарнитур, второй вправе претендовать на половину вырученной суммы. При этом именно продавец обязан доказать, что передал причитающуюся часть компенсации. Аналогичное правило действует при получении дохода от использования совместного имущества (например, сдача помещения в аренду).

В-четвертых, право на компенсацию доли другого супруга возникает у того, кто после фактического прекращения отношений единолично исполнил общее обязательство. Например, супруги взяли квартиру в ипотеку. После разрыва один из них (как правило, тот, на кого оформлен кредит) погашает долг из собственных средств, поскольку общего бюджета больше нет. После полного погашения он вправе взыскать с бывшего супруга поло-

вину уплаченных сумм. При этом, именно не плативший супруг должен доказать, что он либо перечислил компенсацию, либо самостоятельно участвовал в погашении кредита.

Резюмируя, фактическое прекращение брачных отношений — это юридически значимый факт, влекущий самостоятельные правовые последствия для супругов. Однако эффективная реализация этого механизма в современных условиях затруднена из-за отсутствия чётких законодательных критериев. Дальнейшее развитие института должно идти по пути объективизации признаков фактического разрыва, введения обоснованных временных презумпций и выработки единообразных подходов в судебной практике. Только при соблюдении этих условий будет обеспечен баланс между формально-юридическим сохранением брака и реальной имущественной автономией супругов, фактически утративших семейную связь. Простого указания на дату разрыва семейных отношений недостаточно — к сбору доказательств следует подходить крайне внимательно.

Литература:

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mq4vva5rdi243936090
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. От 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/?Ysclid=mpmoewag7d561483921
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.07.2025 по делу N 64-КГ25-1-K9 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=ARB&n=862355&ysclid=mpmo7st2d0729956430#ixiujkvobqh3u501>.
4. Усачева Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-fakticheskogo-prekrascheniya-brachnyh-otnosheniy-dlya-imuschestvennyh-otnosheniy-suprugov> (дата обращения: 21.05.2026).
5. Афонин К. Ю., Чигаева И. В. Фактическое прекращение брачно-семейных отношений: вопросы теории и практики // Вестник права. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakticheskoe-prekraschenie-brachno-semeynyh-otnosheniy-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Правовой режим имущества супругов в период фактического прекращения брака — проблемы и пути реформирования: аналитический отчёт экспертов Финансового университета при Правительстве РФ // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации 2026. URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/pravovoy-rezhim-imushchestva-suprugov-v-period-fakticheskogo-prekrashcheniya-braka-problemy-i-puti-r?Ysclid=mpms3m962e115699665>
7. В РФ в 2025 году число разводов в семьях с детьми стало самым низким за 20 лет URL: <https://tass.ru/obschestvo/26685021>
8. Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 октября 2012 г. N 46-КГ12-12 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70157626/?Ysclid=mpmow3m0xm796849287>

Режим высылки мигрантов как новый институт административно-правового принуждения

Забиран Виктория Александровна, студент;
Ильина Дарья Даниловна, студент;
Давлиева Венера Ильдусовна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье анализируется правовая природа режима высылки иностранных граждан, введённого Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ как новый институт административно-правового принуждения. Рассматривается место режима высылки в системе мер административного принуждения (предупреждение, пресечение, ответственность), его отличие от административного выдворения и депортации. Исследуется механизм реализации режима и формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: режим высылки, административно-правовое принуждение, реестр контролируемых лиц, иностранные граждане, миграционное законодательство, административное выдворение, депортация, ограничения прав, органы внутренних дел, правоприменительные проблемы.

Современное миграционное законодательство Российской Федерации находится в стадии активного реформирования. Одним из наиболее значимых нововведений последних лет стало установление режима высылки с 5 февраля 2025 года в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории страны. Институт создан Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ, которым внесены изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1], [2]. Режим высылки представляет собой совокупность мер федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, применяемых к иностранным гражданам, не имеющим законных оснований для пребывания (проживания) в РФ. Цель настоящей работы — определить правовую природу режима высылки, выявить его место в системе мер административного принуждения, а также проанализировать механизм реализации и основные проблемы правоприменения.

В теории административного права традиционно выделяются три вида мер административного принуждения: меры предупреждения, меры пресечения и меры административной ответственности. Режим высылки не может быть однозначно отнесён ни к одной из указанных групп. Включение иностранного гражданина в реестр контро-

лируемых лиц (РКЛ) и установление контроля за его местонахождением являются мерами предупреждения. Доставление, задержание и помещение в специальное учреждение — мерами пресечения. Ограничения прав и свобод, сопровождающие режим высылки, фактически выполняют функцию ответственности, хотя формально режим не отнесён к мерам административного наказания. Ключевая особенность режима — его автоматическое применение в силу закона со дня внесения сведений об иностранном гражданине в реестр контролируемых лиц. Это отличает его от традиционных мер принуждения, требующих индивидуального правоприменительного акта. Режим высылки отличается от административного выдворения (ст. 3.10 КоАП РФ) и депортации (ст. 31 Федерального закона № 115-ФЗ) [3]. Сравнительная характеристика представлена в таблице 1.

Режим высылки не заменяет, а дополняет существующие институты, что создаёт параллельные механизмы удаления иностранных граждан. Согласно ст. 9.1 Федерального закона № 115-ФЗ, режим высылки применяется со дня внесения сведений об иностранном гражданине в реестр контролируемых лиц и прекращается со дня исключения из него. Реестр имеет публичный характер: доступ к сведениям имеют государственные органы, юридические и физические лица. Иностранн

Таблица 1. Сравнение режима высылки, административного выдворения и депортации

Критерий	Режим высылки	Административное выдворение	Депортация
Правовая природа	Комплексный режим контроля	Мера административного наказания	Мера принудительной высылки (не наказание)
Основание применения	Автоматически при внесении в РКЛ в силу закона	Решение суда (или должностного лица)	Утрата законных оснований для пребывания
Субъект принятия решения	Не требуется отдельного решения	Суд	Органы внутренних дел (МВД)
Характер действия	Длющийся правовой режим	Разовая мера	Разовая мера
Цель	Контроль и обеспечение выезда/легализации	Наказание за правонарушение	Принудительное удаление

считается уведомлённым о внесении в реестр со дня размещения сведений на официальном сайте МВД России. Среди оснований для включения в реестр (исчерпывающий перечень, п. 2 ст. 31.2 Закона № 115-ФЗ) можно выделить главные: истечение срока временного пребывания, разрешения на временное проживание, патента, трудового договора; аннулирование визы; назначение административного выдворения; принятие решения о депортации; незаконное пересечение границы; вступление в силу обвинительного приговора и др. К категориям иностранных граждан, не подлежащих включению в реестр, относятся: лица, осуществляющие трудовую деятельность на основании патента при своевременной уплате налогов; имеющие действующие разрешительные документы; граждане государств-участников ЕАЭС, заключившие трудовые договоры; обучающиеся по очной форме. Ограничения для контролируемых лиц установлены п. 2 ст. 31.1 Федерального закона № 115-ФЗ, согласно которому существует:

- запрет на государственную регистрацию в качестве ИП, учреждение юридического лица;
- запрет на приобретение недвижимости, транспортных средств, постановку их на учёт;
- отказ в открытии банковского счёта и осуществлении банковских операций, за исключением переводов для уплаты обязательных платежей, переводов на счёт контролируемого лица и выдачи наличных не более 30 тыс. рублей в месяц;
- ограничение права управления транспортными средствами, отказ в допуске к экзаменам и выдаче водительских удостоверений;
- запрет на изменение места жительства без разрешения органа внутренних дел, на выезд за пределы субъекта РФ;
- запрет на заключение брака;
- запрет на приём несовершеннолетних иностранцев в школы и детские сады.

По нашему мнению, одним из наиболее существенных ограничений является запрет на заключение брака, установленный в отношении контролируемого лица. Данное ограничение затрагивает фундаментальное право на создание семьи и вызывает наибольшее количество дискуссий в юридической литературе. Для усиления эффективности данного режима есть дополнительные меры контроля: установление местонахождения, доставление, задержание, помещение в специальное учреждение, дактилоскопия, фотографирование, согласование маршрута выезда.

При двукратном неисполнении обязанностей контролируемым лицом принимаются решения о депортации и помещении в спецучреждение. На основании п. 3 ст. 9.1 Закона № 115-ФЗ, приказов МВД России от 10.12.2024 № 862 и от 19.02.2026 № 79 должностные лица органов внутренних дел наделены правом доступа в жилые и иные помещения, где находится контролируемое лицо, в том числе с преодолением сопротивления, без судебного решения [4]. Данное полномочие представляет собой су-

щественное отступление от конституционного принципа неприкосновенности жилища (статья 25 Конституции Российской Федерации) и может применяться без получения судебного решения.

Вдобавок органы внутренних дел вправе устанавливать местонахождение контролируемых лиц с использованием данных мобильных устройств, геолокации, платёжных систем, средств фото- и видеофиксации, проверять документы, содержащие налоговую или банковскую тайну. Органы внутренних дел наделены исключительной компетенцией по назначению административного выдворения за миграционные правонарушения во внесудебном порядке. Несмотря на широкий спектр ограничений и контрольных полномочий, законодатель предусмотрел определённые гарантии для контролируемых лиц: контролируемое лицо сохраняет право на получение информации об основаниях применения режима, ознакомление с решениями и их обжалование в вышестоящий орган или суд (п. 4 ст. 9.1 Закона № 115-ФЗ).

Вопреки прогрессивному характеру введения режима высылки, направленного на усиление контроля в миграционной сфере, правоприменительная практика первого года действия данного института выявила ряд системных проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения. Одной из наиболее острых проблем правоприменения является высокий риск технических ошибок при формировании и ведении реестра контролируемых лиц. Автоматическое внесение в реестр при несвоевременном обновлении данных информационной системы МВД приводит к ошибочному включению иностранных граждан.

Согласно ч. 2 ст. 9.1 Закона № 115-ФЗ, уведомление считается полученным со дня размещения сведений на сайте МВД, а не с момента фактического извещения. Процедура исключения из реестра при технических ошибках недостаточно урегулирована, что создаёт правовую неопределённость. Второй системной проблемой является очевидная диспропорция между масштабом применения режима высылки и реальными административными, финансовыми и кадровыми ресурсами, которыми располагает государство для его реализации. По состоянию на 6 февраля 2026 года в реестре находилось около 840 тыс. иностранных граждан. За 2025 год выдворено 72 тыс. человек (8,6 %). Затраты регионов на выдворение за январь — ноябрь 2025 года составили 828,5 млн рублей. Около трети лиц в реестре (примерно 280 тыс.) — женщины и дети. При сохранении текущих темпов выдворение всех лиц из реестра потребует более десяти лет, что снижает эффективность режима как меры оперативного реагирования.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности режима высылки и устранение выявленных проблем. Для минимизации технических ошибок и формального подхода:

1. Ввести обязательное письменное уведомление о включении в реестр под расписку или заказным письмом.

2. Закрепить упрощённую внесудебную процедуру исключения из реестра при технических ошибках со сроком рассмотрения не более 3 рабочих дней, возложив бремя доказывания на уполномоченный орган.

3. Предоставить право последующего судебного обжалования включения в реестр в течение 30 дней с момента уведомления.

Для преодоления диспропорции ресурсов:

4. Установить дифференцированный подход к выдворению: приоритет для лиц, совершивших преступления или неоднократные правонарушения; для остальных — стимулирование самостоятельного выезда.

5. Ввести институт «самостоятельного контролируемого выезда» с обязательным уведомлением маршрута и подтверждением пересечения границы, что влечёт смягчение последствий (сокращение срока запрета на въезд).

6. Увеличить бюджетное финансирование и штатную численность ФССП России и МВД России для осуществ-

ления выдворения в масштабах, сопоставимых с численностью реестра.

Подводя итог, можно сказать, что режим высылки является новым комплексным институтом административно-правового принуждения. Он сочетает элементы мер предупреждения, пресечения и ответственности, применяется автоматически при внесении в реестр контролируемых лиц и существенно ограничивает права иностранных граждан (финансовые, имущественные, свободу передвижения, право на брак, доступ к образованию). Органы внутренних дел наделены широкими полномочиями, включая доступ в жилище без судебного решения и использование данных геолокации. Правоприменительная практика выявила проблемы технических ошибок и диспропорции между масштабом реестра (840 тыс. человек) и ресурсами для выдворения. Эффективность режима зависит от решения этих проблем и внедрения предложенных законодательных изменений.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 33. — Ст. 4990.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
4. Приказ МВД России от 10.12.2024 № 862 «Об утверждении Порядка организации работы МВД России и его территориальных органов при применении режима высылки» (документ официально не опубликован; доступ по СПС «Гарант»).
5. Официальные статистические данные МВД России и ФССП России за 2025–2026 гг. // Сайт МВД РФ (www.mvd.ru). — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/81291187/> (дата обращения: 20.05.2026).

Опыт зарубежных стран в области гарантий и мотивации государственных служащих: сравнительно-правовой анализ

Иванова Анастасия Александровна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится сравнительно-правовой анализ систем государственных гарантий и мотивации государственных служащих в зарубежных странах, таких как Германия, Великобритания и Япония. Исследуются материальные и нематериальные стимулы, пенсионные гарантии и правовые основы государственной службы в указанных государствах. В результате чего выявлены общие закономерности и специфические особенности в правовом регулировании, а также сделан вывод о том, что наиболее эффективные модели сочетают правовую устойчивость статуса служащего с переменными элементами вознаграждения, привязанным к результатам деятельности.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, государственные служащие, гарантии государственных служащих, мотивация государственных служащих, зарубежный опыт, сравнительное правоведение.

International experience in the area of guarantees and incentives for civil servants: a comparative legal analysis

The article provides a comparative legal analysis of the systems of state guarantees and motivation for civil servants in foreign countries, such as Germany, France, the United Kingdom, the United States, and Japan. It examines the material and non-material

incentives, pension guarantees, and legal frameworks for civil service in these countries. The article identifies common patterns and specific features in legal regulation and concludes that the most effective models combine the legal stability of the civil servant's status with variable elements of compensation tied to performance.

Keywords: *public service, civil servants, state employees, guarantees for civil servants, motivation of civil servants, foreign experience, comparative law.*

Система государственных гарантий и мотивации государственных служащих оказывает непосредственное влияние на качество государственного управления. От нее во многом зависит то, какие люди приходят на государственную службу, насколько добросовестно они выполняют свои функции и насколько велик риск коррупции. В этой связи изучение зарубежного опыта правового регулирования в данной сфере представляет как теоретический, так и практический интерес. Задача настоящей статьи — рассмотреть основные модели построения систем гарантий и мотивации государственных служащих в государствах с различными правовыми традициями, а именно: в Германии, Великобритании и Японии.

1. Германия: публичная служба и система гарантий

Германская модель государственной службы опирается на давние традиции профессионального чиновничества, при которых государство берет на себя широкие обязанности по обеспечению служащих. Примечательно, что в отличие от ряда других стран, где условия стимулирования в значительной мере зависят от ведомственных соглашений и договоров, в Германии основные параметры статуса служащих и их денежного содержания закрепляются на законодательном уровне. [1] [2]

Внутри публичной службы Германии выделяются чиновники (Beamte), назначаемые на должность специальным актом и находящиеся в отношениях служения государству, а также служащие, с которыми заключаются трудовые договоры. Для публичных служащих установлена развитая система уровней, отражающая требования к образованию и характеру выполняемых функций: простая, средняя, повышенная (ответственная) и высшая служба. Каждому уровню соответствует определенный круг должностей — от исполнителей с базовым школьным образованием до высших должностных лиц, для которых требуется завершленное высшее образование. [1]

Материальное положение немецких чиновников характеризуется высокой формализованностью. Германия относится к странам с классической карьерной системой государственной службы, где оплата труда базируется на конституционном «принципе содержания». Размер оклада напрямую зависит от трех факторов: уровня образования, профессиональной квалификации и подтвержденной способности к выполнению должностных функций. Эти критерии определяют ранг служащего, который служит основанием для установления должностного оклада. [2]

В условиях карьерной системы должностные оклады, а также виды и размеры дополнительных выплат (премий,

надбавок и доплат) фиксируются в законодательстве. Заработная плата чиновников складывается из нескольких элементов: должностной оклад по занимаемой должности, который, по оценке исследователей, составляет около 85 % совокупного дохода, и оставшаяся часть (различные надбавки и доплаты). Среди надбавок особое значение имеет так называемая «местная» надбавка, размер которой зависит от семейного положения и количества детей. Для каждого уровня государственной службы устанавливается собственная фиксированная величина такой надбавки. Среди прочего, предусмотрены также небольшая надбавка для сбережений, надбавка за работу за границей и «министерская» надбавка (для работающих в федеральных министерствах). [2]

Существенную роль в мотивации играет и система социальных гарантий. Например, государственным служащим предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью шесть недель, при этом на период отпуска выплачиваются дополнительные суммы, размер которых также увязан с семейным положением. Военные и близкие к ним категории служащих же не всегда получают специальные надбавки к окладу, однако пользуются иными преимуществами, к которым относятся дополнительный отпуск, бесплатный проезд в городском транспорте, право более раннего выхода на пенсию и безвозмездное медицинское обслуживание. [2]

Особое внимание уделяется медицинскому и пенсионному обеспечению. В отношении гражданских государственных служащих действует система, при которой за счет государства покрывается часть расходов на медицинское обслуживание (около половины стоимости услуг), а оставшаяся часть компенсируется самим чиновником либо через систему страхования. К тому же, немецкий государственный служащий обладает правом на пенсионное обеспечение, обеспечение семьи после его смерти, компенсации в случае несчастных случаев, а также на переходные выплаты в особых ситуациях. При этом размер пенсии связан с уровнем занимаемой должности и длительностью службы. [2]

Исследователи подчеркивают, что в системе оплаты труда немецких чиновников первостепенное значение при определении размера заработной платы имеют уровень образования и должностной статус (категория должности либо присвоенный чин). Такой подход обеспечивает высокую степень предсказуемости служебной карьеры. Вместе с тем существует определенный риск, связанный с тем, что высококвалифицированные специалисты могут склониться к переходу в частный сектор, поскольку там связь между достигнутыми результатами

труда и уровнем материального вознаграждения выражена четче. [1] [2]

2. Великобритания: от классической бюрократии к менеджериализму

Опыт Великобритании привлекателен тем, что сочетает давние традиции гражданской службы с достаточно радикальными реформами конца XX — начала XXI века. Так, британская государственная служба исторически формировалась как элитарный корпус «слуг Короны», долгое время комплектовавшийся по системе патронажа и воспринимавшийся как почетное занятие для представителей правящего класса. Реформы постепенно превратили ее в профессиональную службу, основанную на меритократических принципах, но при этом сохранившую сильные традиции политического нейтралитета и персональной ответственности. На этом фоне в конце XX века были предприняты попытки внедрения менеджериальных подходов, а именно: децентрализация, расширение автономии департаментов, ориентация на эффективность и конкуренцию внутри корпуса служащих. [3]

В настоящее время в британской модели центральное место занимает разветвленная система оценки деятельности государственных служащих, непосредственно связанная с их карьерным продвижением и оплатой труда. Оценка строится на ежегодном анализе выполнения индивидуального плана задач, сопоставлении достигнутых результатов с установленными стандартами и учете существенных внешних обстоятельств, повлиявших на работу. [4]

В области оплаты труда гражданских служащих Великобритании прошла путь от жестко централизованной классификации должностей с унифицированными разрядами и «вилками» окладов к более гибкой системе, где значительная часть полномочий по установлению диапазонов вознаграждения передана отдельным департаментам и агентствам. Для старших гражданских служащих по-прежнему действуют централизованно утвержденные диапазоны зарплат. При этом департаменты сами решают, к какому диапазону отнести ту или иную должность, и распределяют зарплаты внутри него. Чтобы определить, в какой диапазон попадает конкретная позиция, используют специальную методику: оценивают работу по ряду факторов и выясняют «вес» обязанностей. В каждом зарплатном диапазоне установлены минимальный и максимальный уровни оплаты, а также целевой показатель — к нему должны стремиться большинство сотрудников [4]

В Великобритании динамика заработной платы жестко привязана к результатам работы служащих. По данным исследований, размер ежегодного повышения оклада, а также объем премий и бонусов напрямую зависит от оценки эффективности сотрудника, тогда как формальная классификация должностей имеет второстепенное значение. Такой подход позволяет точнее учитывать индивидуальный вклад каждого работника и создает дополнительные стимулы для повышения производи-

тельности и качества труда — в отличие от традиционных карьерных моделей (как, например, в Германии). Вместе с тем, эксперты отмечают ряд проблем, а именно: сложно разработать объективные критерии эффективности; нет четких правил, как достичь уровня оплаты, соответствующего целевому ориентиру; есть риск, что базовая часть зарплаты будет отставать от уровня инфляции. Эти недостатки регулярно обсуждаются, и система постоянно корректируется, что говорит о ее незавершенности и поиске оптимальных решений. [3] [4].

3. Япония: карьерная бюрократия и модель пожизненного найма

Современная Япония представляет собой централизованное унитарное государство с развитой бюрократической системой, которая демонстрирует значительную историческую преемственность. Несмотря на процессы послевоенной демократизации политической системы, закрепленные в новой Конституции и сопровождавшиеся перераспределением полномочий между центральными и региональными органами власти, фундаментальные черты административной культуры остались практически неизменными. К ключевым характеристикам этой культуры относятся: жесткая иерархичность организационных структур, опора на традиционные конфуцианские представления о долге и моральных обязательствах, влияющие на нормы служебного поведения, приоритет коллективных интересов и общественного блага над индивидуальными потребностями, приверженность строгой регламентации и порядку, проявляющаяся в детально проработанных процедурах управления. В публичном управлении стремятся сбалансировать роль государственных органов и общественных структур, но чиновничество сохраняет ключевую роль в принятии решений благодаря традициям и устоявшимся практикам. [5]

Одной из определяющих черт японской модели занятости остается система пожизненного найма (сюсин коэ). Она сформировалась в послевоенные десятилетия и окончательно закрепилась в 1980-х годах. Суть подхода — в долгосрочной привязанности работника к одной организации до достижения установленного предельного возраста (тэйнэн), который постепенно повышается вслед за пенсионным. Такая практика опирается на культурно укорененные представления о долге (гири) и коллективизме: карьера сотрудника здесь осмысливается не индивидуально, а как часть общего пути компании. На этом фоне временная и нестабильная занятость (арубайто, фритеры) рассматривается как социально непрестижная и малообеспеченная, что усиливает мотивацию к поиску постоянного места работы. [6]

Система оплаты труда в рамках пожизненного найма долгое время базировалась преимущественно на выслуге лет. Так, в конце XX века зарплата старшего сотрудника многократно превышала доход начинающего работника. В последние десятилетия разрыв по доходам сокращается,

однако возраст и стаж по-прежнему остаются важными факторами, дополняющими должность, квалификацию и результаты труда. Базовый оклад, составляющий основную часть заработной платы, формируется с учетом этих параметров, а компании активно инвестируют в обучение и профессиональное развитие постоянных работников, укрепляя связь сотрудника с организацией. Такая модель, с одной стороны, обеспечивает высокую степень стабильности и предсказуемости карьерных траекторий, с другой — способствует распространению практик длительных переработок и формирует риски трудового перенапряжения. [6]

Попытки смягчить негативные последствия традиционной трудовой культуры привели к появлению новых категорий постоянных работников с различного рода ограничениями по времени работы, характеру выполняемых задач и возможностям ротации. Это расширяет вариативность занятости и позволяет учитывать потребности отдельных групп (в частности, женщин с семейными обязанностями), но не меняет базовой логики пожизненного найма как доминирующего ориентира. В условиях демографического старения и расширения сегмента непостоянной занятости нагрузка на систему социального обеспечения в Японии заметно возрастает. Перед моделью государственной службы возникает принципиальный вызов — сохранить проверенные временем элементы стабильности и одновременно внедрить механизмы более гибкого управления персоналом, отвечающие современным реалиям. [5] [6]

4. Сравнительные выводы

Анализ опыта Германии, Великобритании и Японии показывает, что сочетание карьерной модели государственной службы с системами оплаты и социального обеспечения реализуется по-разному. В основе различий лежат национальные традиции, административная культура и социально-экономическая политика.

Германская модель государственной службы базируется на четкой формализации правового статуса чиновника. Оклады законодательно закреплены, а сотрудники пользуются широкими социальными гарантиями. Такой подход компенсирует относительно невысокий уровень

зарплат по сравнению с частным сектором, в то же время он ограничивает возможности гибкого материального стимулирования. Продвижение по службе в основном зависит от уровня образования и должностного статуса в рамках нормативно установленной шкалы.

Британская система делает упор на результаты работы, а не на формальную классификацию должностей. Зарплаты устанавливают ведомства — они определяют «вилки» оплаты, исходя из оценки эффективности. Такой подход мотивирует сотрудников показывать лучшие результаты. Но из-за этого возникают вопросы: насколько справедлива система и достаточно ли четкие критерии используют для оценки.

Японская модель государственной службы опирается на устойчивую бюрократическую элиту и практику пожизненного найма. Сотрудники могут рассчитывать на стабильную занятость, рост зарплаты с увеличением стажа и широкие социальные гарантии. Все это мотивирует их оставаться в организации надолго. Но у системы есть минусы, а именно: она может приводить к перегрузке работников и увеличивать нагрузку на систему социального обеспечения.

Все три системы объединяет связь карьеры с четкими критериями: образованием, результатами работы и выслугой лет. При этом каждая страна по-своему балансирует стабильность и конкуренцию:

1. В Германии делают ставку на гарантированный доход и социальный пакет. Более низкие оклады компенсируются защищенностью статуса государственного служащего.

2. В Великобритании главное — личная результативность. Конкуренция за оценки, премии и продвижение здесь очень высока, но многое зависит от того, насколько точно можно измерить результаты работы.

3. В Японии опора на лояльность и пожизненный найм. Статус работника устойчив, но система должна адаптироваться к демографическим и социальным изменениям.

Таким образом, каждая страна находит собственный баланс между формальными правилами, стимулами и гарантиями. Он отражает национальные особенности административной культуры и социально-экономические условия.

Литература:

1. Шестак, В. А. Особенности публичной службы в Германии / В. А. Шестак, А. Д. Цыплакова. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-publichnoy-sluzhby-v-germanii> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Коголь, Т. Н. Система оплаты и стимулирования труда государственных служащих некоторых зарубежных стран (Германия, США) / Т. Н. Коголь, О. В. Анцибалова. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-oplaty-i-stimulirovaniya-truda-gosudarstvennyh-sluzhaschih-nekotoryh-zarubezhnyh-stran-germaniya-ssha> (дата обращения: 11.06.2026).
3. Кононов, Е. В. Применение опыта Великобритании в сфере оценки и стимулирования труда государственных служащих / Е. В. Кононов. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-opyta-velikobritanii-v-sfere-otsenki-i-stimulirovaniya-truda-gosudarstvennyh-sluzhaschih> (дата обращения: 08.06.2026).

4. Оболонский, А. В. Государственная служба Великобритании: традиции и поиск новой парадигмы / А. В. Оболонский. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sluzhba-velikobritanii-traditsii-i-poisk-novoy-paradigmy> (дата обращения: 10.06.2026).
5. Малышев, Ю. И. Государственная служба Японии / Ю. И. Малышев. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sluzhba-yaponii> (дата обращения: 16.06.2026).
6. Пожизненный наем. — Текст: электронный // solidarnost.org: [сайт]. — URL: <https://www.solidarnost.org/articles/pozhiznenny-naem.html> (дата обращения: 17.06.2026).

Валютная оговорка в договоре реализации туристского продукта: особенности реализации и принцип свободы договора

Казаченко Янина Станиславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена проблеме применения валютной оговорки в договоре о реализации туристского продукта. Анализируются проявления принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) в договоре данного вида. Исследуются императивные требования законодательства о защите прав потребителей, предъявляемые к цене туристского продукта. На основе обобщения неоднородной судебной практики формулируются критерии разграничения допустимого распределения валютных рисков и условий, ущемляющих права туриста, вносятся предложения по совершенствованию законодательства и разъяснению Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: валютная оговорка, договор реализации туристского продукта, свобода договора, защита прав потребителей, судебная практика, слабая сторона договора.

Туризм является одним из ведущих сфер гражданского оборота государств, в том числе и Российской Федерации (далее — РФ). Однако, в условиях беспрецедентного санкционного давления РФ были приняты ответные меры в сфере валютного регулирования, в частности Указ Президента от 01.03.2022 № 81 ввёл временные ограничения на проведение валютных операций в целях защиты национальных интересов и обеспечения финансовой стабильности РФ. [1] Это не могло не отразиться на всех сферах хозяйственной деятельности, включая рынок туристских услуг, оказываемых потребителю. Особенно остро данная проблема проявилась в сфере выездного туризма, где туроператоры, неся основную часть расходов перед зарубежными контрагентами в иностранной валюте, объективно заинтересованы в минимизации собственных курсовых рисков и перераспределении их на граждан-потребителей.

Одним из правовых инструментов, позволяющих учитывать и распределять такого рода риски между сторонами, является валютная оговорка. Несмотря на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), её применение в договоре реализации туристского продукта имеет существенные ограничения, связанные с императивными нормами законодательства, направленными на защиту слабой стороны — туриста. В результате возникает правовая неопределённость, при которой один и тот же правовой механизм в зависимости от его конкретной формулировки и условий применения в договоре может расцениваться судом или как допустимый способ распределения

рисков или как условие, ущемляющее права потребителя. Наиболее актуальной данная проблема проявляется при поэтапной оплате туристского продукта, когда скачок валютного курса, в период между платежами, может существенно увеличить фактическую стоимость для туриста.

Исходя из принципов гражданского права можно говорить о том, что договорные отношения субъектов данной отрасли основаны на их взаимном юридическом равенстве, исключающем властное подчинение одной стороны другой. Следовательно, заключение договора и формирование его условий, по общему правилу, должны носить добровольный характер, базирующийся исключительно на соглашении сторон и определяемый их частными интересами. [2, с. 182] На этой основе формируется одно из основополагающих начал частноправового регулирования — принцип свободы договора, который в соответствии со статьёй 421 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ включает в себя: свободу вступления в договорные отношения, выбора контрагента и вида договора, а также, что особенно важно для рассматриваемой темы, свободу определения его условий, включая цену, форму и порядок расчётов. Однако он не является абсолютным: стороны вправе определить условия договора лишь в пределах установленных законодателем, а именно императивными требованиями закона с учётом необходимости защиты слабой стороны обязательства и запретом злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). В противном случае договорное регулирование привело бы к дисбалансу интересов и нарушению стабильности гражданского обо-

рота. В условиях экономической нестабильности значение принципа свободы договора особенно возрастает, поскольку именно он позволяет предпринимателям самостоятельно распределять валютные и иные риски. В отношениях же, где одной из сторон являются потребители, данная свобода существенно ограничена.

В законодательстве, а также в доктрине гражданского права отсутствует единое легальное определение валютной оговорки. В научной литературе это понятие учёными-цивиристами традиционно раскрывается в двух основных смыслах. В широком смысле, как уже ранее указывалось, в виде правового инструмента, реализуемого в рамках принципа свободы договора, который, однако, ограничен требованиями добросовестности и необходимостью защиты слабой стороны. [3, с. 120] В узком же смысле, она понимается как специальное договорное условие, направленное на минимизацию валютных рисков и сохранение эквивалентности встречных prestations при колебаниях курсов валют [4, с. 45]. Оба доктринальных подхода не исключают, а взаимодополняют друг друга, но именно узкое понимание нашло закрепление в п. 2 ст. 317 ГК РФ, согласно которому в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определённой сумме в иностранной валюте. В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу, соответствующей валюты, установленному Центральным Банком РФ (далее — ЦБ РФ), денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон. Например, соглашением сторон может быть установлено, что курс ЦБ РФ дополняет определённая процентная надбавка для компенсации валютных рисков туроператора. Однако, несмотря на это, в договоре реализации туристского продукта с участием гражданина-потребителя её применение сталкивается с императивными ограничениями, установленными специальным законодательством.

В науке гражданского права подчеркивается, что общее правило о существенных условиях (ст. 432 ГК РФ) оставляет вопрос о цене на усмотрение сторон, поскольку для большинства договоров она не является условием, необходимым для признания договора заключённым [5]. Однако, в соответствии с п.2 ст. 10 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ) к существенным условиям договора о реализации туристского продукта относится общая цена туристского продукта в рублях. Это означает, что туроператор (турагент) не вправе указать цену исключительно в иностранной валюте без фиксации рублёвого эквивалента. Также, в связи с тем, что турист является потребителем, на него распространяются положения Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей». В силу статьи 16 условия договора, ущемляющие права потребителя, в рассматриваемом случае — например, право

туриста на достоверную информацию о цене услуги, по сравнению с правилами, установленными законами и иными нормативно-правовыми актами, признаются недействительными. Как справедливо уточняет А. М. Эрделевский, условие об оплате услуги по цене, определяемой в иностранной валюте без фиксации рублёвого эквивалента, является ничтожным, поскольку нарушает прямой законодательный запрет; при этом сам факт подписания договора потребителем не «исцеляет» такое условие. [6, с. 76]. В соответствии с п. 1 ст. 166 ГК РФ ничтожная сделка недействительна с момента её совершения независимо от признания судом. Это означает, что турист вправе требовать возврата излишне уплаченных сумм как неосновательного обогащения в пределах 3-летнего срока исковой давности.

Несмотря на указанные ограничения, судебная практика по этой проблеме неоднородна. Показательным, с точки зрения неоднозначности судебного толкования, является дело с участием турагентства «Цвет», [7] по которому при поэтапной оплате договор предусматривал пересчёт цены по курсу ЦБ РФ с 3 %-ной надбавкой туроператора в случае неполной оплаты в срок. К моменту окончательного платежа курс вырос, стоимость тура увеличилась, однако суд признал действия турфирмы правомерными, так как он исходил из того, что стороны согласовали такой порядок в соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ, а туристка, подписав лист бронирования и произведя доплату, фактически согласилась с изменением цены. Таким образом, валютная оговорка может быть признана допустимой, если турист своими конклюдентными действиями подтвердил согласие на изменение цены. Однако, данная позиция суда вступает в противоречие с фундаментальной целью ограничения свободы договора, выделяемой Брагинским М. И. и Витрянским В. В., — «защитой слабой (слабой) стороны, которая начинается со стадии заключения договора и завершается его исполнением». [8, с.90]. Представляется, что турист, уже оплативший часть тура, находится в экономически зависимом положении и вынужден доплачивать под угрозой потери внесённой суммы. В такой ситуации воля не является свободной, а значит, оговорка ущемляет его права и нарушает принцип добросовестности.

В судебной практике встречается и противоположный подход, при котором аналогичные условия признаются ничтожными. Например, в решении Новгородского районного суда от 11 марта 2019 г. по делу № 2-1336/2019 [9] где суд взыскал с турагента переплату, возникшую из-за привязки цены тура к доллару США, он указал, что условие о цене в иностранной валюте (даже при наличии рублёвого эквивалента) ущемляет права потребителя и является ничтожным на основании ст. 16 Закона о защите прав потребителей, а сам факт доплаты не свидетельствует о добровольном согласии. Более того, нарушение прав туриста такой оговоркой влечёт за собой право требовать компенсации морального вреда. Предусмотренная ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ возможность ком-

пенсации морального вреда, причинённого туристу, не имеет самостоятельного значения – право на такую компенсацию возникает у туриста именно как у потребителя на основании ст. 15 Закона о защите прав потребителей, что является важным и самостоятельным способом судебной защиты. [6, с. 73]

Следовательно, вопрос о допустимости валютной оговорки при поэтапной оплате не может решаться лишь ссылкой на конклюдентные действия туриста, а суды должны оценивать, была ли у туриста реальная возможность отказаться от изменения цены без потери уже уплаченных сумм.

В заключении хочется отметить, что экономическая нестабильность не создаёт новых правовых режимов для валютной оговорки, но она обостряет последствия правовой неопределённости, так как каждый скачок курса валюты обуславливает рост судебных споров между контрагентами и делает договор реализации туристского продукта зоной повышенного риска для обеих сторон.

Для того чтобы минимизировать эти риски и отстраниться от неоднозначности судебных толкований, участникам отношений целесообразно придерживаться нескольких важных правил. Несомненно, соглашаясь с мнением С. А. Нагорновой [10] о необходимости тщательного изучения договора и недопустимости одностороннего изменения цены, хочется добавить следующее, что туристу следует фиксировать всевозможные коммуникации с туроператором (скриншоты переписки, записи звонков, письменные запросы о цене туристского продукта). Это позволит, в случае, судебного разбирательства доказать, что он не давал согласия, например, на изменение цены в связи со скачком валютного курса. А также, для устранения неопределённости видится необходимым внести в ст. 10 ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ указание на недопустимость валютных оговорок, позволяющих пересчитывать цену при поэтапной оплате туристского продукта, либо дать соответствующее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ.

Литература:

1. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (ред. от 20.05.2024). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
2. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 524 с. — Текст: непосредственный.
3. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. — М.: Статут, 2012. — 450 с. — Текст: непосредственный.
4. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л. А. Лунц. — М.: Статут, 2004. — 350 с. — ISBN 5-8354-0204-8. — Текст: непосредственный.
5. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2018. — 528 с. — ISBN 978-5-8354-1440-6. — Текст: электронный // Znanium. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1014800> (дата обращения: 04.06.2026).
6. Эрделевский А. М. (ред.). Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный) / [Н. Н. Агафонова и др.]; под ред. А. М. Эрделевского; Моск. гос. юрид. акад. — М.: Юрист, 2002. — 382 с. — (Commentarium). — ISBN 5-7975-0509-6. — Текст: непосредственный.
7. ТА выиграло у туристки суд из-за удорожания тура в связи с валютным скачком. — Текст: электронный // rtournews.ru: интернет-сайт. — URL: <https://rtournews.ru/profnews/ta-vyigralo-u-turistki-sud-iz-za-udorozhanijatura-v-svjazi-s-valjutnym-skachkom.html#respond> (дата обращения: 30.05.2026).
8. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения: книга 1 / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 3-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2001. — 847 с. — Текст: непосредственный.
9. Решение Новгородского районного суда от 11 марта 2019 г. по делу № 2-1336/2019: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.06.2026).
10. Нагорнова С. А. Что делать, если стоимость турпутевки изменилась из-за резких колебаний курса валют? / С. А. Нагорнова. — Текст: электронный // garant.ru: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/nagornova/1196595/> (дата обращения: 02.06.2026).

Мировое соглашение как результат медиации в гражданском судопроизводстве

Карамышева Ульяна Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается общая характеристика медиации как одной из примирительных процедур в рамках гражданского судопроизводства. Констатируется, что итогом процедуры медиации может выступить заключение мирового соглашения. Сделан вывод о том, что в современных условиях порядок утверждения мирового соглашения, как представляется, должен предусматривать обязательное участие в соответствующем судебном заседании всех заинтересованных лиц, и в особенности сторон, заключивших такое соглашение.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, медиация, внесудебное урегулирование спора, примирительные процедуры, медиативное соглашение, мировое соглашение.

В соответствии с положениями законодательства Российской Федерации, правосудие в государстве может осуществляться исключительно судом. Государственные суды традиционно выступают в качестве ключевого звена любой системы разрешения правовых споров, более того, большинство правовых споров разрешаются именно в судебном порядке. Суд является субъектом разрешения правовых споров, который в наибольшей степени пользуется доверием со стороны граждан. Однако ежегодно регистрируется рост обращений в судебные органы, что закономерно влечет за собой увеличение судебной нагрузки. Все это закономерно обусловило необходимость обеспечения разгрузки государственных судов, улучшения качества судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, эффективным инструментом решения указанной задачи стало внедрение иных (внесудебных) способов урегулирования споров, одним из которых выступает медиация.

Законодателем процедура медиации определена как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [2]. К рассматриваемому способу урегулирования споров стороны могут прибегнуть в том случае, если стороны самостоятельно (например, посредством проведения переговоров) не могут достичь консенсуса, но имеется возможность урегулировать спор без обращения в систему государственных судов.

Процедуру медиации можно вполне обоснованно рассматривать как достаточно гибкий внесудебный способ урегулирования споров, поскольку он не регламентирован четко императивными законодательными нормами, а преимущественным образом определяется либо соглашением о проведении медиации, либо посредством ссылки в таком соглашении на правила проведения медиации, утвержденные соответствующими медиативными организациями.

По итогу процедуры медиации может быть заключено медиативное соглашение, которое российским законодателем рассматривается в качестве особой гражданско-правовой сделки. Е. И. Захарова мировое соглашение рассматривает как «гражданско-правовую сделку, являющуюся итогом взаимодействия сторон с целью урегули-

рования конфликта путем достижения взаимных уступок и требующую обязательного утверждения судом» [4]. Как справедливо отмечают В. О. Кожевникова и Т. В. Чугурова «Значение мирового соглашения в деле примирения конфликтующих сторон трудно преувеличить. Оно позволяет урегулировать конфликт не с позиции силы, то есть через подавление интересов одной из противостоящих сторон за счет превосходства финансового, административного, технического; и не с позиции права, когда юрисдикционные органы в рамках правоприменительной деятельности устанавливают права и обязанности сторон в принудительном порядке; оно направлено на то, чтобы сторонами их взаимные интересы были выявлены и учтены в рамках взаимовыгодного соглашения, чтобы ни одна из сторон не проиграла, чтобы социальные отношения были максимально сохранены. Даже в советский период, когда диспозитивные начала в процессе не имели значительного распространения, в отношении мирового соглашения отмечалось, что способствовать нормализации личных отношений сторон порой не под силу даже самому справедливому решению суда, тогда как заключение мирового соглашения, как правило, способствует их улучшению, что представляется весьма желательным» [5]. Не как гражданско-правовую сделку, а как правоотношение мировое соглашение рассматривает А. В. Чекмарева и определяет его как «утверждаемое судом урегулирование спорного правоотношения сторон на добровольной основе путем взаимных уступок в целях окончания процесса» [7].

Утверждение мирового соглашения осуществляется по правилам, определенным Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [1], по общему правилу вопрос об утверждении мирового соглашения рассматривается при участии лиц, которые такое соглашение заключили. Однако стоит сказать о том, что правило относительно рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения с обязательной необходимостью участия в судебном заседании лиц, заключивших мировое соглашение, имеет свои исключения. Так, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 153.10 ГПК РФ, суд может рассмотреть вопрос об утверждении мирового соглашения в отсутствие таких лиц при условии поступления от них

заявления об утверждении мирового соглашения в их отсутствие. Несмотря на тот факт, что приведенные положения, безусловно, предоставляют участникам гражданского судопроизводства определенные преимущества и удобства, на наш взгляд, их нельзя признать в полной мере удачными. Нам представляется возможным согласиться с позицией В. О. Ватаманюк, который считает, что утверждение мирового соглашения при отсутствии лиц, его заключивших, на практике может повлечь за собой наступление неблагоприятных последствий [3].

Приведенная позиция действительно видится обобщенной. Так, например, не исключены случаи, при которых лицо при заключении медиативного соглашения находилось в состоянии угрозы, насилия либо заблуждения. Кроме того, нельзя также исключить случаи направления аналогичного заявления лицом, находившимся в такой момент в состоянии, исключающим возможность понимать значение своих действий либо руководить ими. Данный аспект справедливо отражается также С. В. Моисеевым, который указывает, что при аналогичных случаях суд, фактически, принимает к рассмотрению заявления, которые никаким образом не идентифицированы и не аутентифицированы [6].

На наш взгляд стоит отметить достаточный уровень детализированности и прогрессивности гражданского процессуального законодательства, которое предоставляет гражданам широкие возможности принимать участие в судебном заседании даже без непосредственной явки в суд. Помимо стандартного поручения ведения дела представителю, кроме того, в современных условиях также присутствует возможность принятия участия в судебном заседании посредством использования систем видеоконференцсвязи и прочих информационных технологий.

В связи с этим, на наш взгляд, было бы наиболее целесообразным исключить потенциальные возможности ненадлежащего утверждения судом мирового соглашения. Порядок утверждения мирового соглашения, как представляется, должен предусматривать обязательное участие в соответствующем судебном заседании всех заинтересованных лиц, и в особенности сторон, заключивших такое соглашение. Может быть допустимым также установление действительного волеизъявления лиц, заключивших мировое соглашение, посредством использования систем видеоконференцсвязи и иных информационных технологий.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.
3. Ватаманюк В. О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
4. Захарова Е. И. Медиация как способ заключения мирового соглашения и прекращения судебного разбирательства // Научный журнал «Эпомен». 2022. № 70. С. 72–79.
5. Кожевникова В. О., Чугурова Т. В. Понятие и сущность мирового соглашения как результата примирительных процедур в российском праве // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 2 (74). С. 17–23 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49423805&ysclid=mq56cb58p5311969304> (дата обращения: 08.06.2026).
6. Моисеев С. В. Письменная форма мирового соглашения: все ли урегулировано? // Примирительные процедуры в гражданском праве и судопроизводстве. 2019. № 1. С. 169–174.
7. Чекмарева А. В. Мировое соглашение как результат выполнения задачи примирения сторон при подготовке дела к судебному разбирательству // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 76–80.

Понятие и элементы правового статуса нотариуса

Киселева Алина Денисовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует основные элементы правового статуса нотариуса.

Ключевые слова: нотариус, правовой статус, природа нотариуса, понятие нотариуса.

«Правовая природа института нотариата базируется на таком основном элементе, как правовой статус нотариуса. Именно объем его прав, обязанностей и ответственности,

характер взаимоотношений с государством и обществом, совокупность гарантий независимости предопределяет сущность нотариата в целом» — по мнению Г. Г. Черемных.

Нотариат есть система органов и должностных лиц, на которых государством возложено выполнение предусмотренных законом нотариальных действий в целях обеспечения защиты и охраны прав охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц.

Элементы нотариуса — это также довольно широкий перечень, который включает в себя правовой статус, полномочия, профессиональную этику и организационные основы деятельности. Поэтому основными элементами правового статуса нотариуса являются:

1. Права — совершение всех нотариальных действий, составление проектов сделок, истребование сведений из ЕГРН и других реестров;
2. Обязанности — оказание квалифицированной юридической помощи, соблюдение нотариальной тайны, отказ в действии противоречащих закону;
3. Гарантии — нотариус беспристрастен, независим, защита со стороны государства;
4. Ограничения — запрет предпринимательской деятельности, за исключением творчества и науки;
5. Ответственность — дисциплинарная, административная, гражданская, уголовная.

Помимо этого, к элементам можно отнести требования к кандидатам на должность нотариуса, закрепленные в Основном законодательстве Российской Федерации о нотариате согласно ст. 2 [1].

Также следует выделить признаки деятельности нотариуса [2]. Первый признак указывает на существование «системы», состоящей из нотариусов, работающих в государственной нотариальной конторе, занимающихся частной практикой, а также иных уполномоченных на совершение, предусмотренных Основами законодательства Российской Федерации о нотариате действий лиц (например, должностных лиц консульских учреждений).

Второй — определяет задачи, возложенные государством на нотариусов, заключающиеся в совершении нотариальных действий, а также в оказании юридической помощи.

Третий — позволяет выявить цель, достигаемую за счет решения указанных задач и направленную на обеспечение законности, юридической безопасности в частноправовых отношениях и, как следствие, обеспечение публично-правовых интересов государства и общества в стабильности гражданских, семейных правоотношений.

Правовой статус нотариуса складывается из следующих структурных элементов: правосубъектности (правоспособности и дееспособности), прав и обязанностей (компетенции), ответственности, а также гарантий деятельности. Специфика нотариального статуса проявляется уже на уровне правосубъектности. Для приобретения статуса нотариуса законодательство устанавливает систему квалификационных требований.

Двойственная природа нотариальной деятельности нашла отражение в доктринальных подходах к пониманию правового статуса нотариуса. В научной литературе отмечается, что «нотариус выступает одновременно как пред-

ставитель публичной власти, осуществляющий функции государства по правовой охране имущественных прав, и как независимый профессиональный юрист, несущий личную имущественную ответственность за результаты своей деятельности». Эта двойственность предопределяет особый режим правового регулирования, сочетающий публично-правовые и частноправовые начала [3].

Важным элементом правового статуса нотариуса является принцип независимости. Статья 7 проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности» [4] устанавливает: «Нотариус независим при совершении нотариальных действий и принимает решение о совершении нотариального действия либо об отказе в его совершении, основываясь на нормах действующего законодательства». Независимость нотариуса гарантируется недопустимостью вмешательства в его деятельность, что служит обеспечению законности и объективности при совершении нотариальных действий.

Законодательством предусмотрена система контроля за деятельностью нотариусов, включающая судебный контроль, контроль со стороны органов юстиции, а также контроль со стороны нотариальных палат. Это обеспечивает баланс между самостоятельностью нотариуса и необходимостью защиты прав граждан, обращающихся за совершением нотариальных действий.

Характеризуя правовой статус нотариуса, необходимо отметить его организационную составляющую: нотариус входит в систему нотариата, которая включает наряду с нотариусами Федеральную нотариальную палату и нотариальные палаты субъектов Российской Федерации, действующие на единой правовой и организационной основе. При этом нотариат не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления, что подчеркивает его особое место в правовой системе Российской Федерации.

Также определяющим в содержании нотариата является правоохранительная направленность деятельности его системы: юридическое закрепление гражданских прав и предупреждение их возможного нарушения в будущем. В связи с этим нотариат занимает свое место в системе российского правопорядка.

В заключении правовой статус нотариуса представляет собой комплексную правовую категорию, закрепленную преимущественно нормами конституционного, административного и процессуального права. Специфика статуса определяется двойственной природой нотариальной деятельности: с одной стороны, нотариус действует от имени государства и выполняет публично-правовые функции (защита прав граждан, обеспечение законности), а с другой — осуществляет свободную профессиональную деятельность, не являясь государственным служащим (в системе частнопрактикующих нотариусов). Это предопределяет уникальное место нотариуса в правовой системе: независимый профессиональный советник по правовым вопросам, наделенный властными полномочиями для совершения нотариальных действий.

Литература:

1. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2021. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: учебник / под редакцией профессора Е. А. Борисовой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Городец, 2023. — 606 с. С. 22–26.
3. Черемных Г. Г. Правовое регулирование участия нотариата в противодействии отмыванию противоправных доходов / Г. Г. Черемных, В. А. Бочковенко // Нотариус. 2022. N 7. С. 3–7.
4. Проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России 13.02.2025)

Соотношение публичного договора и договора присоединения

Козлова Юлия Владимировна, студент
Донецкий государственный университет

В статье рассмотрено соотношение публичного договора и договора присоединения, которые выступают как два самостоятельных правовых института закрепленных в Гражданском кодексе РФ. Проведен анализ правовых особенностей данных договоров, выявлены их общие черты и ключевые отличия. Публичные договоры и договоры присоединения способствуют формированию открытого взаимодействия участников гражданского оборота, соблюдения принципа равенства сторон и улучшают эффективность их взаимодействия.

Ключевые слова: публичный договор, договор присоединения, гражданско-правовые договоры, защита слабой стороны договора гражданское право РФ, свобода договора.

The Relationship Between a Public Contract and a Standard-Form Contract

The article examines the relationship between the public contract and the adhesion contract, which function as two independent legal institutions enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. An analysis of the legal characteristics of these contracts is conducted, and their common features and key differences are identified. Public contracts and adhesion contracts contribute to fostering open interaction among participants in civil circulation, upholding the principle of equality of the parties, and enhancing the efficiency of their engagement.

Keywords: public contract, adhesion contract, civil law contracts, protection of the weaker party to the contract, Russian civil law, freedom of contract.

Публичный договор относится к новеллам гражданского законодательства РФ. Переход нашей страны на рыночную экономику способствовал полному реформированию гражданского законодательства. В 1994 г. был принят новый гражданский кодекс, который содержал понятие «публичный договор». Публичный договор не является договором в привычном понимании — это правовой режим (под этим термином стоит понимать специфику юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств и способов специальной договорной конструкции, инструмент ограничения основополагающего принципа свободы договора, с целью обеспечить гарантии на приобретение участниками гражданского оборота необходимых, базовых благ на общих условиях без дискриминации [1]. Другая задача данного режима —

раженная в борьбе с монопольными тенденциями, что позволяет развиваться свободной конкуренции [2]. Обязанность заключить договор с каждым, кто обратился, содержится в себе как минимум три отдельных обоснования: намерение действующего правопорядка предоставить лицу конкретное благо, требование равного обращения и полное отсутствие дискриминации [3]

С нашей точки зрения правовой режим публичного договора многофункционален, и его ведущая функция — защита интересов экономически слабой стороны договора.

Этот правовой режим, является исключением из основного принципа гражданского права — свободы договора. Это прямо отражено в п. 1 ст. 421 ГК РФ: граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Принуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ, законом. Неограниченная

свобода договора может привести к увеличению дискриминации, тогда частная автономия лица может быть использована во вред, что повлечет за собой неравное обращение с участниками гражданского оборота [3].

Также перед законодателем возникла необходимость введения в гражданское законодательство норм, которые направлены на защиту интересов субъекта, который вынужден заключать договор, не принимая участие в формировании его условий. Данный тип договоров очень распространён в гражданском обороте, при совершении множества однотипных финансовых сделок [4].

Дефиниция договора присоединения содержится в п. 1 ст. 428 ГК РФ договор присоединения это — договор, условия, которого определены одной из сторон в формулярах и других формах и вторая сторона может заключить его только путем присоединения к предложенным в договоре условиям в целом. М. И. Брагинским и В.В. Витрянским выражено мнение о том, что главным квалифицирующим признаком договора присоединения является способ его заключения: «либо соглашайся со всем, что я предлагаю, либо договора не будет» [2]. Однако мы считаем, что не менее важный признак договора присоединения — его стандартные условия, записанные в унифицированную форму, которые разрабатываются сильной с экономической точки зрения стороной договора, с целью многочисленного использования в отношении большого круга лиц. Факт определения условий договора одной из сторон и по сути навязывания их другой стороне порождают в данных договорных отношениях слабую и сильную стороны. В качестве примера можно привести заключение договора энергоснабжения. В данном случае энергоснабжающая компания, которая является монополистом выступает в качестве сильной стороны, а потребитель, который не имеет выбора контрагента является слабой стороной. К подобным договорам также относятся договор по оказанию туристических услуг, кредитования, перевозки общественным транспортом. Основная сфера применения договора присоединения — правоотношения, где одной стороной выступает хозяйствующий субъект, занимающий монопольное положение в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг, а потребитель, будет вынужден принять все условия, содержащиеся в договоре присоединения [2]. Данный тип договора применяется тогда, когда заключение индивидуальных договоров является экономически нецелесообразным. Часто в отношении договора присоединения применяется термин «формулярный договор», так как его условия содержатся в стандартных формулярах.

Отдельно стоит отметить то, что формулировка п. 1 ст. 428 ГК РФ не означает, что буквально все данные договоры должны быть строго с определёнными условиями для всех. Так наличие в договоре присоединения отдельных, не попадающих под общий стандарт условий, который были индивидуально согласованы или включены в конкретный договор не дают основания чтобы не признать такой договор договором присоединения. К примеру, в договоре

кредитования или банковского вклада индивидуально обсуждаются сумма и срок договора, иногда порядок начисления процентов. В договоре страхования некоторые его условия определяются не стандартизированной формой, а учитываются пожелания страхователя и обстоятельства, которые связаны именно с особенностями заключения данного конкретного договора [5].

Правовой особенностью договора присоединения выступает то, что при заключении договора присоединения его сторонами не создается новая договорная конструкция и не согласовывают ее условия. Договорные отношения выстраиваются на уже имеющихся стандартных условиях того или другого вида договора, к которому присоединяется одна из сторон договорных отношений [6]. Признаки договора присоединения:

1) условия договора разрабатываются только одной из его сторон, в виде стандартных условий, которые в последствии утверждаются ей же;

2) при заключении договора присоединения, сторона, которая присоединяется должна иметь ввиду то, что она присоединяется ко всем без исключения условиям типового договора или типового формуляра. Законодателем исключено частичное присоединение;

3) способ заключения договора присоединения состоит в том, что сторона, которая присоединяется должна полностью изучить все условия договора и выразить свои намерения к их принятию, исполнению и заключению соответствующего соглашения путем его подписания.

Публичный договор нужно отличать от договора присоединения. Данные виды договорных отношений ограничивают принцип свободы договора и имеют определенные схожие черты. Обе договорные конструкции предписывают дополнительные обязанности для сильной, с экономической точки зрения стороны и в свою очередь, предоставляют определенные права для слабой стороны.

Исходя из дефиниций публичного договора и договора присоединения можно сделать вывод, что их субъектные составы отличаются. В соответствии с нормой ст. 426 ГК РФ субъектный состав публичного договора ограничен сферой деятельности стороны, обязанной заключить договор и отсутствием дискриминации для потребительской стороны, то есть имеет специальный субъектный состав. В ст. 428 ГК РФ, регламентирующей договор присоединения нет конкретного указания на вид лица и на осуществляемую им деятельность. Таким образом законодателем не установлены ограничения касательно деятельности сторон договора присоединения.

Договором присоединения предусмотрено, что сторона, присоединившаяся к договору вправе требовать изменения или расторжения договора, даже, если он не противоречит законодательству. По нашему мнению, это связано с тем, что сторона, присоединившаяся к договору, не может его изменить. В связи с этим п. 2 ст. 428 ГК РФ предусмотрено право стороны, которая присоединилась требовать расторжения или изменения договора в случаях:

1) договор хоть и не противоречит законодательству, но лишает сторону прав, которые обычно предоставляются по договорам подобного вида;

2) договор лишает или ограничивает ответственность второй стороны за нарушение обязательств;

3) в договоре содержатся явно обременительные условия, которые она не приняла бы, если бы у нее была возможность участвовать в определении условий договора. Эти же права подлежат применению при условии заключения договора, который не является договором присоединения, но условия изначально определены одной стороной, а другая сторона вынуждена была их принять в силу явного неравенства переговорных возможностей, поставлена в положение, которое весома затрудняет согласование отдельных условий договора. При этом договор присоединения можно изменить и расторгнуть как на основании условий главы 29 ГК РФ, так и на основании признания сделок недействительными.

В публичном договоре слабая сторона имеет право принудить другую сторону к заключению договора, при этом предприниматель сам определяет все существенные условия договора. В случае договора присоединения слабая сторона имеет больше возможности для изменения и расторжения заключенного договора при этом другая сторона не только сама определяет существенные условия, но и в праве отказаться от заключения договора. Принцип отсутствия дискриминации потребителей в публичном договоре более прост в применении и создает

условия для более жестких последствий его несоблюдения таких как ничтожность соответствующих условий в независимости от волеизъявления потребителя.

Один и тот же договор может быть одновременно и публичным договором, и договором присоединения, например, договор розничной купли-продажи, услуг связи. Данный факт предполагает возможности применения к нему норм ст. 426 и 428 ГК РФ. В данном случае потребитель будет обладать правом использования всех способов защиты своих прав, которые предоставлены законодателем в рамках данных договорных конструкций. То есть он может как потребовать исключение из договора всех недискриминационных, но обременительных, несправедливых условий по правилам ст. 428 ГК РФ или апеллировать к ничтожности дискриминационных условий по правилам ст. 426 ГК РФ, а также требовать заключения с ним договора в судебном порядке, в случае необоснованного отказа. В большинстве случаев публичный договор будет одновременно и договором присоединения, но не каждый договор присоединения будет публичным договором.

В заключении можно сделать вывод, о том, что публичный договор и договор присоединения имеет некоторые сходства, в частности по признакам однотипности условий договора, массовости предоставления товаров, услуг или работ и специальные требования к его заключению, защите слабой стороны. Но это две самостоятельные договорные модели, отличающиеся в правилах их заключения и особенностях защиты слабой стороны.

Литература:

1. Алексеев, С. С., Мурзин, Д. В., Степанов, С. А., Владимирова, Д. С. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Д. В. Мурзин, С. А. Степанов, Д. С. Владимирова; под редакцией С. А. Степанова. — 5-е изд. — Москва: Проспект, 2020. — 447 с.
2. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 3-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2001. — 840 с.
3. Громов, А. А. Сфера действия публичного договора / А. А. Громов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Том 16. — № 4. — С. 103–125.
4. Нюняев, В. О. Договор присоединения в российском гражданском законодательстве: особенности конструкции и проблемы правоприменения / В. О. Нюняев // Правоведение. Известия высших учебных заведений: научно-теоретический журнал. — 2010. — № 1. — С. 207–214.
5. Договорное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байракулов, к.ю.н. [и др.]; ответственный редактор А. Г. Карапетов. — Изд. 2-е, доп. — Москва: Статут, М-Логос, 2020. — 1070 с. — (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).
6. Белов, В. А. Проблемные аспекты общего учения о договоре. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / В. А. Белов. — Москва: Юрайт, 2008. — 993 с.

О некоторых вопросах, связанных с подведомственностью и подсудностью дел в сфере интеллектуальной собственности

Крюков Владимир Олегович, студент магистратуры;
Березуцкий Константин Павлович, студент
Курский государственный университет

Данная работа направлена на изучение вопросов подведомственности и подсудности споров, возникающих в области интеллектуальной собственности в России. В рамках исследования описывается двухзвенная структура охраны интеллектуальных прав: внесудебный (административный) порядок, включающий Роспатент, Палату по патентным спорам, Евразийское патентное ведомство, Минсельхоз, органы, уполномоченные в отношении секретных изобретений, и ФАС России, а также судебный порядок (суды общей юрисдикции, арбитражные суды регионов РФ, Суд по интеллектуальным правам, Верховный Суд РФ). Ключевое внимание уделено распределению полномочий между судебными инстанциями, исключительной компетенции Суда по интеллектуальным правам, а также территориальной и международной подсудности в случаях трансграничных правонарушений в интернете. Отмечены практические трудности, с которыми сталкиваются граждане — обладатели интеллектуальных прав при обращении в арбитражные суды, отсутствие унифицированного «теста целевой направленности» при рассмотрении интернет-споров и обязательность досудебного обжалования в административном порядке. В завершающей части предложены меры по изменению законодательства: введение упрощенного порядка передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражами для физических лиц, а также закрепление на законодательном уровне альтернативной территориальной подсудности по цифровым спорам, связанным с нарушением исключительных прав.

Ключевые слова: подсудность, подведомственность интеллектуальная собственность, Суд по интеллектуальным правам, административный порядок, Роспатент, территориальная подсудность.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и всеобщей глобализации хозяйственных связей роль интеллектуальной собственности возрастает невиданными ранее темпами, трансформируясь из второстепенного правового института в ключевой двигатель глобальной экономики. Цифровая трансформация, повсеместное внедрение высокоскоростного Интернета, прогресс в сферах искусственного интеллекта, технологий распределённых реестров и обработки больших массивов данных привели к тому, что нематериальные активы стали оцениваться не ниже, а в ряде отраслей — даже выше, чем классические материальные ценности.

Интеллектуальная собственность в качестве объекта правовой защиты имеет ряд особенностей: отсутствие материальной формы, территориальный принцип действия исключительных прав, а также возможность параллельного применения указанных объектов на разных территориях земного шара. Из-за многогранности данного правового института в России возникает значительное число споров, требующих урегулирования через судебные и административные механизмы. Имеются определённые сложности, связанные с установлением подведомственности и подсудности при рассмотрении дел в области интеллектуальной собственности. Кроме того, цифровая среда создаёт новые проблемы для судебной системы: классические правовые конструкции подведомственности и подсудности, разработанные для материальных объектов и действий, привязанных к конкретному месту, не всегда дают возможность чётко определить, какой суд правомочен рассматривать спор о нарушении исключительных прав. Указанные обстоятельства обуславливают

особую актуальность и необходимость пересмотра традиционных подходов к разграничению предметной, территориальной и международной подсудности по делам в сфере интеллектуальной собственности.

В абзаце первом статьи 1248 Гражданского кодекса РФ зафиксировано общее положение, согласно которому дела по спорам о защите нарушенных либо оспариваемых интеллектуальных прав подлежат рассмотрению и разрешению в судебном порядке. При этом в последующих абзацах той же правовой нормы указывается, что в отдельных случаях, прямо установленных Кодексом, защита прав осуществляется в административном (внесудебном) порядке. [1]

На сегодняшний день в Российской Федерации сформирована достаточно отлаженная система органов, уполномоченных на разрешение споров в области интеллектуальной собственности. В широком понимании эта система представляет собой двухзвенную конструкцию и включает как административные инстанции, которые рассматривают споры, касающиеся оспаривания предоставления правовой охраны объектам интеллектуальной деятельности или её прекращения, так и судебные инстанции, охватывающие более широкий круг вопросов, связанных с охраной результатов интеллектуального труда.

Административный механизм урегулирования и охраны интеллектуальных прав в России выступает в качестве альтернативного (а в некоторых ситуациях — обязательного) способа разрешения споров, касающихся в первую очередь предоставления и оспаривания правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации.

Основными органами, которые осуществляют административное урегулирование споров в данной сфере, являются Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) и Федеральный институт промышленной собственности (далее — ФИПС). Следует отметить, что в настоящее время в составе ФИПС функционирует 9-е подразделение, которое называется «Палата по патентным спорам». Главными задачами этого органа выступают: рассмотрение заявлений и возражений против решений, принятых по результатам экспертизы заявок на объекты патентного права и средства индивидуализации, с последующей подготовкой по ним проектов решений Роспатента; рассмотрение возражений, связанных с признанием недействительными патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а также подготовка по ним проектов решений Роспатента; рассмотрение заявлений и возражений, касающихся признания недействительным предоставления правовой охраны средства индивидуализации либо досрочного её прекращения, и подготовка по ним проектов решений Роспатента. Правила, регламентирующие порядок рассмотрения и разрешения споров в административном порядке Роспатентом, утверждены приказом Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства экономического развития РФ от 30 апреля 2020 г. № 644/261. [2]

Важно отметить, что в некоторых случаях обращение в Палату по патентным спорам является досудебным порядком в урегулировании спора в сфере интеллектуальной собственности. В частности, решения Роспатента об отказе в государственной регистрации результата интеллектуальной деятельности невозможно оспорить в судебном порядке без процедуры рассмотрения возражения в вышеуказанном административном органе. Указанный порядок оспаривания исходит из прямого толкования п. 2 ст. 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данное разграничение служит для облегчения фактической деятельности судов. Важно упомянуть, что в составе коллегий, осуществляющих рассмотрение возражений и заявлений по компетентному предмету спорного правоотношения, участвуют аттестованные государственные эксперты в сфере интеллектуальной собственности, что является дополнительной гарантией объективного рассмотрения споров.

Аналогичными полномочиями по разрешению споров в области интеллектуальной собственности наделено Евразийское патентное ведомство. Указанный орган также рассматривает возражения и заявления, касающиеся выдачи правоустанавливающих документов на евразийские патенты, а также оспаривание евразийских патентов на изобретения и промышленные образцы в порядке их административного аннулирования. Следует подчеркнуть, что при рассмотрении споров в Евразийском патентном ведомстве также действует механизм апелляционного обжалования, который предполагает рассмотрение спора экспертами, не принимав-

шими участия в разбирательстве дела в нижестоящей инстанции. Наличие данного механизма в структуре административного органа также говорит о высоком уровне организации работы этого административного органа. Вместе с тем, с учётом специфики предмета рассматриваемых споров, можно констатировать незначительное количество разрешённых дел.

Ещё одним специфическим органом, который разрешает споры в сфере интеллектуальной собственности в административном порядке, выступает Министерство сельского хозяйства РФ. Следует заметить, что предмет рассмотрения споров данным ведомством охватывает не менее узкую область правоотношений, а именно — защиту нарушенных прав на селекционные достижения. Рассмотрение и урегулирование споров, связанных с государственной регистрацией селекционных достижений, осуществляется на основании статьи 1248 Гражданского кодекса РФ и приказа Минсельхоза России от 31.10.2007 № 559 «Об утверждении Правил рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения» [3]. Во многом указанные правила аналогичны правилам, регламентирующим процедуру рассмотрения и разрешения споров в Палате по патентным спорам. В соответствии с п. 2 правил рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения, основной задачей Министерства сельского хозяйства в части разрешения споров в области интеллектуальной собственности является регулирование отношений, связанных с подачей и рассмотрением заявок на выдачу патентов на селекционные достижения, с государственной регистрацией указанных результатов интеллектуальной деятельности, с выдачей соответствующих правоустанавливающих документов, а также с оспариванием предоставления этим результатам правовой охраны либо её прекращением.

Следует также подчеркнуть, что особым регламентом характеризуются процедуры оспаривания предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, которые находятся под защитой государственной тайны. В ситуациях, когда требуется разрешение споров в отношении объектов интеллектуальной собственности, составляющих гостайну, задействуется специальный правовой механизм.

Согласно п. 3 ст. 1248 Гражданского кодекса РФ, порядок рассмотрения и разрешения споров, касающихся секретных изобретений, может определяться уполномоченными государственными органами. В п. 2 ст. 1401 ГК РФ установлено, что заявки на секретные изобретения с грифом «особой важности» или «совершенно секретно», а также на секретные изобретения, относящиеся к вооружению и военной технике, методам и средствам разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, имеющие степень секретности «секретно», подаются в зависимости от тематической принадлежности в уполномоченные Правительством РФ

федеральные органы исполнительной власти, Госкорпорацию «Росатом» или Госкорпорацию «Роскосмос».

Исчерпывающий перечень таких органов закреплён в Постановлении Правительства РФ от 02.10.2004 № 514 «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения». [4]

На основании п. 6 ст. 1401 ГК РФ возражения против решений, вынесенных по заявкам на секретные изобретения уполномоченными органами, рассматриваются в порядке, установленном этими органами. Следовательно, разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности, связанных с выдачей патентов на результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые государственной тайной, может осуществляться отдельными комиссиями при Министерстве обороны РФ, Министерстве внутренних дел РФ, Министерстве здравоохранения РФ, Министерстве промышленности и торговли РФ, Федеральной службе безопасности РФ, а также при Госкорпорации «Росатом» и Госкорпорации «Роскосмос».

Помимо этого, к числу органов, косвенно участвующих в рассмотрении административных споров в области интеллектуальной собственности, можно отнести Федеральную антимонопольную службу. Деятельность указанного ведомства также нацелена на урегулирование споров в рамках закреплённых за ним полномочий. В частности, ФАС России рассматривает споры о признании действий хозяйствующего субъекта актом недобросовестной конкуренции. Следует подчеркнуть, что по ряду споров перед обращением в судебные инстанции необходимо в обязательном порядке пройти данную административную стадию.

Исходя из изложенного, можно заключить, что система административного урегулирования споров в области интеллектуальной собственности является достаточно разносторонней и масштабной. Каждый орган, который рассматривает возражения относительно предоставления либо прекращения правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, наделён собственными полномочиями, что также находит отражение в характере регулируемых им правоотношений. С одной стороны, данная система представляет собой достаточно чёткое распределение по предметной принадлежности рассматриваемых споров, однако её масштабность создаёт определённые неудобства для граждан, связанные с последующей инстанционностью разбирательства дела.

Второй уровень системы разрешения споров в области интеллектуальной собственности состоит в обращении в судебные инстанции. Следует подчеркнуть, что любые решения упомянутых выше административных органов могут быть обжалованы в суде.

Одним из наиболее значимых вопросов подсудности в российском праве выступает разграничение предметной компетенции судов. Согласно ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), арбитражные суды

разрешают экономические споры, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. [5] Следовательно, споры о защите интеллектуальных прав подлежат рассмотрению в арбитражном суде при условии, что участниками спора являются юридические лица либо индивидуальные предприниматели. Если же одной из сторон выступает гражданин, не обладающий статусом индивидуального предпринимателя, и при этом спор не связан с его предпринимательской деятельностью, то такое дело относится к подсудности суда общей юрисдикции на основании ст. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ. [6]

Тем не менее, на практике возникают неоднозначные ситуации. К примеру, нарушение исключительного права на фотографическое произведение, опубликованное в сети Интернет. Если обладателем права является физическое лицо, а нарушителем — коммерческая организация, то формально такой спор должен рассматриваться в арбитражном суде. При этом сам правообладатель может не иметь статуса предпринимателя. В подобной ситуации спор не относится к подсудности суда общей юрисдикции, поскольку экономический характер спора определяется исходя из субъектного состава и характера нарушения. Указанная позиция несмотря на то что она направлена на унификацию судебной практики, создаёт для граждан-правообладателей определённые препятствия в виде необходимости обращаться в арбитражный суд с иным процессуальным регламентом.

Вместе с тем, правоприменительная практика порождает сложные случаи. Рассмотрим ситуацию с нарушением исключительного авторского права на фотографию, размещённую в интернете. Если правообладателем выступает гражданин (без статуса ИП), а нарушителем — юридическое лицо, осуществляющее коммерческую деятельность, то формально такой спор попадает под юрисдикцию арбитражного суда. При этом сам автор фотографии может вообще не заниматься предпринимательством. В данном случае дело не может быть рассмотрено судом общей юрисдикции, поскольку экономическая природа спора определяется как через субъектный состав, так и через характер допущенного нарушения. Хотя такой подход нацелен на единообразие судебной практики, он одновременно создаёт для физических лиц — обладателей интеллектуальных прав — дополнительные барьеры, связанные с необходимостью участия в арбитражном процессе с его особыми процессуальными правилами.

Большинство дел, вытекающих из предпринимательской деятельности в области интеллектуальной собственности, относится к подсудности арбитражных судов, действующих на уровне субъектов Российской Федерации. Согласно ст. 34 АПК РФ, арбитражные суды республик, краёв, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов в качестве суда первой инстанции рассматривают все дела, отнесённые к ведению арбитражных судов, за исключением тех, которые законом отнесены к компетенции Суда по интеллектуальным правам либо Верховного Суда РФ.

Следует подчеркнуть, что ключевое место в системе арбитражных судов отводится Суду по интеллектуальным правам (далее — СИП). В силу ч. 4 ст. 34 АПК РФ, СИП в качестве суда первой инстанции разрешает следующие категории дел: об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в области патентных прав и прав на селекционные достижения; о предоставлении либо прекращении правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности; о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием. В данном случае перечисленные полномочия Суда по интеллектуальным правам относятся к его исключительной подсудности.

Более сложным представляется вопрос о том, какой суд правомочен рассматривать в первой инстанции дела, отнесённые к компетенции СИП, когда речь идёт о взыскании компенсационных выплат за нарушение исключительных прав на объекты, правовая охрана которых была оспорена. В качестве примера можно привести ситуацию, когда истец одновременно заявляет требование о признании патента недействительным и о взыскании компенсации за его использование до момента такого признания. Классические правила территориальной подсудности, определяемой по месту нахождения ответчика (ст. 35 АПК РФ, ст. 28 ГПК РФ), зачастую оказываются малоэффективными в случаях, когда нарушитель действует анонимно либо зарегистрирован в другом регионе.

Статья 37 АПК РФ и ст. 32 ГПК РФ предусматривают возможность изменения территориальной подсудности на основании соглашения между сторонами. В настоящее время всё более широкое распространение получает применение договорной подсудности при заключении лицензионных договоров на использование объектов интеллектуальной собственности.

Высшей судебной инстанцией для дел в области интеллектуальной собственности является Верховный Суд РФ. Кассационные жалобы на акты Суда по интеллектуальным правам, вынесенные им в качестве первой инстанции, а также на постановления президиума СИП рассматривает Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Помимо этого, Верховный Суд РФ осуществляет надзорное производство в отношении деятельности Суда по интеллектуальным правам в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Значимым аспектом института подсудности при рассмотрении споров об интеллектуальной собственности выступает международная юрисдикция по таким делам. Учитывая территориальный принцип действия исключительных прав, правонарушение, совершённое за пределами России, не подпадает под действие российского законодательства. Вместе с тем, если объект интеллектуальной собственности используется на российской территории, то возникает вопрос о международной подсудности отечественных судов.

Согласно ч. 1 ст. 247 АПК РФ, арбитражные суды наделены правом рассматривать дела с участием иностранных

лиц в случаях, когда ответчик располагает имуществом на территории Российской Федерации либо когда рассматриваемое дело связано с ведением деятельности на территории РФ.

Следует подчеркнуть, что в последние годы российская судебная практика по трансграничным спорам в области интеллектуальной собственности продолжает активно формироваться. В научной литературе рассматриваются вопросы трансграничного характера административной защиты интеллектуальных прав на основе анализа российской судебной практики, при этом акцентируется внимание на необходимости изучения охраны прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях современных вызовов и рисков, а также с учётом изменений в экономической парадигме России.

Необходимо также принимать во внимание, что в сложившихся геополитических условиях постановления Европейского суда по правам человека, вынесенные после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению на территории РФ. Данное обстоятельство повышает значимость отечественной судебной системы в вопросах охраны интеллектуальных прав и делает более острыми проблемы международной подсудности, поскольку иностранные правообладатели всё чаще вынуждены напрямую обращаться в российские судебные инстанции.

Выполненное исследование вопросов подсудности дел в области интеллектуальной собственности даёт возможность сформулировать ряд итоговых выводов и предложений, направленных на улучшение правового регулирования в указанной сфере.

Во-первых, административная система разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности, включающая Роспатент, Палату по патентным спорам, Евразийское патентное ведомство, Министерство сельского хозяйства, а также уполномоченные структуры по секретным изобретениям и ФАС России, представляет собой многоаспектный механизм. Каждый из перечисленных органов имеет свои особые полномочия, что позволяет достичь высокой степени специализации при разбирательстве споров на начальной стадии. Вместе с тем, значительная разветвлённость данной системы порождает определённые трудности для граждан, выражающиеся в необходимости преодолевать сложную инстанционность для последующего судебного обжалования.

Во-вторых, судебная система охраны интеллектуальных прав, в состав которой входят суды общей юрисдикции, арбитражные суды субъектов РФ, Суд по интеллектуальным правам и Верховный Суд РФ, в целом позволяет эффективно и на высоком профессиональном уровне разрешать споры в данной сфере. Учреждение специализированного Суда по интеллектуальным правам явилось значимым шагом на пути формирования в России качественно новой модели судебной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, построенной на началах специализации и единообразия судебной практики.

В-третьих, анализ проблемных аспектов подсудности, касающихся разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также между СИП и арбитражными судами субъектов РФ, показал необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы. В частности, для граждан-правообладателей, которые вынуждены обращаться в арбитражные суды, не имея статуса индивидуального предпринимателя, было бы целесообразно предусмотреть упрощенный порядок перехода между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, по аналогии с институтом передачи дела по подсудности в случае ошибки истца.

Следовательно, вопросы подсудности при рассмотрении дел в области интеллектуальной собственности продолжают оставаться одной из наиболее значимых и активно развивающихся проблем современного российского процессуального права. Предложенные в данной работе направления по совершенствованию правового регулирования, основанные на сложившейся судебной практике и учитывающие современные вызовы цифровой экономики, будут содействовать повышению эффективности судебной защиты интеллектуальных прав и уменьшению количества процессуальных споров, возникающих до момента рассмотрения дела по существу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Приказ Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30.04.2020 «Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov). Номер опубликования: 0001202008260011. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202008260011>
3. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31.10.2007 № 559 «Об утверждении Правил рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 2008 г., № 5
4. Постановление Правительства РФ от 02.10.2004 № 514 «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения» // Собрание законодательства РФ, 11.10.2004, № 41, ст. 4046.
5. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
6. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532

Влияние практики суда по интеллектуальным правам на правоприменение

Крюков Владимир Олегович, студент магистратуры;
Березуцкий Константин Павлович, студент
Курский государственный университет

В настоящей работе анализируются положение и роль Суда по интеллектуальным правам в судебной системе России. Автор характеризует структуру федеральных судов и судов регионального уровня, детально останавливаясь на учреждении в 2011 году Суда по интеллектуальным правам в качестве специализированного арбитражного суда. Конституруется проблема вынесения судами первой инстанции формальных решений, обусловленная недостатком узкопрофильных знаний в области интеллектуальной собственности, что делает необходимым участие СИП. Отдельное внимание уделяется воздействию практики Суда по интеллектуальным правам на правоприменительную деятельность. На конкретных примерах демонстрируется, что решения и разъяснения СИП принимаются во внимание федеральными органами исполнительной власти, что способствовало отказу от абстрактных формулировок и внедрению унифицированных правовых подходов. Кроме того, автор показывает влияние постановлений СИП на судебную практику арбитражных судов субъектов РФ и апелляционных инстанций, а также их отражение в официальных обзорах судебной практики по вопросам досрочного прекращения охраны товарных знаков и защиты исключительных прав.

Ключевые слова: Суд по интеллектуальным правам, судебная система Российской Федерации, специализированный арбитражный суд, интеллектуальные права, Роспатент.

В Российской Федерации функционируют федеральные судебные органы и мировые судьи, действующие на уровне субъектов РФ.

К числу федеральных судов относятся:

- Конституционный Суд РФ;
- Верховный Суд РФ;
- Кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды — все они образуют систему федеральных судов общей юрисдикции;
- Арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ, а также специализированные арбитражные суды, которые в совокупности составляют систему федеральных арбитражных судов.

Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП) представляет собой специализированное арбитражное судебное учреждение, которое в рамках предоставленных ему полномочий рассматривает в первой и кассационной инстанциях дела, возникающие из споров о защите интеллектуальных прав. [1]

6 декабря 2011 года в Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» были внесены изменения, дополнившие его статьёй 26.1, чем было озаглавлено создание Суда по интеллектуальным правам.

Примечательно, что в научных кругах уже долгое время ведётся дискуссия о проблеме вынесения судами первой инстанции формальных решений по спорам, касающимся результатов интеллектуальной деятельности, которые впоследствии отменяются вышестоящими судами. Это связано с отсутствием у судей первой инстанции необходимых специальных познаний в сфере, регулируемой частью четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации. [2]

Из-за недостатка профильных знаний применительно к регулированию правоотношений, складывающихся в связи с возникновением исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, а также товарные знаки, складывается ситуация, при которой для принятия законного и мотивированного решения требуется участие Суда по интеллектуальным правам.

Суд по интеллектуальным правам выполняет функции органа, который в качестве суда первой инстанции рассматривает дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в области патентных прав, а также выступает инстанцией, пересматривающей в кассационном порядке судебные акты арбитражных судов субъектов РФ в целях обеспечения

более высокого уровня квалификации при разрешении споров, касающихся результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Следует принимать во внимание, что в своих постановлениях Суд по интеллектуальным правам неизменно подчёркивает: сделанные им выводы не предопределяют итоговое решение при новом рассмотрении дела, а имеют своей целью лишь необходимость тщательного и всестороннего изучения фактических обстоятельств, представленных в деле доказательств и доводов участвующих в нём лиц. [3]

Тем не менее, федеральные органы исполнительной власти в сфере патентных прав (к примеру, Роспатент), а также суды первой инстанции при вынесении собственных решений принимают во внимание доводы, содержащиеся в постановлениях Суда по интеллектуальным правам. Показательным в этом отношении является Постановление Президиума СИП от 18.06.2025 по делу № СИП-434/2024, которым Суд обязал Палату по патентным спорам при Роспатенте (далее — Палата по патентным спорам) повторно рассмотреть возражение, касающееся решения о регистрации товарного знака «Спецкабель». [4]

Палату по патентным спорам обязали провести повторное рассмотрение возражения, поскольку при вынесении отказа она не обозначила, каким образом в отношении одних товаров в словесном элементе товарного знака содержится указание на их назначение, а в отношении других товаров имеет место введение в заблуждение относительно свойств и предназначения товаров.

Суд по интеллектуальным правам разъяснил, что из содержания п. 1 и п. 3 ст. 1483 ГК РФ не вытекает единого основания для отказа, применяемого в совокупности. Поскольку для одних товаров и услуг словесный элемент товарного знака действительно может носить описательный характер, однако это обстоятельство не означает, что применительно ко всем остальным товарам тот же элемент будет ложным либо вводящим в заблуждение. В отношении определённой группы товаров словесный элемент может являться фантазийным, а следовательно, не способным вводить потребителя в заблуждение.

Следует отметить, что Палата по патентным спорам приняла во внимание разъяснения Суда по интеллектуальным правам и по итогам повторного рассмотрения возражения приняла решение удовлетворить его. [5]

В итоговом заключении по результатам рассмотрения возражения Палатой по патентным спорам были использованы доводы, содержащиеся в решении Суда по интеллектуальным правам. В частности, в решении Палаты по патентным спорам по заявке № 2022707588 было отмечено следующее: «Вместе с тем, коллегия учитывает тот факт, что одно и то же обозначение может быть признано описательным применительно к одним товарам и услугам,

ложным — в отношении других, и фантазийным — в отношении третьих».

Как отмечают многие специалисты в области права, начиная со второй половины 2025 года Палата по патентным спорам при вынесении собственных решений об отказе в регистрации товарных знаков по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 3 ст. 1483 ГК РФ, перестала использовать абстрактные формулировки без указания на наличие конкретной ассоциации, связанной с обманом или введением в заблуждение, а также без перечисления причин, делающих такую ассоциацию правдоподобной. Кроме того, в своих актах Палата по патентным спорам теперь ссылается на судебные решения Суда по интеллектуальным правам, вынесенные по аналогичным спорам.

К примеру, в Заключении Палаты по патентным спорам от 06.09.2024 [6] содержится отсылка к рекомендациям научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, касающимся применения принципа законных ожиданий при рассмотрении дел об оспаривании решений Роспатента, принятых в соответствии с пунктом 1 и подпунктом 1 пункта 3 статьи 1483 Гражданского кодекса РФ. [7]

Следует подчеркнуть, что указанные рекомендации были утверждены Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2023 № СП-22/28.

Кроме того, показательным является следующий аргумент Палаты по патентным спорам со ссылкой на практику Суда по интеллектуальным правам, который подтверждает тезис о влиянии решений СИП на правоприменительную деятельность: «Согласно сложившейся правовой позиции суда, способность вводить в заблуждение с помощью элементов обозначения или обозначения в целом не носит очевидного характера и, как правило, устанавливается через ассоциативный ряд, возникающий у потребителя при восприятии обозначения и формирующий у него те или иные представления о товаре/услуге, а также о производителе или лице, оказывающем услуги». Следовательно, по делам о спорах, касающихся регистрации товарного знака, очевидно воздействие практики Суда по интеллектуальным правам.

Тем не менее, Суд по интеллектуальным правам оказывает воздействие не исключительно на практику Роспатента, но и на судебную практику арбитражных судов регионов Российской Федерации, а также арбитражных апелляционных инстанций.

Согласно мнению многих специалистов в области права, Обзор судебной практики по спорам, касающимся

защиты интеллектуальных прав, создан для того, чтобы суды низших инстанций при принятии решений руководствовались нормами актуального законодательства, в том числе в сфере регулирования прав на интеллектуальную собственность. В обзорах судебной практики по данной категории споров нередко фигурируют Постановления Суда по интеллектуальным правам, что, в свою очередь, воздействует на правоприменительную практику в Российской Федерации

В частности, в упомянутом обзоре судебной практики присутствует постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2015 № С01–1281/2014 по делу № СИП-539/2014 [8]. На основании данного постановления Президиум Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 года подтвердил следующее: досрочное прекращение охраны товарного знака из-за его неиспользования влечёт за собой прекращение исключительного права на этот товарный знак на перспективу (на будущее время). При этом требования правообладателя, касающиеся защиты исключительного права и заявленные им до момента прекращения правовой охраны товарного знака, должны быть удовлетворены.

Кроме того, Суд указывает на то обстоятельство, что в данном случае действия правообладателя, направленные на защиту исключительного права, не могут рассматриваться как злоупотребление правом, так как они были совершены до того, как компания обратилась в суд с требованием о досрочном прекращении правовой охраны.

Помимо этого, показательным можно считать постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 марта 2015 г. по делу № А76–1541/2014, которое упоминается в Обзоре судебной практики по спорам, связанным с разрешением конфликтов о защите интеллектуальных прав. Указанным постановлением был закреплён следующий вывод: незаконное применение товарного знака путём продажи товара, подражающего данному товарному знаку, также квалифицируется как нарушение исключительных прав на этот товарный знак. [9]

Следует обратить внимание, что в дальнейшем это постановление находит отражение в решениях арбитражных судов первой инстанции. К примеру, в решении Арбитражного суда Московской области от 18.05.2026 по делу № А41–28346/2026 [10], решении Арбитражного суда г. Москвы от 12.05.2026 по делу № А40–39108/26–110–351 [11], решении Арбитражного суда Московской области от 03.05.2026 по делу № А41–94224/2025 [12], а также в решении Арбитражного суда г. Москвы от 17.04.2026 по делу № А40–22020/26–110–189 [13]

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, № 1, ст. 1
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02 сентября 2022 года по делу № С01–1476/2022 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/8c7b8d74-29c4-4b22-8c51-65322e5fa55d>

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 июня 2025 года по делу № СИП-434/2024 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/8ee193e5-dc3f-42d3-8569-5510e80f3cb7>
5. Решение Роспатента от 14.12.2025 года по заявке № 2022707588 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2025/15.12.2025/2025B00196.pdf>
6. Решение Роспатента от 31.10.2024 года по заявке № 2023700543 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2024/01.11.2024/2024B01093.pdf>
7. Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам о применении принципа законных ожиданий в делах об оспаривании решений Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента), вынесенных при применении положений пункта 1 и подпункта 1 пункта 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утверждённые Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2023 № СП-22/28 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408321309/>
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02 февраля 2015 года N C01-1281/2014 по делу № СИП-539/2014 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/00336094-7706-408d-8745-1a3e52213db3>
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 марта 2015 г. по делу № А76-1541/2014 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ce7f0b10-ce5c-4992-a026-24611fbf5c01>
10. Решение Арбитражного суда Московской области от 18 мая 2026 по делу № А41-28346/2026 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/917d9ebe-8f98-4d0c-98d5-91c28db640ab>
11. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12 мая 2026 по делу № А40-39108/26-110-351 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/231ddb5f-82c0-4237-9d88-893f122232d3>
12. Решение Арбитражного суда Московской области от 03 мая 2026 по делу № А41-94224/2025 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/4f0fad8c-e794-4cd5-872c-6fafb1473770>
13. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17 апреля 2026 по делу № А40-22020/26-110-189 — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ea5dac11-e22d-4866-a1db-7509e552ce20>

История правового регулирования перевозок грузов автомобильным транспортом в России

Лаптев Марк Александрович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье исследуются основные этапы становления и развития правового регулирования перевозок грузов автомобильным транспортом в России. Автор анализирует нормативные акты дореволюционного, советского и современного периодов, выявляются тенденции формирования транспортного законодательства. Особое внимание уделяется преемственности правовых институтов и влиянию экономических преобразований на содержание нормативных документов.

Ключевые слова: перевозка грузов, автомобильный транспорт, история транспортного права, правовое регулирование, Устав автомобильного транспорта, транспортная накладная.

Транспорт всегда выступал одним из важнейших экономических институтов, структура и специфика которого могли как способствовать, так и сдерживать развитие страны [11, с. 1]. Автомобильный транспорт, обладая такими преимуществами, как оперативность, маневренность и возможность доставки грузов «от двери до двери», занял особое место в логистической системе. Однако эффективность его функционирования напрямую зависит от качества нормативно-правового обеспечения. Осмысление современного состояния законодательства невозможно без ретроспективного анализа его истоков. В связи с этим целью настоящей работы является изучение генезиса правового регулирования грузовых авто-

деление их характерных черт. Представляется, что только такой историко-правовой подход позволяет понять логику формирования действующих норм и выявить потенциал их дальнейшего совершенствования.

Первые попытки нормативного урегулирования использования механических экипажей в хозяйственных целях относятся к концу XIX века. Ключевым документом, положившим начало данной отрасли, стало Постановление министра путей сообщения князя М. И. Хилкова «О порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров по шоссе ведомства путей сообщения в самодвижущихся экипажах» от 11 сентября 1896 г. [12, с. 2]. Примечательно, что первые опыты использования паромобилей для перевозки грузов имели место в России ещё в 1872 г., а 16 июля

того же года была выдана первая лицензия на перевозку тяжестей посредством паромобилия [12, с. 2]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, в тот период автомобиль в России не вызывал массового воодушевления, воспринимаясь скорее как экзотика или предмет роскоши. Основным тягловым средством оставалась лошадь, что, безусловно, тормозило развитие специализированного законодательства [9, с. 236]. Таким образом, дореволюционный этап характеризуется фрагментарностью правовых норм, которые в большей степени касались технических условий движения, нежели договорных отношений между перевозчиком и грузовладельцем.

Кардинальные изменения произошли после революции 1917 года, когда государство взяло курс на централизацию экономики. Уже первые декреты советской власти свидетельствовали о стремлении создать единую систему управления автотранспортом. Так, 10 июня 1920 г. был принят декрет Совнаркома РСФСР «Об автодвижении по г. Москве и её окрестностям (правила)», в котором были заложены основы регистрации автомобилей и утверждены формы путевых листов [12, с. 2].

Настоящим прорывом в развитии отрасли стало Постановление Совета Министров СССР от 25 декабря 1954 г. № 2499 «О дальнейшем расширении централизованных перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования» [5] (утратило силу). В развитие этого акта 4 мая 1955 г. было утверждено Положение

о взаимной материальной ответственности автотранспортных организаций и клиентуры [6] (утратило силу). Впервые на законодательном уровне была детально прописана структура договорных связей, определены основания ответственности за сохранность груза и порядок расчётов. Полагаю, что именно в этот период были заложены те базовые принципы (плановость, централизация, материальная ответственность), которые долгое время определяли лицо советского автотранспортного права. Важным шагом стала унификация отчётности и введение типовых договоров, что позволило снизить простой подвижного состава, достигавший порой 65 % рабочего времени [12, с. 3].

Принятие 8 декабря 1961 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик ознаменовало новый этап. Впервые была выделена отдельная глава о перевозке, установившая единые подходы для всех видов транспорта [3, с. 1–2] (утратили силу). Однако, как верно подчёркивает О. Ф. Фаст, Основы содержали лишь общие положения, оставляя неурегулированными вопросы о сроках доставки и конкретной ответственности [12, с. 5]. Тем не менее, именно в этот период формируется стройная система транспортного законодательства, включающая Устав автомобильного транспорта РСФСР (1969 г.) [7] (утратил силу) и многочисленные правила перевозок. Сравнение ключевых нормативных актов советского и современного периодов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика Устава автомобильного транспорта 1969 г. и 2007 г

Критерий сравнения	Устав РСФСР 1969 г. [7] (утратил силу)	Устав РФ 2007 г. [2] (действ. ред. от 31.07.2025)
Характер экономики	Плановая (централизованная)	Рыночная (децентрализованная)
Стороны договора	Преимущественно государственные предприятия	Юридические лица и индивидуальные предприниматели
Перевозочный документ	Путевой лист, товарно-транспортная накладная	Транспортная накладная (ст. 8)
Основание ответственности	Невыполнение плана перевозок	Неисполнение или ненадлежащее исполнение договора
Срок действия	Утратил силу с 19.03.2009	Действует (ред. от 31.07.2025, вступ. в силу с 01.03.2026)

Современный этап, начавшийся с распадом СССР и переходом к рыночной экономике, потребовал коренного пересмотра подходов. Монополия государства была заменена множеством частных перевозчиков, что актуализировало вопросы договорной дисциплины и конкуренции. Ядром современного регулирования стал Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (последняя редакция от 31 июля 2025 г., вступает в силу с 1 марта 2026 г.) [2]. В развитие устава были приняты правила перевозок грузов автомобильным транспортом: первоначально — Постановление Правительства РФ № 272 (утратило силу с 1 января 2021 г.), а в настоящее время — Постановление Правительства РФ от

21 декабря 2020 г. № 2200 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом» [4]. Стоит отметить, что современное законодательство отказалось от жёсткой централизации в пользу свободы договора, однако сохранило публичный характер перевозки транспортом общего пользования [8, с. 10]. Кроме того, Россия активно интегрировалась в международное правовое поле, присоединившись к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) 1956 г. [1], что позволило унифицировать правила документооборота и ответственности на трансграничных маршрутах.

Подводя итог, можно сделать вывод, что история правового регулирования грузовых автоперевозок в России прошла путь от фрагментарных технических правил до

сложного многоуровневого института. Дореволюционный период заложил первые технические стандарты. Советская эпоха сформировала стройную систему централизованного планирования и материальной ответственности, многие элементы которой (например, обязательность транспортной накладной) сохранились до наших дней. Современный этап характеризуется либерализацией, адаптацией к рыночным условиям и гармонизацией с международным правом. Представляется, что

дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути цифровизации транспортных процессов (внедрение электронных перевозочных документов) и совершенствования механизмов страхования ответственности перевозчика. Как справедливо отмечает Д. Г. Гасанов, развитие транспортных систем происходит в социально-экономическом контексте, и эффективная логистика опирается как на инфраструктуру, так и на управленческий опыт [9, с. 238].

Литература:

1. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Заключена в г. Женеве 19 мая 1956 г.) (вступила в силу для СССР 1 декабря 1983 г.) // Сборник нормативных актов «Международное частное право». — М., 1994.
2. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (ред. от 31 июля 2025 г., вступает в силу с 1 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 12.11.2007. — № 46. — Ст. 5555.
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. Верховным Советом СССР 8 декабря 1961 г.) // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 525. (утратили силу)
4. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 2200 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации» (ред. от 30 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 28.12.2020. — № 52. — Ст. 8879.
5. Постановление Совета Министров СССР от 25 декабря 1954 г. № 2499 «О дальнейшем расширении централизованных перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования» // Собрание постановлений Правительства СССР. — 1955. — № 1. — Ст. 122. (утратило силу на территории РФ с 21.02.2020)
6. Положение о взаимной материальной ответственности автотранспортных организаций и клиентуры за выполнение плана перевозок и сохранность перевозимых грузов (утв. Министерством автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР 4 мая 1955 г.) // СП СССР. — 1956. — № 1. — Ст. 122. (утратило силу)
7. Устав автомобильного транспорта РСФСР (утв. Постановлением Совмина РСФСР от 8 января 1969 г. № 12) // Свод законов РСФСР. — Т. 8. — С. 501. (утратил силу с 19.03.2009)
8. Абарышев, В. А. Правовое регулирование договора перевозки автомобильным транспортом по законодательству Российской Федерации / В. А. Абарышев, А. И. Кожевникова. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2022. — Т. 4. — № 2 (47). — С. 9–14.
9. Гасанов, Д. Г. Становление и развитие норм международного права о перевозке пассажиров и грузов / Д. Г. Гасанов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 25 (315). — С. 236–238.
10. Дамдын, О. С. Государственное регулирование транспортной деятельности / О. С. Дамдын, Ю. С. Очур. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2009. — № 12 (12). — С. 194–196.
11. Умарова, М. А. Исторические аспекты возникновения и развития института грузовых перевозок в отечественном законодательстве / М. А. Умарова. — Текст: непосредственный // Colloquium-journal. — 2019. — № 27 (51). — С. 209–211.
12. Фаст, О. Ф. История развития правового регулирования законодательства, связанного с организацией перевозок грузов автомобильным транспортом до принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / О. Ф. Фаст. — Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. — 2007. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 80–85.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 24.06.2026. Дата выхода в свет: 1.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.